

Карл-Хайнц Бохов

К ИСТОКАМ НИЛА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Карл-Хайнц Бохов

К ИСТОКАМ НИЛА

По следам путешественников прошлого

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1987

ББК л8
Б 86

Karl-Heinz Bochow
ZU DEN QUELLEN DES NILS
Auf den Spuren alter Reiseberichte
Edition Leipzig, 1977

Перевод с немецкого
В. И. БОЛОТНИКОВА

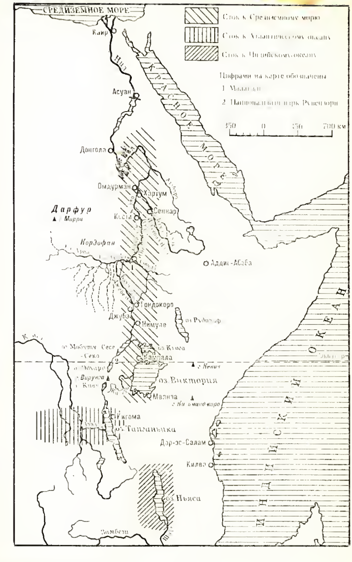
Ответственный редактор и автор послесловия
Л. Е. КУББЕЛЬ

Рецензенты
А. С. БАЛЕЗИН, А. М. БУКАЛОВ, Г. Ф. ТАРАСОВ

Б $\frac{1905020000\text{-}182}{013(02)\text{-}87}$ 68-88

Глава I

ТЫСЯЧЕЛЕТНИЙ ПОИСК

Гидрографические условия
в высокогорных районах Восточной Африки

Caput Nili quaerere[1].

Слезы богов

«И поскольку жрецы и ученые Древнего Египта видели, что Нил наделен исключительными, необычайными свойствами, то решили они, что сокрыта в нем божественная сила, и вот он стал для них одним из самых важных божеств: Нилу посвящали как обычные празднества богини Исиды, так и все прочие, важные праздники... А почитали эту реку невежественные народы весьма сильно и возносили ей молитвы; ведь только благодаря Нилу не знали они землетрясений, их не посещала чума, воздух был свеж, целебен, не досаждали им и проливные дожди. Поэтому они изображали Нил в бесчисленных аллегориях священного иероглифического письма». Так писал в 1671 году голландский врач и картограф Олферт Даппер, автор книги «Описание Африки».

Начало первой египетской династии фараонов положил, как традиционно принято считать, в 3000 году до нашей эры фараон Менес. Могучий Нил уже тогда приносил благо тем, кто селился на его берегах, и вызывал у людей представление о непостижимой, божественной силе и величии, таившихся в реке. Когда изменение климата в поясе Сахары (около 4000 года до нашей эры и в последующее время) принудило жившие там народы мигрировать, они ушли на восток и набрели на плодородную, но уже заселенную местность, которую регулярно заливали воды Нила,— и встретили, разумеется, сопротивление местных жителей, чье существование целиком зависело от реки, потому они и защищали свое право владеть «даром Нила» от посягательств чужеземцев. Правда, если в какой-то год разлива не было, эти люди голодали, но когда «Отец вод»[2] одаривал их своей

[1] «Искать исток Нила» (*лат.*) — изречение, ставшее символом напрасно потраченных усилий.— *Примеч. пер.*

[2] Так в переводе с амхарского звучит название Голубого Нила (Аббай). Автор распространяет это наименование на весь Нил.— *Примеч. пер.*

милостью, они собирали с приречной полосы плодородной земли богатый урожай. Плодородие Нила таково, пишет Даппер, «что благодаря ему не только земля хлебородна и скот тучен, но и сами люди довольно упитанны и плодовиты. В былые времена Египет сильно превосходил числом жителей все прочие государства — да и по сю пору многие превосходит».

Далее Даппер авторитетно сообщает, что именно по этой причине там некогда насчитывалось более «18 000 превосходных городов» с общим числом жителей не менее 1 млн. 700 тысяч человек.

В городе Нилополисе в честь Нила был сооружен храм, где реке приносили в жертву черных быков, а воды ее осыпали цветами лотоса.

Нил приносит из неведомых далей чудотворный ил, делающий поля плодородными,— ежегодно около 100 миллионов тонн, в состав его входят и частицы почвы с крутых берегов Голубого Нила (с невероятным грохотом обрушиваются берега в бурный поток), и обломки скал, и массы вулканической пыли из аспидно-черных каньонов Эфиопии, и смесь растительных остатков болот Сэдда с песком пустыни, гонимым в воздухе обжигающим ветром — хамсином *[3]. Весь этот «питательный бульон» обрушивается на жаждущую воды, растрескавшуюся от жары землю Египта и, как по мановению волшебной палочки, порождает «самые быстрые всходы» на свете. Всего через два месяца после того, как земледельцы бросали семена в эту почву, они уже собирали спелое зерно, а благодаря хитроумной системе орошения — два и даже три урожая в год. Каждый год люди с беспокойством, надеждой и тревогой ждали начала паводка, который вызывали, по их верованиям, слезы Исиды, оплакивавшей своего брата и супруга Осириса.

Однако чудо из чудес — присущий жизни реки ритм: всякий раз, когда в разгар лета все живое, казалось, вот-вот зачахнет, является этот живительный паводок и целых 40 дней вода в реке прибывает и прибывает. Так что вполне понятно, почему с появлением поселений на ее берегах культ реки нашел свое выражение в обожествлении ее и почему, как сообщает Даппер, Нилу «дают столь разнообразные почетные титулы и хвалебные эпитеты». Гомер утверждал, будто Нил ниспадает с неба,

[3] Слова, отмеченные *, см. в Глоссарии.

прямо из лона Юпитера, того же мнения и прочие греки, и даже сами жители Египта; одни называли эту реку даром Юпитера, другие — слезами богов, третьи — притоком рая, семенем богов, Протеевым[4] рыбьим садком, супругом богини Исиды. Сами мавры, которые существуют благодаря его полноводию, называют его «Главным колодцем небесных вод», а арабские поэты Ибн Фарид и другие — Хайат аль-ард — «Жизнью земли».

Еще несколько тысячелетий назад люди сумели приноровиться к ритму подъема воды в реке. Они вели тщательные наблюдения за уровнем воды в Ниле (некоторые ученые даже полагают, что изобретение календаря непосредственно связано с наблюдениями за паводком) — ведь приходилось учитывать его капризы. Хорошо развитая система каналов и водоемов, отделенных друг от друга небольшими дамбами (так называемая гаффовая система), распределяла его воды по обширной долине. Можно назвать в качестве примера регулирование уровня воды в рукаве Нила — Бахр-Юсуфе, а также значительное расширение защитных дамб на знаменитом озере Мерида в Файюме при фараоне Аменемхете III. Настолько хорошо была изучена теперь река, что египтяне, как писал впоследствии Лев Африканский[5], умели на год вперед, по высшему уровню воды в Ниле, довольно правильно предсказывать цены на зерно.

Чтобы иметь точное представление о масштабах «грядущего благоденствия» в Элефантине, Сиене, Гермонтисе, Мемфисе и т. д., были сооружены измерительные устройства — так называемые ниломеры, показывающие уровень воды в реке. Ниломеры сохранились до наших дней, и, пожалуй, наиболее известные находятся на острове Элефантина и в Каире, на острове Рода посреди Нила. Сведения о первом ниломере встречаются еще у Страбона, а Плутарх сообщает о подъеме воды в реке до 15 метров, что примерно соответствует надписи на колодце в храме Гора (Хора) в Эдфу. Ниломер на острове Рода был описан в начале XVI века Львом

---

[4] Протей — морское божество, вещий и бессмертный старец, неуловимый вследствие способности принимать различные образы.— *Примеч. пер.*

[5] Лев Африканский (ал-Хасан ибн Мухаммед ал-Ваззан аз-Зайяти ал-Фаси, ум. 1552) — марокканский путешественник и ученый.— *Примеч. ред.*

Африканским: «Посреди Нила, напротив Старого Города, расположен остров, называемый ал-Микйас, то есть „Мера“, так как там можно видеть размеченную меру для измерения Нила, по разливу которого узнают, будет ли в Египте изобилие или нужда. Этот способ, всегда безошибочный, был найден древними египтянами. <...> Опыт показывает, что, когда паводок достигает 15 локтей на колонне, год будет очень изобильным. Если же его уровень достигает от 15 до 12 локтей, урожай будет посредственным. Если он достигает от 12 до 10 локтей, это означает, что зерновой хлеб будет стоить по 10 дукатов за моджжо *. Но если паводок достигает уровня от 15 до 18 локтей, то это предвещает ущерб от обилия воды. Когда же вода поднимается выше 18 локтей, появляется большая опасность затопления всех населенных мест Египта. Должностные лица возвещают об этом признаке, и назначенные для этого мальчики бегут и кричат: „О люди! Бойтесь бога, так как вода достигла вершины плотин, сдерживающих реку“. Тогда народом овладевает страх, и он начинает молиться и раздает милостыню...» [6].

Во времена Геродота благоприятным для урожая считался уровень паводковых вод в 16 локтей. Поэтому «отец Нил» на знаменитой мраморной скульптурной группе, находящейся в Ватикане, окружен шестнадцатью младенцами. Но в результате отложения осадочных пород культурный слой почвы постоянно повышается (со времен неолита он вырос на 9 метров!), и сейчас оптимальная величина паводка должна составлять примерно 24 локтя. Георг Швейнфурт [7] писал в 1868 году: «Согласно многолетним наблюдениям, в нашем веке наиболее благоприятен (для процветания земледелия) уровень воды в 23 локтя и 2 дюйма по показанию ниломера, однако подъем воды еще лишь на один локоть может вызвать ужасные разрушения в дельте; в то же время подъем воды всего на два локтя меньше вызывает в Верхнем Египте засуху и голод. Удивительно чувствителен пульс, регулирующий артерию жизни этой великолепной страны».

[6] *Лев Африканский.* Африка — третья часть света. Описание Африки и достопримечательностей, которые в ней есть. Л., 1983, с. 331—332.

[7] Швейнфурт Георг Август (1836—1925) — немецкий исследователь, в 1868—1871 гг. совершил путешествие в южные области Восточного Судана и в бассейн р. Уэле (им же и открытой). — *Примеч. ред.*

Спустя 80 дней с начала подъема воды, когда паводок начинал спадать, власти уже устанавливали цены на продовольствие, в первую очередь на хлеб,— вот до чего точно могли египтяне по высоте подъема воды в реке оценивать размеры урожая на землях, лежащих выше и ниже по течению!

Ниломер на острове Рода повелел установить в 716 году халиф Сулейман. Эта восьмиугольная мраморная колонна разделена на 16 пиков[8]. Много веков спустя французы нанесли на него деревянный масштаб, а в 1886 году сюда были добавлены и метрические деления.

В Древнем Египте хотя и процветала цивилизация и весьма сильно были развиты наука и искусство, однако ничего не было известно об истоках реки, некогда создавшей основы существования этой страны и в значительной мере определявшей уровень культуры ее обитателей на протяжении тысячелетий. Жители Египта еще до начала нашей эры имели довольно верное представление о странах, расположенных по берегам Нила, но происхождение священной реки для них было сокрыто завесой тайны. «Отец истории» Геродот знал многие страны, он повидал их во время своих длительных путешествий на Кипр, в Египет, Персию, в страны по берегам залива Большой Сирт (Сидра). Добравшись по Нилу до Элефантины, он пожелал проникнуть в тайну ежегодного паводка и с помощью собранных сведений, путем собственных умозаключений попытаться определить, где находится исток реки.

Походы Александра Македонского позволили освоить новые земли и, следовательно, существенно расширили кругозор греческих ученых. Еще до средневековья немало знаменитых умов предпринимали усилия разгадать «великую тайну природы» — летний паводок Нила. О попытках Аристотеля в этом направлении свидетельствует его сочинение «О подъеме воды в Ниле». Аристотель же призывал вести поиски истоков реки. По совету своего высокочтимого учителя Александр Македонский разослал повсюду гонцов, которым удалось установить, что паводок начинается в горах Эфиопии. Древнеримский поэт Марк Анней Лукан так рассказывал об этом:

[8] 1 пик (дира) * = 0,582 м.

Высший из всех царей — Александр, к Мемфисскому богу —
Нилу — ревнуя, послал мудрецов в Эфиопию, земли
Дальние; их задержал обожженный, красный от зноя
Край полуденный; пришлось им видеть кипение Нила [9].

Тот же самый Марк Анней Лукан вкладывает в уста Цезаря такие слова, произнесенные якобы на празднестве у Клеопатры:

Дух мой, в котором живет такое усердие к правде,
К истине жаркая страсть, сильней ничего не желает,—
Только бы знать начало реки, сокрытое вечно,
Этот неведомый край; да будет дана мне надежда
Нила увидеть исток — и войну я гражданскую брошу [10].

Позднеримский историк Аммиан Марцеллин даже утверждал, что истоки Нила будут навеки сокрыты и для последующих поколений. *Caput Nili quaerere* — «Искать истоки Нила» — слова, ставшие почти на две тысячи лет крылатыми, служащие для выражения неудачного начинания, символ невозможного. В то же время поиски истоков Нила магически притягивали исследователей, ученых, искателей приключений и царственных особ, причем многие из них рисковали жизнью.

«Кладезь вод небесных»

«Откуда сия плодоносная река, собственно, берет свое начало? Над этим вопросом более трех тысяч лет назад ломали головы не только египетские жрецы, но и мудрейшие из греков и других народов, и все одинаково понапрасну».

Так голландский врач Даппер в своей «с тщанием составленной» книге «Описание Африки», которая и по сей день еще является сокровищницей исторических сведений, характеризовал безуспешные поиски истоков Нила, «кладезя вод небесных»; о различных теориях, существовавших на этот счет, мы здесь и расскажем.

Знания об Африке, имевшиеся у греков, неразрывно связаны с именем Геродота, и Египет, разумеется, описан им наиболее подробно. Как и остальных ученых мужей древности, Геродота заворожила загадка Нила. Правда, его теория (первая теория, созданная на географиче-

[9] *Лукан Анней Марк.* Фарсалия, или Поэма о гражданской войне. М.— Л., 1951, с. 238, строки 272—275.

[10] Там же, с. 235, строки 188—192.

ской основе) вообще была неверной: согласно ей, Нил протекал с запада на восток, через Ливию. Это ошибочное мнение продержалось вплоть до средних веков. Оно предполагало наличие связи между руслами Нила и Нигера.

Даже спустя 500 лет после Геродота, в «Естественной истории» древнеримского ученого Плиния Старшего, приводились свидетельства мавретанского царя Юбы II, а также полководца и географа Агриппы, которые соответствовали взглядам Геродота, хотя к тому времени путешественники уже смогли проникнуть далеко на юг, вплоть до болотистой области Сэдда.

В период расцвета античной географии во II веке нашей эры Птолемей, один из великих ученых античности, указал в своем труде «География», что истоки Нила лежат в Лунных горах — но подтверждение тому было получено лишь через полторы тысячи лет.

В последующие века ученые лишь осваивали сведения древних сочинителей и не предпринимали попытки обнаружить новые факты. Правда, по-прежнему рождались теории о местоположении истоков Нила — их помещали то на востоке, то на западе Африки.

Когда в VII веке бедуины Аравии двинулись завоевывать мир под знаменем пророка Магомета, связь Европы с Африкой нарушилась, Средиземное море утратило свое значение связующего звена между культурами [11]. Правда, именно высокоразвитая арабская культура, ценившая ученость и образованность, спасла для потомков великое произведение Птолемея, которое в христианских странах на Западе, находившемся под властью всемогущей церкви, не было известно, причем в Европе церковные догматы заклеймили научные изыскания как ересь, и знания прежних веков растворились во мраке суеверий.

Но арабы не только перевели на арабский язык найденные ими в знаменитой Александрийской библиотеке античные труды («География» Птолемея появилась под названием «Альмагест»), но и предприняли крупные географические экспедиции. Представления арабов об истоках Нила по-прежнему покоились на воззрениях Птоле-

[11] Утверждение об утрате Средиземным морем роли связующего звена между культурами после арабских завоеваний едва ли может считаться обоснованным: завоеватели приняли активное участие в культурных контактах, восприняв многовековую традицию народов Средиземноморья.— *Примеч. ред.*

мея о двух озерах, питающих великую реку; они, правда, добавили к ним еще одно озеро, расположенное южнее экватора — озеро Кура, принимающее в себя воды вышеназванных. Тем самым арабы сильно исказили довольно близкое к истине предположение. Опираясь на античные источники, они заставили вытекать из озера Кура целых три реки! Согласно их воззрениям, на север устремлялся «Нил Египта», на запад, в сторону Атлантического океана — «Нил Ганы», а на восток, в Индийский океан — «Нил зинджей»[12]. Из-за этого ошибочного положения, высказанного арабскими путешественниками ал-Идриси и Ибн Баттутой[13], португальцы в XV веке поначалу искали кратчайший путь в Индию через континент и лишь впоследствии обогнули Африку. А предполагавшаяся арабами связь между Нигером и Нилом вновь проявилась позже в знаменитых картах Анжелино Далорто и Фра-Мауро и сохранилась на географических картах вплоть до XIX века!

Многие поколения ученых считали Голубой Нил основным руслом реки. Белый Нил, сливающийся с ним, был им либо вовсе неизвестен, либо же они отводили ему второстепенную роль. Свою убежденность в этом высказал еще Аристотель, и склонили его к такому мнению, несомненно, те самые гонцы, которых разослал Александр Македонский. Он высказал лишь предположение, что западный рукав течет от «западноафриканских Серебряных гор». К концу средних веков восточным притокам Нила стали приписывать все большее значение. При этом верховьями Нила считались реки Тэкэзе и Атбара.

Продвижение португальских миссионеров в Абиссинию (Эфиопию) способствовало всесторонней разведке внутренних районов этой прежде закрытой для чужеземцев страны. В результате Астап Птолемея (то есть Голубой Нил) был признан истинным истоком реки, а миссионеры Педро Паэс и Жироме Лобу совершили важнейшее географическое открытие XVII века: они нашли истоки Голубого Нила. 150 лет спустя шотландец Джеймс Брюс также решительно высказался за то, что

[12] Страной зинджей арабы называли африканское побережье Индийского океана южнее Африканского Рога.— *Примеч. пер.*

[13] Ибн Баттута, марокканский путешественник XIV в., правильно описал направление течения р. Нигер — с запада на восток. Теория же «трех Нилов» сложилась в арабской географической литературе значительно раньше, практически уже в XII в. —*Примеч. ред.*

эта река — основное русло Нила: в 1770 году он вновь обнаружил забытые всеми к тому времени истоки Голубого Нила. А английский исследователь Сэмюэл Уайт Бейкер, приняв во внимание объем водных масс в реке Атбара, назвал истоками Нила вообще все потоки, стекающие с Эфиопского нагорья.

Великие географические открытия путешественников XIX века, которые постепенно раскрывали тайну местонахождения истоков Нила, не принесли им ожидаемой и заслуженной славы, а вызвали лишь зависть, наветы и новые сомнения. Первоначальные предположения английского исследователя Африки Давида Ливингстона, что открытые им реки Луапула и Луалаба в системе реки Конго непосредственно связаны с Нилом, были одной из последних теорий о происхождении Нила. Экспедиция Генри Мортона Стэнли, организованная для оказания помощи Эмин-паше[14], завершила разгадку тайны истоков Нила: были открыты река Семлики, озеро Эдуард и легендарные Лунные горы; так закончилась самая длительная, полная невероятных приключений географическая эпопея на нашей планете.

Описание реки

«Поистине удивительны как течение Нила, так и то, что о нем рассказывают... Если бы я записал все, что наши историки говорят о Ниле, то это показалось бы баснями и было бы докучным для читателя»[15],— писал Лев Африканский.

Многие из известных ему источников были и в самом деле так удивительны и фантастичны, что Лев Африканский, основываясь на собственных глубоких познаниях, судил о них весьма строго. Правда, сведения об Африке и в новое время мало чем уступали античным мифам или средневековым легендам — ведь как исследовательские экспедиции, предпринятые с целью решить загадку Нила, так и последующие научные путешествия приносили невероятные данные, хотя все эти сухие факты об объеме черепа гориллы, о росте пигмеев, о глубине

[14] Эмин-паша (Эдуард Шнитцер, 1840—1892) — немецкий врач и путешественник, в 1877—1887 гг. египетский губернатор Экваториальной провинции в Судане, впоследствии — германский колониальный администратор в Восточной Африке.— *Примеч. ред.*

[15] *Лев Африканский.* Африка — третья часть света..., с. 355—356.

кратеров вулканов или же величине ледников на Лунных горах все же не затмили ореола чудесного вокруг самой длинной реки на Земле.

Судьбы более 50 миллионов человек неразрывно связаны с Нилом: это судьбы феллахов, обрабатывающих свои поля неподалеку от знаменитых египетских пирамид; нилотов, которые обитают в болотистых зарослях верхнего течения Нила и питаются рыбой; бантуязычных крестьян, разбивших по берегам его притоков кофейные и чайные плантации. Почти все у Нила — от колыбели среди ледников и вулканов и до устьев и проток, впадающих в море (на многих древних произведениях искусства изображалось семь рукавов этой реки),— «самое-самое».

В бассейне Нила находятся самый крупный и самый высокий горный массив Африки, самое большое озеро и наиболее населенный город континента. Зона культурного земледелия в Египте, созданная этой рекой,— один из самых густонаселенных регионов планеты: плотность населения составляет здесь 900 человек на один квадратный километр. Нил — самая протяженная река земного шара — 6671 километр, если считать ее длину от истока Рукарара, наиболее удаленного от моря. Деятельность человека укротила его могучие водные массы, создав самые крупные водохранилища на Земле: такие, как высотная плотина Оуэн-Фолс в Уганде и Асуанская плотина в Египте. И хотя река Конго значительно превосходит Нил как по площади бассейна — 3690 тысяч квадратных километров, так и по массе воды — 39 тысяч кубометров в секунду (для Нила эти показатели соответственно 2900 тысяч квадратных километров и 2300 кубометров в секунду), однако некоторые характеристики Нила как водного потока вызывают безграничное восхищение, причем их неспособна превзойти ни одна река в мире: так, масса воды в реке во время паводка в 18 раз больше количества воды при нормальном, низком уровне; это при том, что в нижнем течении, составляющем почти половину всей длины реки, в него не впадает ни одного притока, так что ему приходится в одиночку справляться с натиском пустыни, которая на протяжении трех тысяч километров угрожает его берегам и лишает его с помощью немилосердно палящего солнца почти половины воды. Но несмотря на все, Нил не иссякает в бесконечных песчаных барханах, как это происходит со многими другими реками, а дости-

гает моря довольно могучим потоком, в то время как множество искусственных оросительных систем, состоящих из плотин, каналов, насосов и черпаков, и посягают на его жизненные силы. Хотя Нил пересекает 35 широтных градусов, он несет свои воды прямо в море, не зная гигантского расширения речных просторов, как, например, Амазонка, и не создавая грандиозных излучин, как Янцзы или Конго: русло реки не выходит за пределы сравнительно узкой полосы между 30 и 35° в. д., и даже единственная петля, которую делает Нил в Нубии, остается в этих границах.

Исток Нила носит название Кагера; правда, путешественнику Джону Хэннингу Спику он был известен под названием Китангуле; Стэнли же дал ему название Александра-Нил. Река Кагера образована, в свою очередь, слиянием вод рек Ньяваронго (с притоком Рукарара), Аканьяру и Рувуву (с притоком Лувиронза), которые берут свое начало на Восточно-Африканском плоскогорье. Все эти горные реки, особенно в сезон дождей, бешено несутся с гор в долину, но в среднем течении Кагера ведет себя уже совершенно иначе. Русло ее расширяется, образуя заводи, заросшие водной растительностью — джунглями папируса; берега реки заболочены, что говорит об очень малом уклоне местности (всего 10 сантиметров на 1 километр). Это создает идеальные условия для обитания здесь бесчисленных видов не только болотных птиц, но и антилоп-импала, слонов и т. п.; благодаря созданию национального парка Кагера в Республике Руанда (площадью 251 тысяча гектаров) условия эти сохраняются в неизменном виде. Затем река Кагера устремляется на восток, к озеру Виктория[16], она мчится меж крутых, высоких берегов — уклон местности стал больше. При впадении Кагеры в озеро Виктория река становится уже довольно широкой — около ста метров! Позади первый большой отрезок реки — почти 840 километров, где течение по большей части бурное, стремительное: ведь от истока юный Нил опускается на 1306 метров!

В наши дни уже начали использовать для получения электроэнергии неукрощенные воды рек—истоков Нила. В Руанде строят гидроэлектростанцию на реке Мунгве, притоке Ньяваронго; в Бурунди — ГЭС на Лувиронзе для снабжения электричеством Гитеги. Строи-

[16] Озеро Виктория имеет и местные названия: Укереве и Ньянза.— *Примеч. пер.*

тельство водохранилища на реке Кагера близ Русуму — это важное совместное начинание Руанды, Бурунди и Танзании, цель которого — развитие промышленности, сельского хозяйства и туризма.

Площадь озера Виктория — 68 800 квадратных километров; это второе по величине пресное озеро мира. Глубина его не превышает 80 метров, а расположено оно на высоте 1134 метра над уровнем моря в плоском высокогорном бассейне Уганды и на плато Уньямвези. Огромное количество воды испаряется с грандиозных просторов озера (согласно де Мартонну — 30 кубических километров в год), и оно должно компенсироваться в сезон дождей. И хотя Кагера доставляет в озеро бо́льшую часть вод с высокогорья Руанды и Бурунди, она не в состоянии восполнить потерю воды, поскольку из озера ее вытекает столько же и даже больше, чем поступает в него. Этот сток в северной части озера — начало Виктории-Нила (местные жители называют его Кивира, а европейцы-первооткрыватели окрестили его Сомерсет-Нил), начало знаменитого, открытого еще Спиком истока Нила. Плотина Оуэн-Фолс перегораживает здесь реку и, подняв на метр уровень воды в озере, создает грандиозный ее запас — 68 миллиардов кубометров! Нил, носивший до недавних пор на себе лишь легкие рыбацкие челны да большие корабли, крутит турбины электростанции, причем это уже вторая ГЭС (первая расположена близ Кикагати на реке Кагера); третья же — у водопадов Бужагали, в семи километрах от города Джинджа, ниже по течению.

Подобно Кагере, силы Виктории-Нила также иссякают в огромных просторах воды и болот, после того как он, на протяжении всего 60 километров, теряет 100 метров высоты и впадает в озеро Кьога, глубина которого 4—9 метров, а площадь 1800 квадратных километров. Нил здесь имеет ширину 600 метров, судоходен, и на протяжении 100 километров река, начиная от Намасагали, недавно столь бурная, течет лениво. Но вот близ порта Масинди Нил становится совершенно другим. Здесь от него отходит река Кафу, которая течет в сторону озера Альберт, хотя может показаться, что она впадает в Нил. Вплоть до Фовейра-Форта Нил течет медленно и величаво, имея ширину до 800 метров. Но затем следует резкий поворот на запад, и тут меняется не только направление, но и сам характер течения реки. Вновь превратившись в горный поток, Нил,

неистовствуя, врывается в Центральноафриканский грабен (разлом). Водопад Карума (Карина) открывает целую серию из двенадцати порогов, из которых последний обладает всем великолепием водопада — это водопад Кабарега. Стиснутая узким ущельем, шириной всего шесть метров, ревущая масса воды низвергается с высоты 45 метров (ежегодно здесь проносится 20 700 миллионов кубометров воды), а потом, уже успокоившиеся, воды Нила достигают озера Альберт. От озера Виктория до озера Альберт Нил стал длиннее на 480 километров и спустился еще на 515 метров ниже.

Большое грабеновое озеро, площадью 5600 квадратных километров (европеец-первооткрыватель назвал его озером Альберт, а местные жители — ваньоро — искони называли Мвутан-Нзиге), имеет очень важное значение для дальнейшего существования Нила. Сюда стекают все реки со склонов гор Рувензори, а с вулканов Вирунга — все северные, объединяемые рекой Ручуру. Воды, накопленные в озерах Джордж и Эдуард благодаря реке Семлики, протекающей по девственным лесам вдоль Лунных гор на протяжении 240 километров, попадают в озеро Альберт. В районе озера Виктория максимум осадков приходится на апрель — май (в Энтеббе средняя норма осадков составляет 260 миллиметров), а озера Альберт — на осенние месяцы. Это смещение основных периодов дождей, зависящее от положения солнца в зените, имеет решающее значение для стока воды из озер. Оно способствует — вместе с таким же смещением периода дождей в бассейне рек Эль-Газаль, Собат и Голубой Нил — столь длительному полноводию Нила. Озеро Альберт как бы служит огромным хранилищем воды: водные массы впадающих в него рек почти уравновешивают сток воды, колебания которого лишь незначительны. Недалеко от впадения в озеро Альберт Нил вновь вытекает из него: теперь это уже река шириной полтора километра, спокойная, по-настоящему судоходная; берега ее образованы гористыми возвышенностями. Здесь река называется Альберт-Нил. До моря осталось еще 5100 километров.

И вновь несет Нил на себе большие суда. Если в национальном парке Кабарега по нему плавали лишь на небольших моторных лодках для туристов, то здесь ходят старые, всем знакомые колесные пароходы (с колесом на корме), когда-то доставленные сюда в разобранном виде англичанами. Они курсируют по Нилу от озе-

ра Альберт и городка Паквач до Нимуле, на суданской границе. В этих местах на берегах Нила водится белый носорог — доисторическое животное, некогда легендарное, теперь его можно встретить довольно редко, так что оно находится под охраной закона. Сегодня насчитывают примерно 4 тысячи белых носорогов (или носорогов *Ceratotherium simum*). Это толстокожее животное, самое крупное на свете после слона, было практически истреблено в Южной Африке, но в 1906 году англичанин Пауэл Коттон вновь обнаружил его в саванне близ Альберт-Нила. В мусульманском мире верят, будто порошок из носорожьего рога (как белого носорога, так и носорога, обитающего в Восточной Африке) способствует мужской потенции, потому прежде, а иногда и сегодня этим порошком торговали и торгуют, хотя это сейчас и запрещено.

У Паквача через Альберт-Нил перекинут второй мост, длиной почти 250 метров, для автомобилей и поездов. Перед Нимуле река пересекает границу с Суданом, и тут же меняется не только ее название, но и характер течения. После плавного, неторопливого течения на протяжении почти 200 километров здесь скалы вновь сжимают русло до 70 метров, снова резко меняют направление реки. И вот по цепи порогов Нил врывается в Судан дикой горной рекой, потому и название ему дали здесь соответствующее: Бахр-эль-Джебель — «Горный Нил». Эти заключительные грандиозные этапы пути Нила через горы обозначают окраинный порог горного кряжа, а дальше, в аллювиальной области реки Эль-Газаль, Нил превращается в типичную равнинную реку. На протяжении 150 километров цепь каскадов (Фула, Ярбора, Македо, Гонджи, Теремо, Гарбо, Бедден) в пробитом в скале речном русле, глубиной от 150 до 50 метров, еще исстари пресекала любые попытки пройти вверх по Нилу. Здесь, в этих клокочущих, пенящихся водоворотах в течение многих веков был сокрыт истинный ключ к разгадке тайны истоков Нила.

Многие годы уже существует автострада Нимуле—Джуба длиной 170 километров, которая обходит стороной нильские пороги и позволяет добраться до конечного пункта речного сообщения — линии, ведущей до Хартума и дальше на север. Почти на протяжении двух тысяч километров Нил снова судоходен, хотя по нему невозможно спокойно плавать,— его приходится постоянно покорять! В наш рациональный технический век, **век**

компьютеров и автоматов, кажется почти чудом, каким образом лоцманы нильских судов, составленных в караван, находят путь во множестве нильских рукавов и проток — даже ночью, без прожекторов! Близ Джубы, у гнейсового колосса (Джебель-Реджаф), который местные жители называют Ламатут, то есть «колокол», Нил выходит на широкую равнину; она простирается по обоим его берегам на протяжении сотен километров. В паводок вся равнина залита водой и совершенно невозможно понять, где берега реки. Теперь длина Нила от его истока в горах составляет около 2000 километров — для сравнения скажем, что это почти равно протяженности Дона. Севернее Монгалла на 600 километров простирается мир болот, куда вливаются воды Нила и при этом наполовину испаряются — 14 240 миллионов кубометров воды! Отложения пород, принесенных с гор, постепенно поднимают русло реки, а его направление то и дело меняется из-за зарослей травы, перекрывающих реку, и плавучих островков из амбача *, папируса и водорослей. Здесь несметное число озер, бесконечные лабиринты проток со стоячей водой. Этот огромный болотный рай площадью в 625 тысяч квадратных километров с неописуемым по богатству пернатым миром, стадами бегемотов является прибежищем одной из редчайших птиц планеты — челноклюва. Арабы назвали этот район течения Нила Сэддом (то есть — препятствием): Сэдд — это преграды из травы и плавучие островки, это невиданное разнообразие животного мира; но это и настоящий москитный ад, и опасности, приводящие к гибели тех, чьи лодки потеряли дорогу в лабиринте. На широте 7°30′ от Нила отходит правый рукав — Бахр-эз-Зераф, чтобы через 200 километров вновь соединиться с ним на равнине, протянувшейся с востока на запад. На ней же с запада в Нил впадает Эль-Газаль, которая далеко на юге и на юго-западе вобрала в себя воды множества рек и речушек, среди них такие, как Лоль, Тондж, Джур и Эль-Араб. Место впадения Эль-Газаль в Нил и есть знаменитое, пользующееся дурной славой озеро Но. Здесь у Нила после большого перерыва вновь появляются четко очерченные берега, твердая почва; здесь он уже имеет то название, под которым течет дальше, чтобы встретиться со своим собратом: его именуют тут Белый Нил. И без того малый уклон местности при выходе Нила на равнину почти сходит на нет: до самого Хартума, расположенного в 954 километрах

отсюда, местность, по которой течет река, на километр пути опускается всего на 15 миллиметров!

Там, где Нил вновь поворачивает на север, в 2816 километрах от истока, в него вливается река Собат, первая полноводная река из высокогорной Эфиопии. И хотя в нижнем своем течении Собат также отдает солидную дань болотам, все же она приносит в Нил ежегодно 13 300 миллионов кубометров воды, или 13 процентов общего количества воды в нижнем течении Нила. От самого Бахр-эль-Джебель после долгого тяжелого пути остается ежегодно лишь 14 240 миллионов кубометров воды, или 16 процентов общего количества воды в нижнем течении реки — все остальное испаряется с поверхности болот и озер. Эта первая встреча с рекой, текущей из Эфиопии, уже определяется ритмом попеременного взаимодействия, который дальше характерен также и для Голубого Нила, и для Атбары и которому Египет обязан самим своим существованием. С марта по июнь из-за низкого уровня воды в Собате осуществляется беспрепятственный сток воды из заболоченного района Сэдд. При подъеме уровня воды в Собате сток Бахр-эль-Джебель уменьшается, а в ноябре даже возникает подъем уровня воды в болотах Сэдда, что отмечали еще первые путешественники, побывавшие в этих местах. Когда в январе — феврале уровень Собата падает, водные массы Бахр-эль-Джебель пополняют возникающий дефицит и поднимают уровень Белого Нила.

Огромные болота регулируют водоснабжение реки: они обеспечивают жизнедеятельность Белого Нила при воздействии тропического солнца, хотя одновременно угрожают самому его существованию, так как с поверхности болот происходит исключительно сильное испарение. На пути через сухую равнину, переходящую в кустарниковую саванну, Белый Нил протекает мимо мест, названия которых весомо звучат в мировой истории (это Фашода и остров Абба) [17], снова проходит под мостом (близ Кости) и в 48 километрах от Хартума его вторично перекрывает плотина — Гебель-Аулия.

В Хартуме, уже в 3650 километрах от истоков, почти под прямым углом в Белый Нил вливается с востока Голубой Нил; его вода более темного цвета и примерно на протяжении 15 километров можно еще различить

[17] Абба — остров на р. Белый Нил неподалеку от Хартума, на котором находилась резиденция главы суданского национально-освободительного движения Мухаммеда Ахмеда (махди).— *Примеч. ред.*

неперемешанные воды двух рек. Голубой Нил ежегодно приносит в «общий котел» 51 400 миллионов кубометров воды, что составляет 57 процентов всего количества воды в Ниле, протекающего по Египту. Однако Голубой Нил начинает играть главенствующую роль лишь во второй половине года, во время сильнейших ливней в Эфиопии. Максимальное количество воды (507 миллионов кубометров воды в день) он приносит в августе, а минимальное — 11 миллионов кубометров — в апреле. Белый Нил вообще не может достигнуть такого расхода воды при паводке, так что в это время его уровень несколько повышается на протяжении 140 километров. Правда, минимальная масса воды в Белом Ниле все же вдвое больше, чем у Голубого Нила, который долгое время считался главным истоком. Лишь соединившись, оба притока образуют наконец собственно Нил, и их особенности, их мощь создают самую удивительную реку планеты. Швейнфурт очень метко писал по этому поводу: «Голубой Нил можно считать матерью плодородия в Египте, а также и причиной нильского паводка (поскольку благодаря именно ему повышается уровень воды в Ниле), тогда как Белый Нил — отец его жизнеспособности, наделяющий его выносливостью и равномерностью, которые не дают всем землям на севере в летнее время погибнуть от жажды».

В 322 километрах ниже по течению Нил принимает воды последнего значительного притока — реки Атбара. Она несет огромное количество почвы, смываемой с Эфиопского нагорья,— еще больше, чем Голубой Нил, и потому арабы называют ее также Бахр-эль-Асуад, или Черная река. Ее доля в водном балансе Нила составляет целых 13 процентов, или 11 800 миллионов кубометров воды в год, хотя с февраля по май Атбара нередко полностью пересыхает в нижнем течении. Она терпит поражение в битве с пустыней, тогда как Нил проходит оставшиеся до моря 2700 километров без всякой поддержки со стороны других притоков и у Асуана еще обладает средним дебитом в 83 300 миллионов кубометров в год. В этом ему нет равных среди прочих рек земного шара. Дожди в Центральной Африке в конце марта—начале апреля вызывают подъем воды в Ниле у Джубы. В Хартум паводок приходит через пять—шесть недель, так что там вода поднимается в конце мая—начале июня. Лишь после этого возникает и паводок на Голубом Ниле, поскольку в его бассейне сезон дождей

длится с мая по сентябрь. В конце июня паводок доходит до Верхнего Египта, а в середине июля — до Каира, где ежегодно 19 июля торжественно отмечается приход желанного половодья. Следовательно, дождевой капле, упавшей в осенние месяцы в одно из озер Центральной Африки, требуется почти год, чтобы внести свой крошечный вклад в показание ниломера на острове Рода — если, конечно, на долгом шеститысячекилометровом пути она вновь не вознесется в атмосферу, откуда попала в русло Нила.

Важнейшая река Африки

«Анаксагор, сын Гегесибула из Класомен, утверждает, что река эта наполняется летом вследствие таяния снегов. Подъем воды в Ниле происходит во всяком случае так, как мы сказали. Однако количество воды при паводке несоразмерно велико. Оно далеко превосходит то, какое, возможно, получилось бы от стаявшего снега. К тому же обычный паводок вскоре сходит на нет, тогда как Нил всякий раз заливает обширные пространства земли и глубина его доходит порой до 30 локтей».

Так в уже упоминавшемся сочинении «О подъеме воды в Ниле» Аристотель оспорил предположение Анаксагора о причине возникновения паводка в Ниле. Фалес Милетский приписывал подъем воды в реке действию этезий[18], а Никагор Кипрский — наступлению зимы в Южном полушарии, откуда Нил будто бы брал свое начало. Геродот считал, что при паводке уровень воды в Ниле нормальный, зимой же уровень реки ненормален и вызван пересыханием его истоков на юге. Поскольку Аристотель считал, что река берет начало в горах Эфиопии, он, после основательного анализа всех имевшихся в его распоряжении фактов, рассудил так: «Почти что бросается в глаза то, что в Эфиопии в это время — от появления на небе созвездия Гончих Псов до Арктура — выпадают обильные и многочисленные дожди; зимой же их нет. И паводок получает питание от этих дождей».

Уже в сочинениях Аристотеля прослеживается, как выросли познания древних греков, их понимание физических явлений. Ведь Аристотель, например, знал о существовании закона круговорота воды в природе — то-

[18] Этезии, или этесии — господствующие летом в этой части Средиземного моря северные ветры.— *Примеч. пер.*

гда как раньше море считалось матерью всех рек, которые вытекали из него, а затем вновь возвращались в него.

Но как и многие другие познания, это суждение Аристотеля о причине паводка на Ниле было со временем предано забвению. Лишь Лев Африканский, а впоследствии и Исаак Фос (Фоссиус) из Лейдена, который в 1666 году издал книгу «Об истоках Нила и прочих рек», вновь вернулись к верным представлениям древних греков о том, где находятся истоки Нила. Но тогда же, когда стало известно о стекающих с эфиопских гор потоках, вызванных ливнями, возникло и крайне встревожившее всех предположение, что воды Нила якобы возможно отвести в сторону. В самом деле, что станет с Египтом, если однажды сюда не придет необходимый для него паводок, несущий плодородный ил? Во многих легендах говорилось о том, что паводок зависит от великодушия негуса в далекой Абиссинии. А в истории Абиссинии особым уважением пользуется имя царя Лалибелы, который смог еще в XIII веке повернуть в новое русло воды двух притоков Нила...

Согласно словам Брюса, правитель отказался от «излюбленного замысла абиссинцев—изменить направление течения Нила», лишь после того как монахи предупредили его о возможной мести со стороны сарацинов; тогда он решил «использовать своих работников для устройства подземных церквей — трата сил бессмысленная, но по воззрениям толпы более безобидная, нежели первое начинание».

В знаменитой «Истории Эфиопии» Иова Лудольфа со ссылкой на сарацинских историков говорится: «При патриархе Михаэлисе, в 1429 году, обмелел Нил; и потому магометанский князь Мустансир послал из Египта в Абиссинию с дарами (коптского.— *К.-Х. Б.*) патриарха. Абиссинский царь принял его и спросил, что тому угодно. Патриарх поведал ему, что Нил пересыхает и что местности той и живущим там людям учинился от этого большой урон. И тогда приказал царь вновь открыть перегороженную долину, через которую вода течет в Египет. В результате за одну только ночь Нил поднялся на три локтя и так наполнился водою, что оросились все нивы египетские. Патриарх же вернулся, с великими почестями встреченный, назад, в Египет».

От эфиопа Аббы Грегориуса Лудольф узнал, «что неподалеку от места, где находятся водопады, вся мест-

ность наклонена к востоку; и если б одна гора не противостояла этому, Нил потек бы скорее туда, нежели в Египет. Если бы ту гору пройти насквозь — и не так уж велика эта работа,— то всю реку можно было бы отвести на восток. Вот почему правитель эфиопский зачастую получал от турок очень выгодные условия».

Что попытка отвести воды Голубого Нила к Красному морю действительно предпринималась, можно прочитать в «Сочинениях гранда Аффонсу д'Албукерки» (1557 год). Этот португальский вице-король в начале XVI века собирался с помощью «пресвитера Иоанна» * дать иное направление Нилу, дабы нанести ущерб Египту и турецкому султану. И лишь нехватка рабочих рук не позволила пройти насквозь упомянутую выше гору.

Спустя почти 400 лет англичанин Бейкер, ревностный исследователь всех эфиопских притоков Нила, вспомнил о том существовавшем некогда замысле, когда писал вот эти строки: «Неприятель, обладая Голубым Нилом и рекой Атбара, мог бы в сухое время года насыпать плотину в пересохшем русле и отвести воды реки в каком-либо другом направлении, когда река наполнится после осенних дождей в Абиссинии, а значит — не допустить начала паводка, что столь важно для Египта».

Сегодня нам известно, что идею д'Албукерки, пожалуй, даже можно было осуществить, но ожидаемый результат едва ли был бы достигнут. Ведь доля вод озера Тана в Ниле составляет только 3 процента годового стока; действительно необузданным Нил становится довольно далеко от своего истока из озера — вся его невообразимая мощь порождена несметным количеством горных ручьев и притоков, низвергающихся с гор; их воды, объединенные в русле Нила, врываются в Судан с таким неистовством, что почти половину времени с начала паводка шлюзовые ворота плотин Росейрес и Сеннар всегда открыты полностью, чтобы, во-первых, им не нанес ущерба яростный натиск стихии, а во-вторых, чтобы пропустить вниз по течению огромные массы ила.

С древних времен политические процессы в этом регионе все же определялись опасениями, что существует возможность перекрыть Голубой Нил и повернуть его воды. Правители близлежащих стран считали, что с «повелителем нильского паводка» — эфиопским императором следует обязательно поддерживать дружеские отношения, по возможности чаще заверять его в своем бла-

горасположении, в доброжелательных намерениях. А в середине XIX века уже и Англия попыталась приобрести влияние на Эфиопию. Договор с императором Менеликом II в 1902 году был призван дать гарантии, что в верховьях Аббая (в верхнем течении Голубого Нила) без согласия Англии и Египта не будет сооружать плотину ни сам Менелик, ни какая-либо сторонняя держава. Этот договор, кстати, предусматривал постройку плотины на озере Тана, что, однако, так и не осуществилось — предпочтение было отдано плотине близ Асуана. Тем временем британский лев закрепил свои позиции в Судане, и значительные средства из собственных, равно как и из египетских капиталов, а также денежные суммы, полученные за счет выпуска займов и сбора налогов, англичане стали вкладывать в строительство грандиозной оросительной системы и таким образом для своих нужд превратили Гезиру (наносные земли в междуречье Белого и Голубого Нила) из житницы в огромную хлопковую плантацию. Тончайший хлопок помог, между прочим, восполнить недостаток сырья на британском рынке; в Гезире выращивали миллионы кантаров * длинноволокнистого хлопчатника, но не зерно, которое было столь необходимо для пропитания местного населения.

Владеть Суданом, иметь доминирующее влияние в Египте, контролировать весь Нил, а также все сопряженные с этим экономические факторы — все эти амбиции англичан определялись глубокими, политически мотивированными причинами. Египет и долина Нила всегда считались у крупных европейских держав важной вехой на пути в Индию. А когда в прицелах пушек наполеоновской армии оказался сфинкс, «великий корсиканец» решил, что теперь весь Египет будет под его властью, столь успешная военно-политическая акция усилит его влияние в Европе, а Египет отныне станет бастионом против Англии, форпостом для завоевания Индии. С этих самых пор возникло безграничное стремление Великобритании не допустить чужого присутствия в этой стране на Ниле. Строительство Суэцкого канала лишь укрепило это стремление к единоличному господству, увеличило и без того исключительное значение Египта, которое уже было велико — при условии, что будет освоен второй кратчайший путь в Индию: сухопутный путь вдоль Нила. Однако не одни англичане понимали значение стран, расположенных по берегам Нила

и его истоков в глубине континента — об этом свидетельствовали впоследствии притязания таких империалистических стран, как Франция, Италия, Германия и Бельгия. События в Фашоде (так называемый Фашодский кризис) в 1898 году стали предвестием этого, и многим уже тогда могло быть ясно, сколь высоки ставки в этой игре. В конечном счете именно британский «Юнион Джек» по-прежнему развевался над всем сухопутным путем через Африку и над Нилом; всеми тремя путями через Африку владели впоследствии англичане: «линией Капштадт — Каир с озером Виктория посредине, а оттуда на восток — Угандийской дорогой, ведущей к Индийскому океану».

Глава II

АФРИКА С ДРЕВНИХ ВРЕМЕН И ДО СРЕДНИХ ВЕКОВ

Карта Африки из «Космографии» С. Мюнстера (Базель, 1561 год)

Так карту Африки пустынной
Географ сделает картиной,
Рисуя пальмы и слонов
За неименьем городов.

Джонатан Свифт[1]

Неприступный континент

У самых ворот Европы лежала огромная территория, пределы которой никому не были ведомы; здесь родина одной из древнейших цивилизаций земли — египетской; лишь узкий перешеек соединял Египет с прочими великими цивилизациями древнего мира, однако он имел тем не менее связи с народами Северной Африки и Нубии, обладал высокими достижениями в науках, в том числе и в географии, о чем до нас дошли сведения в надписях, в папирусных свитках и в настенных изображениях в храмах. Египтяне имели представление о простиравшихся на юг землях, вплоть до огромных болот, они плавали по морям до Пунта, но внутренние области континента, казалось, бесконечные, были им еще неизвестны. Мореплаватели — финикийцы и карфагеняне,— смело вторгавшиеся в неведомое, приносили сведения об очертаниях берегов Африки, но «черный континент» оставался совершенно неизведанным. Только в последующие века многочисленные путешественники смогли шаг за шагом дать довольно верное представление о внутренних районах Африки. В первую очередь, разумеется, о тех местах, где велась торговля, где шел процесс взаимопроникновения культур. Скудные сведения о глубинах континента проникали в Египет по древним торговым путям через Сахару, хотя часто они давали повод лишь к всевозможным домыслам и к таким умозаключениям, которые впоследствии редко подтверждались — исключением была, пожалуй, лишь блистательная догадка Птолемея.

Предположительно уже в III тысячелетии до нашей эры египетские мореплаватели отваживались пускаться в путь по морям, омывавшим их родину. Вскоре вслед за первыми робкими шагами были осуществлены длительные торговые экспедиции, уводившие отважных мо-

[1] *Свифт Дж.* Памфлеты. М., 1955, с. 271—272 (пер. Ю. Д. Левина).

реплавателей все дальше вдоль неведомых берегов. Эти плавания принесли неоценимую пользу географии; и по сей день сохранились рельефы в храмах и письменные свидетельства, повествующие о некоторых смелых путешествиях египтян, а затем и финикийцев. Таково было путешествие в страну Пунт, осуществленное в правление царицы Хатшепсут (в 1482—1481 годах до нашей эры), и путешествие в золотоносную страну Офир при царе Соломоне (около 940 года до нашей эры).

Однако наивысшее достижение мореплавателей-финикийцев состояло в том, что они первыми обошли вокруг континента на своих судах[2]. Сделали они это по приказу египетского фараона Нехо II (609—594 годы до нашей эры). А ведь в те времена познания ученых древности едва ли простирались дальше экватора! Обогнуть Африку по морю в следующий раз удалось лишь португальцам — но только спустя две тысячи лет!

Португальские каравеллы тщательно обследовали в XV веке западное побережье Африки в надежде найти морской путь в Индию. В 1415 году при португальском принце Генрихе Мореплавателе началась эра смелых исследовательских экспедиций (он, правда, не принимал в них личного участия), и венцом их стало путешествие Васко да Гамы, которому удалось достичь Индии. На восточном берегу Африки были основаны форты — это знаменовало начало колониального господства Португалии в Африке, контроль над процветающими торговыми центрами, которые тогда находились в сфере арабского влияния.

Но что же мешало европейским исследователям проникнуть в глубь Африки — ведь Марко Поло к тому времени смог уже преодолеть необъятные просторы Азии? Отчего и в последующие столетия экспедиции в глубь континента или терпели неудачу, или удавались лишь ценой чудовищных жертв и неимоверных лишений? Существует два объяснения: первое — золото и пряности до поры до времени текли обильным потоком из уже известных европейцам земель (из Индии и с Молуккских островов); и второе — географические особенности этого континента, а также неблагоприятный для европейцев климат, губительные болезни и враждебность местных жителей.

[2] Достоверность сообщений о плавании финикийских моряков вокруг Африки до сего времени служит предметом споров.— *Примеч. ред.*

В отличие от Европы побережье «черного континента» представляло собой почти непреодолимый рубеж. Отвесные утесы и болота, слабо изрезанная береговая линия и малярийные лагуны, отсутствие удобных мест даже для якорных стоянок, не говоря уже о гаванях, и помимо всего этого морской прибой, перекатывающийся через мощные коралловые рифы у берегов. Там, где цепи рифов — внутренние, степовые и внешние — прерываются, находятся устья впадающих в море рек, но и они, как правило, малопригодны для якорных стоянок из-за песчаных банок, отмелей и густых зарослей мангров. Здесь нет ни бухт, ни полуостровов, поэтому парусным судам не представлялось возможности зайти сколько-нибудь далеко в глубь континента. Ведь у Африки после Южной Америки наименее изрезанная береговая линия.

В среднем внутренние районы находятся в 670 километрах от берега моря, а наиболее удаленные — в 2000 километрах. При этом с каждого участка берега протяженностью всего в один километр приходилось исследовать в глубинных частях континента территорию, занимающую более тысячи квадратных километров. И кроме того — у побережья Африки нет многочисленных, разнообразных островов, которые обычно способствуют развитию мореплавания, а значит, и обследованию местности.

В Африке, этом «континенте плоскогорий», имеются огромные плато, расположенные на разной высоте над уровнем моря; их крутые края, вздымающиеся над равниной, обычно спускаются к побережью обрывистыми ступенями, беспорядочно иссеченными расщелинами; порой крутые скалы отделяет от моря лишь узкий прибрежный участок (в Танзании, например, шириной всего от 15 до 70 километров). На реках, текущих к морю из глубин континента, на этих ступенях образуются водопады; да и узкие ущелья вкупе с порогами представляют непреодолимые препятствия при плавании по рекам. Поэтому если и предпринимались вылазки с целью обследовать местность, прилегающую к морскому побережью, они обычно заканчивались неудачей уже через несколько километров, пройденных вверх по течению реки,— будь это даже такие крупные реки, как Конго, Нил, Замбези или Нигер, которые в верхнем своем течении, на плоскогорьях, имеют весьма протяженные судоходные участки.

Очень большое влияние на судоходность реки оказывают, разумеется, выпадающие в верховьях осадки. В сухой сезон низкий уровень воды часто приводит к прекращению перевозок по рекам; но и при паводке, когда масса воды резко возрастает в объеме — в 10, а то и в 20 раз, путешествия по рекам становятся очень опасными, если не невозможными. Кроме того, в Африке немало рек, которые существуют периодически или даже эпизодически — по ним либо нельзя пройти вообще, либо лишь кое-где. Таким образом, если крупные реки сыграли неоценимую роль для исследования Южной Америки, то в Африке они как раз препятствовали проникновению в глубины континента.

Топография Африканского континента также не благоприятствовала его обследованию. Обширные пространства безлюдных пустынь были столь же непреодолимы, как и непроходимые девственные тропические леса в горах или вдоль русел рек в Центральной Африке. В саванне, которая благоприятствует продвижению в глубь континента, требовалось несколько сот носильщиков, чтобы доставить снаряжение и продовольствие во внутренние районы Африки, но обычно люди испытывали нечеловеческие лишения. (Ф. Торбек подсчитал, что товарный поезд, везущий 50 тонн груза со скоростью 20 км/час, совершает такую же работу, что и караван из 13 333 носильщиков, несущих те же 50 тонн.) Попытки использовать вьючных, верховых или упряжных животных (по большей части быков или ослов) обычно завершались полным фиаско: уже через несколько месяцев они все погибали из-за укусов мухи цеце́ (например, во время экспедиций Бейкера или Спика и Гранта). Сами путешественники страдали от клещей, червей-нематод (мединских, или гвинейских глистов — *Filaria medinensis*) и от москитов, становились жертвами эпидемий, лихорадки и дизентерии.

Большинство экспедиций оплачивали каждый свой шаг вперед, в глубь континента человеческими жизнями или же продолжительными болезнями (так было в экспедициях Тинне́, Ливингстона, Миани, Клаппертона). Европейцам-путешественникам было намного труднее противостоять воздействию климата, чем африканцам, принимавшим участие в тех же экспедициях. В 1822 году Карл Риттер вообще высказывал сомнение, что европейцам когда-либо удастся проникнуть в глубины Африканского континента ввиду неблагоприятного кли-

мата. Но и среди самих африканцев свирепствовали чума, оспа, желтая лихорадка, малярия и сонная болезнь, так что временами в некоторых местностях вымирало почти все население. Процитируем здесь, например, Бейкера, рассказывавшего о климате Судана следующее: «Смертность как среди чужеземцев, так и среди местных жителей достигает в отдельные годы совершенно ужасающих масштабов — особенно непосредственно перед сезоном дождей и сразу после него. Осенью 1854 года все бывшие в то время здесь французы — все, без исключения! — полегли от лихорадки, и в течение лишь одной недели умерло от этого более двух третей жителей колонии. Кроме лихорадки здесь часто бывает дизентерия, а кроме того, в Судане не раз с невиданной силой свирепствовала холера. Оспой туземное население болеет постоянно».

Р. У. Фелкин сообщал, что люди народа бари делают себе прививку против оспы над левой грудью, причем приемы проведения прививки «они придумали самостоятельно, а не ввели у себя по примеру каких-либо иных народов».

В 1908 году всех жителей одной местности на северном берегу озера Виктория пришлось переселить на новое место жительства, а заросли на этом берегу вырубить — поскольку здесь от сонной болезни однажды умерло более 40 тысяч человек сразу. За несколько лет эта болезнь унесла 250 тысяч человеческих жизней. На некоторые из островов впоследствии было запрещено ступать ногой под страхом смертной казни, так как там свирепствовала сонная болезнь: их жители были брошены на произвол судьбы — их ждала медленная смерть...

Да и в наши дни многие из названных болезней, бывших прежде истинным бичом для людей, не стали в Африке менее опасными. В Уганде и Танзании территории в тысячи квадратных километров объявлены зонами распространения сонной болезни (шлагбаумы преграждают дороги на территорию, где распространена муха цеце). Крупный рогатый скот нередко страдает также от болезни нагана, которую разносят мухи цеце. Из-за этого во многих местах вообще нельзя разводить скот. Но исключительно этому обстоятельству обязаны в ряде случаев самим своим существованием многие дикие животные, которые обладают иммунитетом к возбудителю наганы. Так, национальный парк Мёрчисон-Фолс (Каба-

рега), пожалуй, вообще не удалось бы создать, если бы местные жители в конце XIX века сами из-за распространенной здесь сонной болезни не оставили эти плодородные земли на берегах реки Виктории-Нила. Сегодня здесь часто встречается и малярия, которую переносят комары-анофелесы, а во многих водах, в том числе, конечно, и на Ниле, бильгарциоз*. В последние десятилетия в области здравоохранения достигнуты значительные успехи, однако независимым государствам Африки предстоит еще немало сделать в борьбе за здоровье своих граждан.

Многие экспедиции терпели неудачу из-за голода, поражавшего большие пространства континента во время засух, из-за нашествия саранчи, а также из-за военных столкновений племен. Сопротивление работорговцев также закрывало европейским путешественникам доступ в те районы, где шла охота на рабов. Из-за постоянной угрозы со стороны турецких и арабских торговцев слоновой костью и рабами африканцы враждебно относились к исследователям и путешественникам, которым порой приходилось передвигаться по Африке вместе с торговыми караванами. Альфред Эдмунд Брем, автор знаменитой «Жизни животных», писал по этому поводу: «Ненависть темнокожих вполне оправдывается; жестокость, с которой они убивают всякого попавшегося им в руки белого, есть только следствие этой ненависти, которая, к несчастью, имеет слишком хорошее основание. Охота за рабами — вот что преграждает путешественнику дорогу во внутреннюю Африку»[3].

Многие путешественники могли собственными глазами убедиться в преступлениях, чинимых в отношении местного населения, и многие из них даже пытались своими описаниями этих ужасов пробудить в Европе человеческое сострадание — хотя в самой Африке от этого ничего не менялось. Вопреки распространенной (особенно в начальный период колонизации Африки) точке зрения, будто там живут «примитивные, не знающие государственности дикари», на «черном континенте» существовали могущественные царства, а на территории нынешнего Судана — исламские государства, которые пытались оказать сопротивление постоянно нараставшему давлению извне. По мере того как европейские державы все сильнее проникали в них и в кон-

[3] Цит. по: *Брем А. Э.* Путешествие по Северо-Восточной Африке. М., 1958, с. 231.

це концов завладели этими государствами, исследователи, путешествовавшие порой по прямому заданию европейских монархов, смогли наконец снять последние покровы с древних тайн Африканского континента. При этом «коммерческая предприимчивость и стремление к политической и колониальной экспансии» открыто объявлялись целью, программой, для выполнения которой вновь и вновь отправлялись в путь многие известные исследователи Африки, поскольку они состояли на службе у монархов (это, например, Нахтигаль, Стэнли, Бейкер, Эмин-паша, Бауманн, Виссманн и др.).

Сегодня едва ли остались еще не разгаданные географические тайны. Сейчас ученые все больше занимаются исследованием истоков древней африканской культуры, причем утверждение, будто это — «континент без истории», на сегодняшний день просто абсурдно, хотя бы в связи с тем, что здесь найдены останки древнейшего человека вида *Homo habilis*; занимаются здесь и разведыванием богатых залежей, пока еще неиспользованных полезных ископаемых, тем самым закладывая основы для самостоятельного экономического развития.

Вверх по долине Нила

«... ведь Нил течет из Ливии, рассекая ее посередине. И как я заключаю, судя по известному о неизвестном, Нил берет начало, как и Истр, в таких же отдаленных странах (III, § 34)... Так вот, течение Истра, который несет свои воды по населенным землям, известно многим. Об истоках же Нила никто ничего определенного сказать не может. Ведь Ливия, которую Нил пересекает, необитаема и пустынна»[4].

А вслед за тем Геродот повествует о приключении пятерых юношей из страны насамонов (к востоку от залива Большой Сирт, или, по-арабски, Халидж Сурт, в Ливии), которые отправились из залива на юг, пересекли пустыню и очутились у большой реки. Они рассказали об обитающих там крокодилах и тем самым, вовсе того не желая, дали повод к чреватому самыми серьезными последствиями ошибочному заключению, которое сделал Геродот: что речь идет о Ниле, текущем с Запада. Некоторые исследователи полагали, что юно-

[4] *Геродот*. История. Кн. вторая, с. 90, М.— Л., 1964, § 33.

ши добрались до берегов Нигера, однако более вероятно предположение, что тогда существовала крупная, ныне пересохшая река в Феццане, тем более что как раз там недавно найдены наскальные изображения крокодилов.

Древние греки считали, что единственная страна южнее Египта, где обитают люди,— это Эфиопия, о которой они имели весьма смутные представления. Да и сам Геродот мог опираться лишь на рассказы путешественников. Но когда он пишет: «На юго-западе Эфиопия — самая крайняя населенная страна на земле. Эта страна очень богата золотом, и в ней водятся огромные слоны, всевозможные дикорастущие плодовые деревья, а также эбеновое дерево. Люди там очень высокого роста, красивые и самые долговечные»[5], то ясно, что он был достаточно хорошо информирован об истинном положении вещей, потому что более поздние исследования лишь подтвердили эту характеристику стран, расположенных в верхнем течении Нила.

Эратосфен, возглавлявший знаменитую Александрийскую библиотеку, уже знал о существовании Атбары (Астабораса), притока Нила, и об истоке Голубого Нила из озера Тана (Колоэ) и написал об этом в своей не дошедшей до нас «Географии». При династии Птолемеев эти районы Африки были изучены лучше. Завоевательные войны Птолемея Филадельфа привели его в Абиссинию (Эфиопию), а его преемник Птолемей Эвергет также не оставлял мысли о том, чтобы найти и сами истоки Нила.

Но решающего успеха добились два римских центуриона[6] лишь через триста лет, во время правления императора Нерона (54—68 годы нашей эры). Они «добрались до на удивление огромных озер, о которых даже местные жители не знали, есть ли им конец, и потому даже не надеялись когда-либо достигнуть другого берега», сообщает Брюс, и он считал, что это «путешествие центурионов вымышлено», потому что между озером Тана и Египтом нет других озер. В этом он был, конечно, прав, но не знал лишь того, что римляне двигались вверх по берегу Белого Нила, а не Голубого, как он предполагал. По их описаниям выходит, что они дошли до огромного района озер и болот вблизи озера Но. В доказательство того, что они забрались так далеко,

[5] Там же, с. 173, § 114.

[6] Центурион — командир подразделения в древнеримском легионе.— *Примеч. пер.*

оба римлянина представили перечень племен, живших у северного конца болотного края; список этот и по сей день сохраняет свою ценность.

Новое христианское мировоззрение отринуло все, что было познано, даже можно сказать завоевано, в прошедшие столетия путем научных умозаключений и доказательств. Церковь создала картину мира в соответствии со священным писанием, такую, какой изобразил ее Козьма Индикоплов, купец, географ, впоследствии монах, ярый защитник догматов церкви: заселенную людьми, прямоугольную Землю омывает Океан, а под ним прямо из рая течет Нил в сторону населенных людьми краев. И хотя сам Козьма Индикоплов около 525 года предпринял дальние путешествия в Индию и по Нилу, он никак не разделял представлений Птолемея об окружающем мире.

Иначе обстояло дело у известных арабских географов, которым благодаря проникновению ислама довелось преодолеть огромные территории по торговым путям и паломническим тропам, ведущим в Мекку; они составили очень важные карты. Абу-ль-Хасан ал-Масуди уже в 947 году путешествовал по обширным территориям вплоть до Восточной Африки. Великий арабский ученый Мухаммед ал-Идриси трудился в течение пятнадцати лет и составил карту мира на семидесяти листах (знаменитую «Книгу Рожера»[7], первую после Птолемея); она великолепно иллюстрирует уровень географических познаний арабских ученых. Самый известный из них, Ибн Баттута, которого называли величайшим путешественником, наравне с Фернаном Магелланом, побывал почти во всех известных тогда странах нехристианского мира.

Арабские географы того времени верили в существование трех разных рукавов Нила и в наличие связи Нила с Нигером.

До XII—XIII веков в европейской географии господствовало «мрачное средневековье». Однако постепенно в Европу начали проникать культурные завоевания ислама, а с ними — и достижения античной науки (например, были переведены на латынь арабские рукописи, содержавшие в переводах сочинения Птолемея и Аристотеля). Картографы тем временем опирались на представления Козьмы Индикоплова, и когда через сто лет

[7] Ал-Идриси составил эту карту по поручению сицилийского короля Рожера II (XII век).— *Примеч. пер.*

после ал-Идриси в Европе появилась карта, сделанная Эбсторфом, это было незначительное достижение по сравнению с арабскими картами.

На средневековых картах переживали второе рождение сказочные чудовища, якобы существовавшие, согласно описаниям древних ученых и античным картам, на границе Земли. Изображения диких чудовищ и исчадий ада, помещавшиеся благодаря ухищрениям патристики[8] на картах, далеко превосходили описания Плиния: были там и скиаподы, закрывавшиеся от солнца собственной ступней; и монскели, или одноногие; и антиподы с восемью пальцами или со свисающей до земли губой; и презумбани без ушей; и киноцефалы — существа с собачьими головами; и даже безголовые ацефалы, которых фантазия картографов поселила как раз поблизости от истоков Нила. Всех их было полным полно и на уже упоминавшейся карте Эбсторфа, и на Герефордской карте XIV века, и на каталанской карте мира 1375 года, и на карте 1470 года из города Цейц (ныне — в ГДР), и в «Полихрониконе» бенедиктинского монаха Хидгена, и на многих других. Эти карты ясно показывают, сколь мало было известно о тех местностях, где изображались сказочные существа, в основе изображений которых лежат религиозные и мифологические представления того времени; и в последующие столетия картографы обращались к этим невероятным существам, когда им не хватало сведений. Конечно же, в первую очередь это касалось загадочного Африканского континента, его внутренних районов, еще не попавших в поле зрения исследователей-географов.

[8] Патристика — термин, обозначающий совокупность теологических, философских и политико-социологических доктрин христианских мыслителей II—VIII веков — так называемых *отцов церкви*.— *Примеч. пер.*

ВЕЛИКОЕ КРОВОПУСКАНИЕ

Изображение Африканского континента на карте Андреаса Бьянко 1436 года (север — слева)

Для европейцев мореплавателей, которые могли опереться иа папское благословеиие, торговля рабами дала решающий толчок к великим деяииям, которые сформировали мировую историю.

Манфред Зелл

Черный товар португальцев

Роковым рубежом в истории Африки стал 1415 год. Португальцы захватили тогда мавританскую крепость Сеуту по другую сторону моря, и это свидетельствовало о начавшемся ослаблении арабского господства на Африканском континенте. Но падение Сеуты не просто ознаменовало начало эры великих географических открытий, во время которой были разрушены крупные арабские торговые центры на Восточном побережье Африки. Этот насильственный акт со стороны европейской державы оказался первым тревожным заревом в истории Африки, а вскоре за ним разразилась буря колониального захвата континента. Вихри этой катастрофы смели в небытие древние африканские царства с их традициями. Так была написана самая отвратительная глава африканской истории — написана кровью миллионов африканцев, погибших в ходе жестокой охоты на рабов, и еще слезами и по́том всех тех, кому «посчастливилось» остаться в живых, но кого насильно увезли в Америку. Вслед за выдающимися исследовательскими экспедициями португальских мореплавателей и экспедициями других европейских морских держав (Испании, Англии, Голландии, Дании и др.) началось чудовищное истребление африканского населения: были уничтожены миллионы и миллионы людей, а также нанесен сильнейший урон экономическому и культурному развитию Африки. И если до тех пор развитие это шло в Африке собственными путями, причем во многих сферах его результаты отнюдь не зазорно сравнить с аналогичными результатами европейского развития (а порой они даже превосходили достижения европейцев), то с этого времени Европа, начавшая осуществлять промышленную революцию, делала это в немалой степени за счет Африки. «Черный континент», действительно ставший с той поры символом отсталости, войн и разбойничьих

набегов, в течение последующих трехсот лет оказался в политическом и экономическом застое, из которого в конце XIX века посчитали своим долгом его вывести те самые державы, что были повинны в таком перерождении. Многие из европейцев считали, «что там нищета взывает о непосредственной помощи и срочном содействии со стороны цивилизованного мира» (Стэнли), и они спешно отправлялись в Африку по заданию своих правительств, дабы услышать эти крики о помощи и... тут же задушить их!

При этом им очень по душе пришелся тезис о неполноценности черной расы, согласно которому европейцы стояли выше африканцев уже благодаря одному только своему происхождению (Бёртон), и, кроме того, считалось, что негры вовсе не способны влиять на ход мировой истории ни собственными силами, ни собственными способностями, ни собственной волей (по мнению Зелла). Однако, утверждает последний, «соприкасаясь с неграми, культурные народы принуждают их к сотрудничеству»,— причем обратим внимание на то, что, сам того не замечая, Зелл употребил весьма точный глагол — принуждают! Но и за триста лет до Зелла расовая теория служила англичанам оправданием при организации торговли рабами. Правда, для успокоения «христианской совести» папа Николай V написал буллу «Дум диверсас», которая была для португальского короля одновременно и божественным благословением на борьбу с неверными и данным папой римским «разрешением на поимку и продажу язычников».

Первая португальская каравелла под командованием Нунью Триштана с похищенными людьми на борту возвратилась от берегов открытого незадолго до того мыса Кабо-Бланко в 1441 году. В последующие семь лет, во время уже упоминавшихся нами исследовательских экспедиций вдоль западного побережья, было захвачено еще свыше девятисот рабов, о чем сообщал летописец Гомиш Эанниш Азурара. Об одном из подобных плаваний этот богобоязненный человек писал так: «Но господь бог, вознаграждающий все добрые дела, даровал им день успеха — за все муки плавания, исполненного тягот, что были принесены во славу божью; воздал им также пропитанием и возмещением их расходов; ведь им удалось поймать 165 людей — мужчин, женщин и детей».

С 1506 года «расходы» христианских мореплавате-

лей покрывались продажей 2000 рабов в год. Правда, предпочтение еще отдавалось поискам золота, пряностей и других даров Востока. Фридрих Энгельс по этому поводу писал: «*Золото* искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем Дальнем Востоке; *золото* было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан в Америку; *золото* — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег»[1].

Португальцы благодаря целой системе береговых укрепленных поселений сконцентрировали всю торговлю в своих руках и тем самым возвысились до ранга торговых посредников, потеснив арабских торговцев в городах на северном побережье Африки и в среднем течении Нигера. Такие названия, как «Перцовый берег», «Берег слоновой кости», «Золотой берег» свидетельствуют о коммерческих целях, которые преследовали здесь торговцы, а вот «Невольничий берег» говорит о человеческих трагедиях. Происходившее в Европе первоначальное накопление капитала повлияло на поведение предпринимателей в африканских поселениях. Карл Маркс писал в связи с этим:

«Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства»[2].

Истребление индейского населения в Америке потребовало притока новых подневольных тружеников, приспособленных для работы на плантациях и в рудниках. Таких можно было найти в Африке, и притом задешево — за алкоголь, недорогие ткани и украшения, а то и вовсе обманом и принуждением.

Для удовлетворения растущего спроса на «черную слоновую кость» потребовалась, разумеется, более совершенная «методика» ее добычи. Уже недостаточно было просто заманивать доверчивых жителей побережья на борт кораблей или торговаться с их вождями из-за «всего-навсего небольших партий живого товара». Те-

[1] *Энгельс Ф.* О разложении феодализма и возникновении национальных государств.— *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 21, с. 408.

[2] *Маркс К.* Капитал. Т. I.— *Маркс К.* и *Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 23, с. 760.

перь приходилось предпринимать поистине разбойничьи набеги на негритянские деревни, предваряемые тщательной разведкой; случайная добыча сменилась планомерной, хитрость — насилием.

Португальцы, однако, предоставляли самим африканцам заниматься добычей рабов. Они заключали договоры с вождями прибрежных народов, и в обмен на «плоды цивилизации» вождь либо продавал собственных подданных, либо объявлял войну соседям, совершая на них разбойничьи набеги или просто шантажируя их. «Так африканцы стали кузнецами собственного упадка лишь ради рабовладельческих устремлений европейцев»,— пишет по этому поводу Жан Сюре-Каналь.

Рабовладение существовало тогда во многих районах Африки, историческое развитие которых находилось на переходной стадии от завершающей фазы первобытнообщинного строя к раннеклассовому обществу. Однако такое рабовладение носило по преимуществу патриархальный характер, то есть в повседневной жизни раб не слишком отличался от прочих людей. Рабы жили в большой семье их владельца или же в обособленных поселениях. У рабов, разумеется, не было права голоса при решении каких-либо вопросов. Правда, у многих африканских народов общественное положение раба во втором поколении улучшалось, а внуки раба (особенно если один из родителей был «свободным» могли уже быть уравнены в правах со «свободными».

Однако до тех пор никогда еще рабы не становились «товаром массового спроса» в заморской торговле, не использовались в качестве столь желанной для европейцев «туземной валюты». Рабовладение переродилось в работорговлю, которая стала определяющим жизненным фактором, оно превратилось в жестокую, бесчеловечную куплю-продажу рабочей силы.

В 1518 году португальское судно пересекло Атлантический океан, доставив партию рабов из Африки в Америку, а через двадцать лет — в заново открытую к тому времени Бразилию. На обратном пути темные трюмы были уже загружены тысячами мешков с сахаром и бочками рома. Продажа этого товара в Европе приносила, в свою очередь, колоссальные барыши — на вырученные деньги можно было по довольно низкой цене вновь купить рабов для исключительно тяжелой работы на плантациях сахарного тростника в Бразилии или на фабриках по перегонке рома.

Доминиканский монах испанец Бартоломе Лас Касас участвовал в борьбе за спасение индейцев Южной Америки. Но жизнь краснокожих он спасал, к сожалению, ценой жизни чернокожих: выступал он за отмену принудительных работ индейцев, но за ввоз рабов-негров — и превратился, таким образом, в одного из апологетов работорговли!

Доходной торговлей рабами тем временем уже стали заниматься не только португальцы. В 1494 году договор между Испанией и Португалией позволил разделить сферы влияния этих двух стран в Западном полушарии (так называемый Тордесильясский договор 1494 года). Кроме того, французские пиратские корабли начали отнимать добычу в открытом море у кораблей испанского и португальского флотов, да и Англия, опоздавшая к началу крупных торговых операций, осуществляла санкционированные самой королевой Елизаветой I каперские, пиратские акции, приносившие большие барыши — ими руководили такие люди, как Дж. Хокинс, Уолтер Рэли и Фрэнсис Дрейк. В октябре 1562 года Хоскинс увез 400 рабов с побережья Гвинеи, а через год он же пиратски напал на португальские корабли и отобрал всех бывших там невольников. Корабль этого мореплавателя-христианина назывался «Иисус из Любека».

За двести лет работорговли Англия восполнила свое первоначальное упущение, продав наибольшее число рабов. С 1772 по 1779 год некий англичанин Кларксон насчитал только в порту Ливерпуля 403 невольничьих судна, отправлявшихся в Западную Африку. А за сто лет до него уже возникла «Королевская африканская компания» — дабы снабжать колонии рабами. В соответствии с Утрехтским миром 1713 года Англия, в борьбе за лучшие невольничьи угодья, получила сроком на 33 года так называемое асьенто (контракт о поставке установленного числа рабов из испанских колоний). Так, подобно коршунам или гиенам, почуявшим крупную добычу, вокруг Африки стали собираться и другие: датчане, голландцы и даже некий германский курфюрст, на мачте корабля которого «гордо реял боевой штандарт герцогства Бранденбургского». В 1683 году на побережье Гвинеи была заложена крепость Гросс-Фридрихсбург, вошедшая в цепь возникших торговых факторий, которые со временем превратились в настоящие форты, вооруженные тяжелыми орудиями; за их сте-

нами обследовался и «хранился» перед отправкой через Атлантику «черный товар». Отбирали для этого путешествия далеко не каждого, поскольку лишь самые здоровые и сильные люди могли выжить во время транспортировки, а, кроме того, страховое общество ничего не выплачивало владельцу за «ненасильственную» смерть невольника...

В книге Жана Барбо[3] говорится: «Кого признавали здоровыми и пригодными для продажи, тех готовили к отправке... На груди у отобранных невольников раскаленным докрасна железом ставили клеймо французских, английских или голландских фирм, чтобы каждый мог опознать свою собственность, а торговцы не подменили бы этих невольников на других, похуже. При этом старались женщин, как более нежных созданий, прижигать не слишком сильно».

Но даже из этих «отборных» рабов немногие добирались до чужого им Нового Света. Они умирали в душных трюмах невольничьих судов, закованные в цепи, окруженные своими товарищами по несчастью, или же их, отмеченных печатью смерти, без лишних церемоний выбрасывали заживо в море. Правда, такие потери принимали в расчет заранее. Доходы от этого все равно не уменьшались — продажа одного невольника давала сумму, в десять-пятнадцать раз большую, чем в Африке. Но если невольник и выдерживал транспортировку через океан, смерть все равно настигала его уже через несколько лет.

«Треть негров, привезенных с побережья Гвинеи, обычно умирает уже в первые три года жизни в колонии, хотя срок трудовой деятельности остальных в стране, куда их привезли, все равно никак не больше пятнадцати лет»,— писал Гастон-Мартен.

Однако на каждого из этих несчастных приходился по меньшей мере еще один, кто или умирал в опустошаемых родных местах: женщины, дети, дряхлые старики, или был убит при нападении, или же умирал от истощения при транспортировке, а кого до смерти забили палками надсмотрщики. Виноваты были в этом, разумеется, не европейцы, упаси господи: просто, как писал М. Зелл, это было «для недоразвитых черных на-

[3] Имеется в виду книга французского купца-гугенота Ж. Барбо «Description of the Coasts of North and South Guinea and of Ethiopia Interior, Vulgarly Angola...», вышедшая в свет в 1746 г.— *Примеч. ред.*

родов... вместе и страшным несчастьем, и следствием их отсталости и неспособности к прогрессу...»

С приходом португальцев в Восточную Африку там также начался процесс культурного и экономического угасания. Великий триумф географических открытий и здесь, как это не раз бывало, был оплачен теми, кого «открыли» европейцы. 20 ноября 1497 года два трехмачтовика «Сан-Рафаэл» и «Сан-Габриел» вместе с торговым судном под командованием Васко да Гамы обогнули мыс Доброй Надежды. Португальские каравеллы бросили якоря в устье реки Замбези в Мозамбикском проливе — бок о бок с арабскими торговыми баркамидау, нагруженными драгоценными камнями и пряностями. Мореплаватели-европейцы впервые вошли в непосредственный контакт с могучими торговыми империями Восточного побережья Африки.

Поначалу чужеземцы удостоились подобающего торжественного приема, но уже вскоре интересы сторон столкнулись. Арабские купцы осознали опасность, угрожавшую их торговым операциям, тем более что пушки португальских кораблей время от времени напоминали им о значимости этого момента для истории Африки.

Второе появление Васко да Гамы на восточном побережье в 1502 году послужило окончательному утверждению здесь власти Португалии, поскольку предшествовавшая этому экспедиция Педру Алвариша Кабрала вновь столкнулась с сопротивлением на Восточном побережье Африки и в Ост-Индии. Теперь пушкам предстояло решить, кто будет господствовать в Индийском океане.

Флотилия из тринадцати тяжеловооруженных судов завоевала богатые города — Мозамбик и Килву (Килоа), захватила суда арабских торговцев-мореплавателей, между делом пустила ко дну корабль, шедший с паломниками в Мекку, и под конец продырявила весь арабский флот султана-мамлюка[4]. Последующие военные предприятия португальцев окончательно уничтожили арабскую торговлю. Пиратские набеги, тяжелая дань, грабежи и разрушения полностью опустошили богатые прибрежные города — Момбасу, Килву (Килоа), Зан-

[4] Имеется в виду мамлюкский султан Египта ал-Ашраф Кансух ал-Гаури (1501—1517). С 1250 г. правителями Египта были военные лидеры из рабов — ***мамлюки***,— сначала **тюрки**, а с 1382 г.— черкесы.— *Примеч. ред.*

зибар и Софалу, в которых, как считается, торговые традиции зародились еще в начале нашей эры.

Названные города-государства и торговые центры обладали несметными сокровищами. Только Килва считалась одним из самых богатых городов в мире — здесь, в конечном пункте караванного пути из внутренних районов, долгое время был самый значительный порт Восточной Африки. При раскопках в XX веке здесь обнаружили первые отчеканенные в этом городе монеты, фарфоровые и стеклянные изделия из Китая и Персии. Письменные свидетельства превозносят красоту существовавшего некогда города, а остатки былых сооружений, тщательно раскопанные археологами, вызывают изумление у любого, кто повидал их. Персы, арабы, индийцы, смешавшись с местным населением (по большей части бантуязычным), создали за много столетий своеобразное афро-арабское лицо этого города и вообще всего восточного побережья.

Как и во всех султанатах на берегах Индийского океана, рабовладение было естественным элементом государственной организации. Рабы трудились на плантациях, в домах своих повелителей и на строительстве городских сооружений. Рабов, подобно таким товарам, как золото, железо, слоновая кость, черепаховый панцырь, вывозили в дальние края — вплоть до Южной Аравии, Индии, на остров Ява. Однако торговля рабами как «производительной силой» не принимала здесь прежде таких форм, что сделали катастрофической ситуацию на западном побережье Африки. А. Бруншвиг пишет в этой связи: «Какое бы значение ни имела торговля рабами в былые времена в Азии или же по всей Сахаре, все равно при сравнении с непрерывным и постоянным потоком, который уносил африканцев в Америку в течение трех столетий, она предстает не чем иным, как незначительным оттоком населения».

К середине XVII века арабы и суахили вновь обрели влияние на восточном побережье Африки. В 1700 году они в союзе с арабами-мусульманами из Маскатского султаната в Омане наконец изгнали португальцев из их поселений. В 1730 году султан Маската взял приступом Занзибар, а в 1752 году Португалии пришлось отказаться от всех своих владений севернее мыса Дельгадо (невдалеке от нынешней границы между Танзанией и Мозамбиком).

На побережье возникли теперь арабские города-го-

сударства, в частности, Килва вновь стала играть большую роль, хотя все это никак нельзя было сравнить со временем ее расцвета в XIII веке. Однако город укрепил свою мощь за счет народов банту во внутренних районах Африки: Килва стала одним из главных пунктов работорговли. Этот город на коралловом острове привлекал к себе арабские караваны с рабами, следовавшие традиционными торговыми путями из глубин континента. Купцы и работорговцы проникали далеко — в район больших озер Восточной и Центральной Африки до реки Луалабы[5] и от бассейна реки Конго до Арувими. Там бесчинствовали, убивали и грабили население вооруженные до зубов банды Типпо-Типа, Килонга-Лонга и других печально известных работорговцев. Во времена правления занзибарского султана Сейида Саида[6] торговля невольниками расцвела пышным цветом, поскольку для его постоянно расширявшихся плантаций гвоздичных деревьев требовались тысячи дешевых рабочих рук. Но затем Занзибар обогнал Килву — теперь к нему пришла печальная слава самого крупного рынка рабов и слоновой кости во всей Африке. От 40 до 60 тысяч несчастных ежегодно начинали свое путешествие, большей частью из Багамойо, отправной точки невольничьего маршрута в Конго, на рынок рабов на острове Занзибар, откуда их в основном развозили по просторам Индийского океана. Так, после прихода португальцев в конце концов и на восточном побережье Африки за несколько веков произошли коренные изменения. К тому же разрушение древних, традиционных арабо-африканско-азиатских торговых связей между внутренними районами Африки при посредничестве городов на побережье с регионом Индийского океана все больше смещало центр тяжести в сторону торговли невольниками. После португальцев и голландцев «в права наследования» вступили арабские и суахилийские землевладельцы и торговцы невольниками. И рабство, прежде чем его отменили законодательным порядком в конце прошлого века, долго было отличительной чертой султаната Занзибар.

---

[5] Луалаба — название верхнего течения р. Конго (Заир).— *Примеч. ред.*

[6] Сейид бен Саид (1804—1856) в 1840 г. перенес столицу Маскатского султаната в Занзибар, положив тем самым начало самостоятельному Занзибарскому султанату.— *Примеч. ред.*

«При всей низости и недостойности их (европейских работорговцев.— *К.-Х. Б.*) действий нельзя не признать их выдающиеся достижения. Существовали субтропические и тропические страны с необозримыми экономическими возможностями. Их требовалось освоить. В том климате европейцы никак не могли бы трудиться, не было у них и нужного количества рабочей силы. Потому европейцы и принудили заняться этим трудом индейцев, но в особенности негров. Но как бы далеко они ни заходили, как бы ни нарушали законы и нравы, факт остается фактом: они преследовали великую цель. Они служили прогрессу человечества» (Зелл).

Но сколь «далеко заходили» европейцы, описано в бесчисленных свидетельствах очевидцев, в публикациях, нередко весьма неприятных для правительств, которых это непосредственно касалось.

А что касается «прогресса человечества», то речь, разумеется шла лишь о «культурных европейских народах», извлекавших непосредственную пользу из присвоения африканских производительных сил. И если, к примеру, английское правительство утверждало, что «торговля неграми составляет основной источник богатства Великобритании» (цитируем по Л. Брентано), то имелись в виду как невиданные доходы от плантаций сахарного тростника, от фабрик по производству рома и от золотых рудников Америки, где работали невольники, так и непосредственно колоссальные доходы от существования невольничьих бирж в Бристоле, Ливерпуле, Лондоне и других портах страны.

Торговля «черной слоновой костью» приносила огромные барыши. Перевозка 850 невольников давала, к примеру, около 37 тысяч фунтов стерлингов чистого дохода. В 1850 году в американском штате Виргиния за одного раба платили более тысячи долларов. В Африке же этот «товар» стоил смехотворно мало: в Гамбии — за старого коня отдавали двенадцать невольников, а в Конго охотники за людьми приравнивали к жизням двадцати двух (!) рабов ... одну жирную собаку! Цены определялись, естественно, и расстоянием, на которое приходилось транспортировать «товар», и риском всего предприятия. Невольник с берегов озера Танганьика, молодой и сильный, приобретенный там за десять марок, на побережье приносил уже 50 марок чистого дохода, на

невольничьем рынке в Занзибаре — до 200 марок, а если он живым попадал на берег Персидского залива, то — ни много ни мало 390 марок! Если же этот несчастный стал невольником в голодный год, его уже можно было купить всего за «несколько мер зерна» (мерой служила шляпа!), однако и доход он приносил гораздо меньший, поскольку «каждый владелец невольников старался в такой год сбыть товар, даже по низким ценам... и тогда невольничьи рынки побережья были переполнены, а цены падали — подобно акциям военных предприятий во время мирных переговоров» (Франц Мюллер).

Даже когда торговлю невольниками отменило принятое соответствующее законодательство, Испании и Португалии удалось получить новые прибыли: Испания в 1817 году потребовала возмещения убытков в размере 400 тысяч фунтов стерлингов, а Португалия в 1823 году удовлетворилась «лишь» 300 тысячами фунтов стерлингов [7].

Почти все страны, расположенные в бассейне Нила, были захвачены чужеземцами и опустошены работорговлей. Лишь немногим народностям, благодаря ожесточенному вооруженному сопротивлению, удалось избежать перспективы быть угнанными на невольничьи рынки на побережье. Так, например, народы ньяруанда, масаи и — некоторое время — ньямвези и хехе смогли дать отпор арабским работорговцам. Другие народы (например, в Уганде) обменивали у арабов лишь пленников, захваченных во время своих военных походов, на оружие и т. п. Но многим другим, несмотря на отчаянное сопротивление, пришлось покориться огнестрельному оружию охотников за людьми и самим стать регулярными «поставщиками» невольников (так было с народами, обитавшими в восточной части бассейна Конго, на берегах озера Танганьика и нынешнего Малави, с нилотами в верхнем течении Нила, с нуба в Кордофане и пр.).

Верховья Нила облюбовали те, кто занимался позорнейшим ремеслом — торговлей невольниками. В Хартуме некая «Европейская компания», состоявшая, по словам А. Э. Брема, «почти сплошь из негодяев, обманщиков, мошенников и убийц», ожидала прибытия не́керов *

---

[7] Имеется в виду компенсация, предусматривавшаяся соответствующими договорами с Великобританией.— *Примеч. ред.*

с невольниками и слоновой костью из верховьев Нила; на этих невольничьих судах нередко перевозили до «семисот негров обоего пола и разного возраста», они были там «буквально как сельди в бочке, почти ничего не ели и зачастую целыми днями не могли пошевелиться — из-за чего многих из этих несчастных даже парализовало»,— писал Теодор фон Хёйглин.

Из множества подобных свидетельств очевидцев снова процитируем Брема. У него в дневниках есть такое место:

«12 января 1848 года, среда.

Сегодня сюда прибыла партия невольников племени динга (динка.— *К.-Х. Б.*). О, боже! Что за печальное зрелище! Они пели, поскольку их принуждали к этому: иначе как бы пришло им в голову петь, когда их шеи охвачены деревянными колодками. Сидевшим в кругу мужчинам и женщинам, пожалуй, лет около шестидесяти; тут же были и дети, у одного из них, еще грудного, кожа большими складками лежала на проступивших костях; мать его была больна, она со слезами смотрела, как этот несчастный подползал к ней, требуя материнской груди, но она уже лишь вяло обвисала. Многие из мужчин, закованных в колоды, были ранены и раны их не залечены — короче говоря, эта картина говорила о таком отчаянном, ужасающем горе, что словами и описать невозможно».

О Кордофане с его административным центром Эль-Обейдом, который уже в 1821 году подпал под власть Египта и оказался самым богатым источником невольников, Брем писал: «Настоящая торговля Обейда происходит не на рынке, а на дому у купцов; там можно во всякое время получить сколько угодно невольников, слоновой кости, аравийской камеди, тамариндовых пряников и иных местных продуктов. На первом плане стоит торговля невольниками, затем аравийская камедь и слоновая кость» [8].

Интересны также наблюдения Вернера Мунцингера [9], сделанные в Кордофане в 1861 году, когда торговля рабами была уже запрещена: «Один из видов торговли невольниками таков: после сезона дождей ту-

[8] *Брем А. Э.* Путешествие... с. 259.

[9] Мунцингер Вернер (1832—1875) — швейцарец по происхождению, участник нескольких экспедиций в Северо-Восточную Африку, с 1871 г. на египетской службе, губернатор г. Массауа, затем — генерал-губернатор Судана.— *Примеч. ред.*

рецкие (то есть египетские.— *К.-Х. Б.*) военные отряды отправляются к племени баггара, с которого они берут дань коровами. Образуется большое торжище. Прибывающие сюда торговцы скупают коров у турецких чиновников, платя за них талерами, и возвращают их кочевникам баггара в обмен на невольников. Тем самым в выигрыше все: турки не нарушают законов и получают деньги наличными; баггара вновь обретают своих драгоценных коров, с которыми не желают вовсе расставаться, и избавляются от ненужных невольников из страны Нуба, которых очень трудно охранять, так как их родные места отсюда слишком близко; торговцы же являются сюда лишь за невольниками, а крупный рогатый скот служит им как бы разменной монетой. Так что торговля рабами хоть и отменена здесь, но совсем еще не уничтожена».

Это сообщение свидетельствовало, что работорговля продолжала процветать при молчаливом попустительстве властей. А вот о каком «оригинальном» способе охоты только на девушек и на детей поведал шейх Зейналабдин. Он прибыл в Кордофан, в местность, жители которой время от времени снаряжали отряды в близлежащие горы, чтобы отловить невольников. Вот его рассказ: «Часто отряд охотников за рабами приводит до 40—50 пленных, их затем перегоняют в отдаленные оазисы в пустыне, и там с них даже снимают веревки, которыми связывали: они ведь не знают дороги отсюда... Как уже говорилось, большинство из этих пленных — девушки и дети, и при охоте на них идут на такую уловку. Ночью один из охотников подбирается прямо к жилищам дикарей, рассыпая позади себя финики, потом поворачивает назад и возвращается в укрытие в лесу. После восхода солнца женщины, завидев рассыпанные на земле финики, тут же принимаются собирать их. Так они приближаются к тому месту, где их поджидают охотники, которые набрасываются на них и забирают в плен».

Столь простые способы, конечно, не годились при серьезных вылазках или во время охоты на мужчин. Тут приходилось предпринимать «настоящие газвы»*. Эти разбойничьи налеты устраивали печально известные мусульманские охотники на людей (главным образом верхушка народа баггара), однако точно так же, «по всем правилам военного искусства» занимались этим и солдаты хедива в Кордофане с целью пополнения его

полков (до 1850 года торговля невольниками составляла монополию Египта).

«Орудие также играло свою роль, создавая невероятный шум, однако людей оно губило мало: ведь черных требовалось щадить, а всякая пуля, поражавшая цель, уменьшала доход, поскольку целью подобных военных походов Его высочества было изловить побольше людей живыми и невредимыми... После столь славной победы пленников пересчитывали и заносили в реестр; умелый врач пользовал больных, и всем выдавалась в большом количестве хорошая пища... дабы они могли отдохнуть и подкрепить свои силы перед долгой дорогой».

Граф д'Эскейрак де Лотюр, из записок которого приведена эта цитата, сообщал еще об одной уловке охотников за невольниками, а именно как удается привести в чувство полумертвых или же утихомирить самых строптивых: «... им затыкают ноздри, а в рот вставляют железное или деревянное приспособление, которое не дает закрыть рот, затем в рот льют воду, сыплют муку, растопленное масло, и все это пропихивают в глотку. Европейцы, торгующие невольниками на Африканском побережье, поступают разумнее; у них есть специальное железное приспособление, при помощи которого раба заставляют широко открыть рот и кормят его до отвала — примерно так же, как в Европе поступают с каплунами или гусями».

Но вскоре от «заботы» такого рода отказались, поскольку потеря подобного «малоценного товара» сполна компенсировалась все возраставшим количеством захваченных невольников. Обхождение с ними становилось все более жестоким, а путь к побережью — все длиннее, в связи с продвижением работорговцев в глубь континента. Игнас Пальме, который своими глазами видел немало таких «газв» в Кордофане, устроенных по приказу вице-короля Египта в горах Нуба, поведал о них не одну ужасную историю. Например, как дымом выкуривали жителей пещерных городов, как отрезали их от источников воды, как обманом выманивали их из селений, как сжигали дотла их хижины, когда брали деревню приступом.

«И вот кровавая резня стала чудовищной: что ни двигалось, тут же приканчивали без всякой пощады; детей, женщин и стариков убивали штыками, поджигали хижины, всё вокруг грабили, с неописуемой яростью

набрасывались на эти несчастные создания... совершали всевозможные зверства и не останавливались до тех пор, пока последний человек из этого злосчастного племени либо не оказывался убит, либо не отправлялся в рабство. Только в 1839 году в пользу Египта были захвачены двести тысяч невольников!» — писал Пальме.

Могущественные охотники за невольниками — такие, как Мухаммед Шер в стране шиллуков,— имели под своим началом головорезов в количестве четырех-пяти тысяч человек, нубийцев из области Бербер и арабов. Местные народы отважно сражались с такой превосходящей силой, однако несли большие потери. Например, во время одного такого разбойничьего налета они потеряли 1500 человек и 7000 коров. В то же время некоторые вылазки бандитов проходили вовсе не так, как это представляли себе охотники за невольниками — вот яркое свидетельство бельгийца Эжена Эдуарда Жака Мари де Прюйсенера де ла Востин, который в 1863 году поведал о действиях целой трехтысячной армии охотников за невольниками под предводительством шейха Малека: «У рощи, где негры укрыли своих жен, детей и весь скот, разгорелась баталия, длившаяся часов пять. Кони и верблюды проносились через заросли и на полном скаку топтали женщин, детей и мелкий скот. Однако победа в конце концов досталась все же неграм».

Исход этого сражения был для Малека ужасным: добыто 180 рабов и некоторое количество мелкого скота, но потеряно 160 воинов, 60 верблюдов и лошадей. Правда, уже следующий поход закончился для него успешно, поскольку было захвачено 2500 невольников и вдвое большее количество голов скота».

Торговля рабами продолжала процветать и в восточных районах Судана, и в Эфиопии, и в пограничных с нею странах. Хёйглину удалось узнать размеры торговых сделок, заключенных только в порту Митсива (Массауа) за 1862 год: «Невольники — это шанкала, галла и порой похищенные абиссинские христиане. С тех пор как английское правительство предприняло серьезные меры к искоренению работорговли в Красном море, торговцы живым товаром предпочитают избегать порта и загружают свои суда товаром на побережье между Массауа и Суакином. Таможня берет за каждого вывезенного невольника семь с половиной талеров. В среднем насчитывают от тысячи до пятнадцати тысяч человек, общей стоимостью от 30 до 50 тысяч талеров».

Все большие колонны пленников на востоке Африки отправлялись к большим и малым невольничьим рынкам, находившимся, например, в Килве, Занзибаре и в Микиндани; этот путь страданий полит кровью и усеян скелетами; он проходил под знаком плетей и шебы *. И здесь торговые операции сопровождались жестокостями. За ничтожные провинности, а то и просто из желания помучить людей, назначались нечеловеческие наказания. Торговец невольниками Муини из Таборы превратил свою хижину-тембе в самую настоящую камеру пыток. Там он заключал невольников в колодки, подвешивал за руки, жег раскаленным железом... Короче, применял все методы пыток, какие и до, и после него использовались человеконенавистническими, преступными режимами.

Многие из состоявшихся в те годы исследовательских экспедиций приводили только к расширению торговли рабами. Самый, пожалуй, трагический пример — путешествие Ливингстона, которого называли «великим другом негров». Когда он вторично вышел к берегам открытого им озера Ньяса, туда уже проникли арабы и португальцы, опустошившие местность и разорившие все селения. Деревни, в которой исследователя дружески принимали и угощали, когда он впервые появился здесь, уже не существовало.

«И вот, после годичного отсутствия, мы обнаружили, что открыли эту страну лишь для охоты за невольниками»,— горько пишет сам Ливингстон. Именно он, неутомимо выступавший за гуманное отношение к африканцам, потерпел в борьбе с работорговлей одно из самых серьезных поражений в своей жизни.

Флаг следует за Библией

9 июня 1788 года в Лондоне было основано Общество для содействия открытию внутренних областей Африки (его называли также «Африканская ассоциация»). Это первое географическое общество (из него в 1831 году в Лондоне образовалось Королевское географическое общество). В первом же сообщении «Африканской ассоциации» говорилось: «Лучшее знание внутренних районов Африканского континента даст нам преимущество в расширении торговли и развитии британской промышленности».

В последующие годы по заданию «Африканской ассоциации» крупные исследователи отправлялись в глубины континента, который до тех пор был известен лишь частично. Что же привлекло внимание европейских держав к неисследованным внутренним областям Африки, откуда все еще двигался почти неиссякаемый поток невольников? Почему именно Великобритания первой начала систематическое исследование, а затем и расчленение Африки?

К тому времени Великобритания потеряла свою самую богатую заморскую колонию. В 1776 году североамериканские колонии объединились в независимое государство — США. Промышленный капитализм в условиях неограниченной конкуренции требовал новых рынков сбыта, а также увеличения притока сырья. Быстрое развитие техники, бурный прогресс производительных сил, завоевание мирового рынка, требовали новых ресурсов сырья и рабочей силы. Все это имелось в Африке, а прибрежные владения и поселения представляли собой удобные форпосты для проникновения в глубь материка.

Не случайно также, что именно в это время были предприняты усилия для отмены рабства и торговли невольниками. Однако не стоит на этом основании делать вывод об изменении образа мышления, приведшем якобы к осознанию новых нравственных идей и заставившем даже промышленников поддерживать «Общество аболиционистов». Было бы также неверно отрицать неоспоримые заслуги Уильяма Уилберфорса (1759—1833) и прочих руководителей этого движения, чья неустанная и бескорыстная борьба под лозунгом человеколюбия привела в конце концов к отмене работорговли (1 января 1808 года был принят «Билль об отмене рабства»). Однако движение это, вопреки некоторым трактовкам, нужно рассматривать как «знамение времени», корни которого определялись новой экономической и исторической ситуацией, возникшей в Европе и в Северной Америке. В век промышленной революции подневольный труд стал нерентабельным... Английская буржуазия почуяла в Африке будущий рынок сырья и рынок сбыта. Тем самым «была заложена основа порабощения африканцев на их собственном материке. Колониалисты перешли от политики создания станций и опорных пунктов для охоты за невольниками и для торговли к территориальным захватам, к закладыванию плантаций, к

добыче полезных ископаемых и эксплуатированию африканцев как рабочей силы» (Курт Бюттнер).

Стремление получить доступ к новым рынкам, а также к рынкам, которые еще только предстояло создать в глубинах континента, во многих случаях реализовывалось под предлогом борьбы с торговлей невольниками. К началу восьмидесятых годов прошлого века все большее число исследователей разведывало неизвестные участки территории с точки зрения их экономических возможностей. В 1791—1800 годах по имеющимся данным в Африку было осуществлено три экспедиции, в 1841—1850 годах — уже шесть, а с 1881 по 1890 год огромное число — 84 экспедиции, причем их целью были прежде всего экономические и политические исследования, нежели собственно географические.

На протяжении этого периода колониальных захватов повышенное политическое значение придавалось миссионерам; число их станций в это время значительно возросло. Во многих местностях миссионер шел впереди торговца, солдата и исследователя — он даже выполнял задачи последнего, как, впрочем, и многие другие. Еще за несколько десятилетий до конца XIX века церкви придавали большое значение — это доказывает хотя бы такое высказывание Наполеона: «Эти монахи сослужат мне весьма хорошую службу в Азии, Африке и Америке. Я разошлю их повсюду, чтобы они собирали сведения о положении внутри страны. Монашеское одеяние предохранит их и позволит им скрыть свои политические и экономические намерения. Монахи обходятся нам недорого, а варвары их уважают. А поскольку они не являются официальными представителями страны, они не могут скомпрометировать свое правительство или навлечь на него неприятности».

Пусть другие правители не столь откровенно раскрывали свои намерения, однако и для них миссионерские общества создавали благоприятные предпосылки к тому, чтобы — помимо своих непосредственных задач — добиваться политического влияния. Но никак нельзя отделять от основных, названных уже целей, достижения тех миссионеров, кто пожертвовал жизнью, кто порой довольно успешно проявлял себя в духовной и светской сфере.

Покажем на примере государства Буганда, в какой мере исследовательские экспедиции и проникновение миссионеров, будучи лишь составной частью грандиоз-

ного экономико-политического переворота, повлияли на его социальное и политическое устройство.

Два английских исследователя — Дж. Х. Спик и Дж. О. Грант первыми из европейцев попали к правителю Буганды, *кабаке* Мтесе I. Это произошло в 1862 году. До тех пор лишь мусульманские торговцы поддерживали контакт с великим кабакой Калемой (или Суной II, отцом Мтесы I), который нередко выменивал у них огнестрельное оружие на рабов. Благодаря этим торговцам из города Габора в Буганде получили распространение товары из арабского мира, мусульманская одежда, а также сам ислам. В 1875 году сюда добрался Г. М. Стэнли — третий европейский путешественник в Буганде; он назвал эту страну «жемчужиной Африки». Стэнли предпринял попытку обратить Мтесу I в христианскую веру, в связи с чем он отправил в газеты «Дейли телеграф» и «Нью-Йорк геральд» письменный отчет, в котором помимо прочего говорилось: «Мне удалось до такой степени подорвать здесь влияние ислама, что отныне Мтеса решил соблюдать христианские праздники так же, как и магометанские,— пока не вразумлен будет... Какое поле деятельности, сколь богатый урожай для серпа цивилизации! ...Для вас предоставляется здесь благоприятная возможность — воспользуйтесь же ею!»

«Церковное миссионерское общество» ответило на это обращение присылкой в 1879 году миссионеров, бывших одновременно членами научных обществ (Ч. Т. Уилсон, Р. У. Фелкин, А. М. Маккей и другие). Вскоре после них появились французские католики.

Миссионеры привезли послов Мтесы в Лондон, чтобы показать им мощь повелителей Европы. Рассказы посланников по их возвращении домой произвели на правителя Буганды желаемый эффект, тем более что англичане, как было известно, оказывали влияние на многие страны. Вот, например, как поведал Мтесе о Каире посол Саабаду (судя по словам Фелкина): «Потом мы достигли главного города турецкого (т. е. египетского.— *В. Б.*) властителя, но правят там не турки, а вазунгу (европейцы). У турок вообще нет там власти».

О султане Занзибара он же говорил следующее: «Арабы лгут, о повелитель, когда утверждают, будто им принадлежит страна, большая, чем пвани (побережье). Побережье принадлежит англичанам, арабы же раболепствуют перед ними».

Однако что касается выбора религии, Мтеса I все никак не мог принять окончательного решения, так как довольно большим влиянием в его владениях обладали жрецы. А наследник Мтесы, Мванга, вообще на некоторое время возвратился к верованиям предков. Мтеса, так же как и Мванга, преследовал то христиан, то мусульман, и каждый раз это сопровождалось гибелью бессчетного множества людей.

Главная причина столкновений в 70—80-е годы прошлого столетия заключалась в борьбе крупных держав, протягивавших руки к богатствам Буганды. Интересы Франции представляли здесь «белые отцы» — католические миссионеры, а Великобритании — миссионеры протестантской англиканской церкви. Однако вместо того чтобы единым фронтом выступить против ислама, католики и протестанты вели борьбу между собой, принимавшую весьма острые формы. Мтеса выслушал представителей обоих вероисповеданий, после чего изрек: «Пусть белые сначала уладят собственные разногласия, а затем уже, приняв окончательное решение, поведают нам о том, что правильно, а что нет».

Религиозные разногласия и интриги завершились кровавыми событиями в годы правления кабаки Мванги, сына Мтесы I. Притязания империалистических государств на господство в этом районе вылились в вооруженные столкновения между католиками и протестантами народа ганда.

«Это была война ганда-католиков с ганда-протестантами, однако и миссионеры с обеих сторон считались врагами,— писал Франц Людвиг Штульманн,— вполне возможно, что англичане были до крайней степени ожесточены сопротивлением католиков; многое оправдать можно и тем, что все произошло в пылу борьбы. Однако европейцам следовало разрешить свои разногласия раз и навсегда на европейской почве. Такие эпизоды, как обстрелы французских миссионеров из английских орудий, наихудшим образом сказываются на престиже белых у негров; эпизоды эти крайне прискорбны».

Белые, по понятным причинам, были очень заинтересованы в сохранении своего «престижа», тем более что и немцы, выказывавшие прежде самый живой интерес к Буганде (через Карла Петерса), к тому времени получили «права» на Танганьику.

Столь зловещее развитие событий привело к поли-

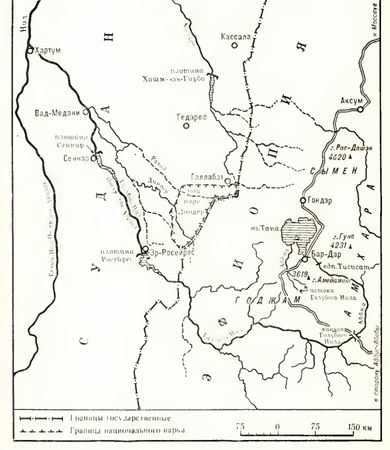
тическому краху некогда могущественного государства Буганда, а также к упадку торговли и сокращению численности населения.

«То, чего не смогли сотворить жестокие кары местных правителей, а именно: разорить страну, истребить ее население,— теперь было достигнуто посредством гибельных религиозных междоусобиц, перенесенных на территорию Буганды после появления там миссионеров» (Штульманн).

За Библией следом явился флаг, междоусобицы сменились «миром». Мванга, которого англичане вновь посадили на трон, скрепил своим знаком договор, составленный английским капитаном Фредериком Лугардом, по которому предусматривалось создание протектората. Так Буганда перестала существовать как самостоятельное государство.

Глава IV

К ИСТОКАМ ГОЛУБОГО НИЛА

Голубой Нил от истока до впадения в Белый Нил у Хартума

Мне удалось увидеть то, что так сильно и так тщетно стремились познать Кир, Камбиз, Александр и Юлий Цезарь.

Педро Паэс

Пусть истоки Белого Нила находятся в легендарных, диковинных Лунных горах — Голубому Нилу отнюдь не зазорно сравниться с ним. Свое начало берет он в Эфиопии — стране не менее загадочной, не менее великолепной, полной всевозможных географических чудес: это страна знойных пустынь и снежных вершин, потухших вулканов и диких речных каньонов с крутыми стенами; страна древней культуры и богатого прошлого, начальные страницы которого еще сокрыты во тьме веков.

Эфиопия представляет собой огромное плоскогорье, прорезанное Эфиопским грабеном, на дне которого между высокими стратовулканами * находится множество бессточных озер, расположенных на различной высоте. Кристаллическое основание (сложенное из гнейсов и слюдяных сланцев) покрыто перемежающимися слоями песчаника и известняка, затем платобазальтом или траппом, толщиной от 500 до 2000 метров, и, наконец, слоем плодородного чернозема. Реки, текущие по этому огромному высокогорному плато, расположенному на высоте 2—3 тысяч метров над уровнем моря, прорезали в нем ущелья и теснины глубиной до одного километра!

Стены каньонов словно страницы учебника геологии. Отвесные стены образованы верхним слоем базальта; террасообразные, более пологие уклоны вода «пропилила» в песчанике, но в самом низу, на дне ущелий, река, вскипая на бесчисленных порогах, несется меж каменных стен первичной породы. Вот почему такие крупные реки, как Собат, Голубой Нил и Атбара разделили плоскогорье на ряд огромных по размерам плато. Эрозии противостоят здесь возникшие в силу естественных процессов столовые горы с отвесными склонами — так называемые *áмба.* Почти недоступные, они не раз в прошлом становились спасительным убежищем для жителей здешних мест, превращались в естественные укрепления, «кои в пору междоусобиц использовались как крепости»

(Даппер); об эти «бастионы» разбились и армии иностранных агрессоров нового времени, пытавшихся захватить Эфиопию. Теофиль Лефевр писал: «Столовые горы, напоминающие разрушенные крепостные сооружения; округлые массы, похожие на купола соборов; прямые, наклонные, перевернутые конусы, будто готические колокольни; базальтовые образования в виде огромных орга́нов — все эти природные формы теснятся, громоздятся друг над другом, так что их вполне можно принять за разрушенные жилища каких-то исполинов. Вдали они сливаются с облаками и с небом, а в сумерках чудится, что видишь перед собой волнующееся море».

Отдельные горные массивы возвышаются над плоскогорьями на 4500 метров; на горе Рас-Дашэн, высотой около 4620 метров, временами лежит снег — равно как и на других вершинах вокруг озера Тана.

В сезон дождей склоны Рас-Дашэна всегда покрыты снегом до высоты 3500 метров. О том сообщал еще Птолемей Эвергет; во время очередного завоевательного похода в Эфиопию он «продвинулся в царство Зэмэн и нашел там невыносимые условия по причине холодов и глубокого снега» (как писал Брюс). Тем не менее Диодор Сицилийский утверждал, что в Эфиопии снега не бывает, да и известный английский географ Уильям Десборо Кули считал, что в Африке вообще не может быть снега.

С востока к Эфиопскому нагорью примыкает постепенно спускающееся к Индийскому океану плато Сомали. К северу от него простирается огромная низменность, впадина Афар, где находятся озера, лежащие ниже уровня моря (озеро Ассаль, например,— на 153 метра ниже уровня моря). С Эфиопского нагорья на запад, к равнинам Судана, текут реки Атбара, Голубой Нил и Собат, а также их многочисленные притоки. И если в верхнем течении крутые берега рек еще украшены пышной растительностью, то дальше, вниз по долине, она уступает место травянистой саванне, а Атбара проходит даже через пустыню. На высоте 1830 метров над уровнем моря, в самом сердце Эфиопского нагорья, окруженное высокими горами расположено озеро Тана. Здесь четко различаются разные по характеру (в зависимости от высоты) зоны растительности, которые в Эфиопии называются *ко́лла, во́йна дёга, дега* и *чо́ке.*

Глубокие каньоны рек и склоны плато, покрытые

разнообразными кустарниками, кустарниковыми лесами и вечнозелеными, пышными тропическими лесами, относятся к влажной зоне — *кóлла*, поднимающейся на высоту до 1700 метров. Дальше, до 2500 метров, простирается умеренная зона — *вóйна дéга*, или «страна виноградников», прозванная так за повсеместно распространенные виноградники. В этой зоне в основном и селятся люди, так как здесь самые плодородные земли и пастбища. Здесь же выращивают кофе, энсету (не раз упоминаемую в старинных книгах), хлопчатник, сахарный тростник, табак, а также обычные для Европы зерновые культуры — и все это главным образом на высоте свыше 2000 метров. Развито и скотоводство, однако наибольшее распространение оно приобретает уже в следующей зоне — *дега*. В этой зоне высокогорных пастбищ также сеют пшеницу, но главным образом неприхотливый ячмень. Выше 3800—3900 метров начинается зона высокогорной растительности, называемая *чóке*, где преобладают альпийская растительность, голые скалы и снега.

Окраинные районы, кроме восточных, получают от 500 до 1000 миллиметров осадков в год, впадина же Афар — лишь 250—500, а на побережье Красного моря в сезон зимних дождей выпадает всего от 80 до 250 миллиметров в год. На плоскогорьях выпадают обильные осадки — от 1000 до 1500 миллиметров в год; здесь (за исключением северной части плоскогорья) два раза в год на землю с невообразимой яростью обрушиваются потоки воды, сопровождаемые обычно градом, бурями и сильными грозами. В год здесь случается до четырехсот гроз — немало молебнов приходится служить священникам по убитым молнией.

В Эфиопии около 29 миллионов жителей (по данным переписи 1977 года) [1]. Население северного и центрального нагорий, а также южной части страны в антропологическом отношении принадлежит преимущественно к эфиопской расе. В лингвистическом отношении амхара, тигре, гураге и другие народы принадлежат к крупной языковой ветви семитских языков. Галла на юге страны, сомали — на юго-востоке, афары (данакиль) — на востоке и северо-востоке относятся к кушитам. С древнейших времен живут здесь и другие кушитские народы: сидамо на юге и агау, селящиеся по берегам озера Та-

[1] На середину 1983 г.— 33 680 тыс.— *Примеч. ред.*

на, у которых образовалось собственное государство еще до включения этого региона в великое царство Амхара. В юго-западных районах живут также нилоты, а в лесах Южной Эфиопии, прежде всего вокруг озера Стефани,— пигмеи; средства к существованию они добывают все еще главным образом охотой. Население нагорья — крестьяне, многие из которых и по сей день обрабатывают свои поля допотопной сохой (порой это просто сук) и засевают их разными видами зерновых, в том числе встречающимися только здесь. На юге и юго-западе разводят в основном энсету, родственное банану растение — правда, в пищу идут не плоды энсеты, а питательная сердцевина стеблей. Сомали и афары — кочевники; они разводят овец, коз и верблюдов. Отдельные этнические группы народа галла на юге кочуют вместе со стадами крупного рогатого скота. Нилоты запада и юго-запада Эфиопии сочетают выращивание проса с содержанием большого числа овец и крупного рогатого скота.

Миссионеры и «очи Нила»

Для древнегреческих и римских авторов загадочная страна Эфиопия начиналась «по ту сторону Египта». Но даже столь значительные ученые, как Геродот, Страбон, Плиний и Птолемей, были не в состоянии прояснить смысл этих слов. Геродот (как до него и Гомер) различал восточных и западных эфиопов, причем среди первых существовали еще якобы и макробии (долгоживущие), и ихтиофаги (рыбоеды), и троглодиты (пещерные жители). Были среди них, по мнению Геродота, и охотники на слонов, и доящие собак и т. п., которые получили свои наименования в соответствии с их образом жизни. Столицей Эфиопии Геродот называл город Мероэ (сейчас его развалины находятся неподалеку от города Шенди в Судане). Таким образом, под «страной черных людей» он понимал Кушитское царство, столицей которого был Мероэ на протяжении 880 лет, начиная с 550 года до н. э. Страбон причислял к благоуханной Эфиопии также и «страну корицы», но лишь до Птолемея дошли вести о существовании города Аксум. Древние географы делали различие между этой «Эфиопией за Египтом», в которой, как им казалось, находились истоки Нила, и «троглодитской Эфиопией», распо-

ложенной на побережье Красного моря. Эта последняя была им хорошо известна вследствие многочисленных путешествий купцов и мореплавателей — и торговля и мореплавание переживали расцвет после того, как цари династии Птолемеев завоевали прибрежные районы.

Одним из портов, построенных при Птолемеях, был Адулис. И сегодня еще в 60 километрах от города Массауа, близ деревни Зула, можно видеть полузасыпанные песком, заросшие развалины древнего порта, некогда столь знаменитого. Город этот был воротами в Африку, и, возможно, именно сюда еще за тысячу лет до нашей эры пришли из Южной Аравии семитские народы, прежде всего — хабашан (от названия которого и произошло слово «Абиссиния»), именно через эти места проникли они в глубь континента. Адулис стал главным перевалочным пунктом Аксумского царства, возникшего предположительно в V—IV веках до н. э. и сплоченного новой, общей для всех его граждан культурой. Аксум, столица этого большого царства, простиравшегося от Тыграя до Шоа, был основан в I веке до н. э. на караванном пути от Адулиса к Нилу. На тесные связи с Южной Аравией указывают обнаруженные в наше время в Аксуме сабейские надписи, выбитые на колоннах, а также эфиопская версия легенды о посещении царицей Савской царя Соломона в Иерусалиме (а ведь царицей Савской стала эфиопская принцесса Македа — после заключения брака). Менелик, сын царя Соломона и царицы Савской, считался основателем династии «льва Иудеи».

Аксумское царство достигло могущества при царе Эзане (IV век н. э.), который ввел во время своего правления христианство. Эзана расширил границы своего влияния и даже подчинил себе Мероитское царство. К VI веку н. э. могущественному государству аксумитов принадлежала уже и территория Южной Аравии.

И сегодня еще сохранилось немало великолепных обелисков с надписями, составляющими неисчерпаемые скрижали истории, на которых можно прочесть многое о характерных чертах древнего, исчезнувшего государства и о его завоеваниях. Обелиски рассказывают нам об образе жизни его граждан, об их торговых связях и культуре. Один из этих обелисков повествует о расширении Аксумского царства далеко на юг, до золотоносной земли зазутов (возможно, к югу от Каффы), которые меняли золото на скот, соль и железо. Но тот же

обелиск свидетельствует и о былой мощи египетского государства: при Птолемее Эвергете (правившем в 247—221 годах до нашей эры) оно простиралось до границ Аксума. Этот знаменитый обелиск, названный Monumentum adulitanum, обнаружил в VI веке н. э. александрийский купец Козьма Индикоплов в порту Адулисе, имевшем большое значение для Аксума. Через 150 лет после этого мусульмане разрушили Адулис и отрезали Аксум от остального мира, хотя это царство было уже в значительной степени христианизировано епископом Фременатом (Фрументием). На целых шесть веков Аксум выпал из поля зрения как соседних народов, так и своих бывших торговых партнеров. Сотрясаемая внутренними религиозными и политическими усобицами, страна вновь возникла из тьмы забвения в XIII веке как легендарная «страна пресвитера Иоанна».

«Вновь открыли эту страну португальцы, которые готовы были на мученическую смерть ради славы, золота и обращения язычников в христианство, но благодаря этому способствовали развитию того, что никак не являлось их главной целью — географии»,— писал Эрманн.

Король Португалии Жуан II в 1485 году отправил сюда своих первых разведчиков-послов, которые, однако, потерпели неудачу из-за незнания арабского языка. Спустя два года еще двое послов получили такое же задание, и одному из них, Педру ди Ковильяну в 1493 году удалось добраться до царского двора в Тегулете (провинция Шоа), но согласно обычаю страны он не имел права покинуть этот двор до конца своих дней. Впервые обстоятельно рассказать о загадочной стране удалось капеллану Франсишку Алваришу, находившемуся в свите португальского посланника в 1520—1526 годах. Страну тогда сотрясали почти непрекращающиеся междоусобные войны феодалов, крестьянские восстания и стычки с мусульманскими султанами, правившими на побережье Красного моря.

Для поддержки Эфиопии в борьбе с турками Португалия даже послала флот под командованием Криштована да Гама (сына знаменитого путешественника, достигшего Индии, Васко да Гамы); он погиб во время военных действий против мусульманских войск, предводительствуемых имамом Ахмедом ибн Ибрахимом ал-Гази, по прозвищу Левша [2].

[2] Ахмед ибн Ибрахим ал-Гази — имам, фактический правитель султаната Адаль с начала 20-х годов XVI века по 1543 г.; нанес

Дружеские отношения с новообретенным союзником в Европе вскоре, однако, претерпели сильное охлаждение со стороны Эфиопии, так как Португалия довольно быстро вошла в роль доминирующей державы и стала вмешиваться во внутренние дела эфиопского государства. Религиозное рвение португальских миссионеров обратилось против эфиопской церкви, которая принадлежала к монофиситскому * направлению в христианстве, однако в силу многовековой обособленности Эфиопии вера оказалась настолько сильно «смешана с различными суевериями, многочисленными иудейскими ритуалами, заблуждениями и ересями, что можно сказать: местные жители здесь лишь считаются христианами; сорная трава заглушила все добрые всходы и плоды»,— писал Ж. Лобу.

Португальцы намеревались провозгласить государственной религией католицизм, и иезуиты, настроенные особенно нетерпимо, стремились к безграничному господству своего учения. Столкновения дошли в конце концов до вооруженного восстания, и в 1634 году португальские колонизаторы вообще были изгнаны из Эфиопии. Миссионеры, бежавшие из страны, потребовали послать к берегам Эфиопии сильный флот и заложить на побережье Красного моря крепость, чтобы суметь «возвести на престол брата негуса и с его помощью покончить с гражданской войной в Абиссинии». В последующие шестьдесят лет Эфиопия вновь оказалась отрезанной от окружающего мира: существовал закон, по которому чужеземца в этой стране казнили. Первые подробные сведения об Эфиопии поступили от иезуитов (Франсишку Алвариша, Дуарти Лопиша, Педру Паиша, Атаназиуса Кирхера [3], Жироме Лобу, Балтасара Теллиша и многих других), которые побывали в этой стране в период португальского влияния (1493—1634). Во время своих многочисленных путешествий они хорошо изучили ландшафт и растительный мир страны, ее жителей, их нравы и обычаи. Иезуиты составили первую пригодную для использования карту Эфиопии и рассказали в путевых заметках и сочинениях о «достопримечательностях» страны, таких, как «страшные грозы, без-

---

в нескольких походах тягчайшие поражения эфиопским войскам и завоевал всю территорию центральных областей Эфиопии.— *Примеч. ред.*

[3] Кирхер Атаназиус (1602—1680) — немецкий иезуит, автор многих трудов по естественным и гуманитарным наукам. *Примеч. ред.*

донные пропасти, виверры и вредоносная саранча». Само собой разумеется, их внимание привлекла и «важнейшая, наиболее примечательная, а из крупных единственная река этой страны» — Нил, который местные жители называли Абави, Аб или Аббай («Отец вод», «Отцовский»). Иезуиты прекрасно поняли также и значение того, что они наперекор «недоступным пустыням, горам, лесам и варварскому населению» добрались до истоков Голубого Нила, но, в отличие от древних греков и римлян, эти первооткрыватели пришли сюда не вверх по течению реки, а с побережья Красного моря. Лобу отмечал в этой связи: «... но этот путь оставался неизведанным, пока отважные мореплаватели-португальцы не проложили путь к самым дальним странам... эти самые португальцы были первыми европейцами, открывшими Красное море, им же впоследствии досталась честь открыть истоки Нила!»

Высказано все довольно определенно; и все же Брюс, которого спустя 150 лет чествовали в Европе как первооткрывателя истоков Нила, старался умалить заслуги своих предшественников-португальцев и порой даже называл их сообщения лживыми.

Первым описал истоки Нила католический священник Педру Паиш, который видел их собственными глазами 21 апреля 1618 года. Правда, сообщил об этом Атаназиус Кирхер, «известный своей дерзостью утверждать самые невероятные вещи в естественной истории» (так охарактеризовал его Брюс), опираясь на имевшееся тогда письмо Паиша. Хотя это первое свидетельство подвергалось впоследствии сомнению (например, Брюса), однако оно все же соответствует поздним свидетельствам очевидцев. Но вот свидетельства Лобу вообще можно безбоязненно сравнивать с описаниями Брюса, хотя последний и называет его «величайшим лжецом среди всех иезуитов». Бесспорно, что португальские миссионеры первыми побывали близ подножия известной горы «у тех двух озерец или же прудов, которые называют здесь очами Нила»,— писал Исаак Фосс. Несомненно, они первыми из европейцев (а именно Паиш в 1613 году) увидели великолепную, окруженную горами водную гладь озера Тана, которое еще античные географы признавали истоком Нила.

Книга, которой никто не верил

После изгнания португальцев из Эфиопии в хрониках появились упоминания о нескольких полных приключений странствиях путешественников-одиночек, таких, как, например, в 1634 году — Петера Хейлинга, уроженца Северной Германии, в 1655 году — итальянца Якоба Баратти, которые привозили сведения не столько новые, сколько по большей части неправдоподобные.

В Европе больше всего пользовалась успехом книга об Эфиопии, написанная человеком, который не только не был в этой стране, но и вообще не «ступал ногой за пределы Европы»! Знаменитая «История Эфиопии», написанная, включая комментарии, тайным советником герцогства Саксен-Готского Иовом Лудольфом, вышла в 1681 году. Эта книга «пролила больше света на географию и этнографию Абиссинии, чем все, появлявшиеся в предыдущие два тысячелетия».

Лудольф собрал и изучил все имевшиеся тогда сведения об Эфиопии и благодаря этому, а также его усердию и остроте ума возник подлинный научный шедевр. Благоприятствовала ему и исключительная возможность заполучить на полгода в Готу из Рима эфиопского ученого-монаха Григория, который и консультировал Лудольфа.

Тем временем еще одному европейцу удалось проникнуть в изолированную страну царя-первосвященника: это был посланник французского короля Людовика XIV — врач Шарль Жак Понсе. Потом из Эфиопии около полувека не поступало вообще никаких сведений. Она вновь стала «страной за горизонтом».

Но вот, более чем через сто лет после появления вызвавшей сенсацию книги Лудольфа, ученые умы взволновало еще одно объемистое сочинение об Эфиопии. И если на долю книги Лудольфа выпало всеобщее признание, то пятитомное описание путешествий шотландца Джеймса Брюса вызвало ожесточенную полемику, вплоть до того, что многие из участников этого спора полностью отрицали описываемые Брюсом реалии.

В чем же дело? Брюс поставил перед собой цель обнаружить истоки Нила, которые, как тогда полагали, находились в Эфиопии. Белый Нил (Малег или Бахр-эль-Абьяд) считался лишь «главным притоком» великой реки Нил, сбегающей с нагорья, реки, известной еще Геродоту как «Астап, истекающий из озера Холе (или

Колоэ)». И на карте Фра-Мауро дуга Аббая, берущая начало в озере Тана, уже изображена довольно верно. Брюс знал о сведениях португальских миссионеров, но не считал их достоверными. Пробыв три года в Эфиопии, Брюс в 1773 году возвратился в Европу. И вот — «прошло столь много лет, а с нетерпением ожидавшееся описание этого путешествия все еще не издано». Распространились слухи, ставившие под сомнение сам факт, что Брюсу вообще можно доверять. Его молчание было тем более странным, что он «наконец-то благополучно достиг великой цели многих бесплодных до сих пор попыток европейцев-путешественников — нашел истоки Нила». Поэтому легко понять, что, когда книга вышла в свет (через 17 лет после его возвращения из Эфиопии), «общее мнение», подогревавшееся гипертрофированным интересом к ней, набросилось на нее и «объявило Джеймса Брюса хвастливым болтуном, который желает воздвигнуть себе триумфальную колонну на обломках доброго имени своих предшественников, украшает себя, подобно вороне из басни, чужими перьями; его сведения из-за вопиющих противоречий и свидетельств, известных сегодня как ошибочные, вызывают недоверие и тем самым умаляют в глазах специалистов завоеванный им авторитет»,— писал о нем Эрманн.

«Отвратительная похвальба, пускание пыли в глаза, безмерное самолюбование» и другие аналогичные упреки заслужил Брюс от критически настроенных к нему современников — и все потому, что не оставил незапятнанным ни одного из своих предшественников, хотя сам заимствовал «для своей книги немало удачных мест у этих опороченных им людей». Джеймсу Брюсу из Киннэрда выпала та же участь, какая за пятьсот лет до него была уготована великому путешественнику Марко Поло, которого даже вывели в венецианском театре кукол в образе враля по прозвищу «Иль Милионе» — из-за его казавшихся невероятными рассказов об увиденном.

Действительно, немало сведений, приведенных Брюсом, оказалось малодостоверными. Их легковесность и отрывочность дискредитировали объемистое сочинение Брюса, так же как и его попытки подкрепить «скудость собственных сведений» велеречивыми воспоминаниями о пережитом или же пространными заимствованиями у своих предшественников. Особенно же ставились ему

в вину надменность и тщеславие, с какими он повествовал о своих необычных впечатлениях, а также заявление о том, что его собственные рисунки — «лучшие, какие когда-либо издавались в сочинениях по естественной истории».

Но если оставить в стороне эти «пятна, которые не хотелось бы видеть», наблюдавшиеся порой и у других исследователей, то следует признать несомненным достижением Брюса собранный материал, столь богатый, что он может считаться поистине первым среди исследователей Эфиопии нового времени. Он оставил нам произведение, в котором, по словам еще одного современного ему рецензента, «и любопытствующий читатель и специалист обнаружит сокровищницу сведений, относящихся к географии, естествознанию, астрономии, антропологии, этнографии, торговле и мореплаванию; в этой книге ученые любой области знаний могут найти пищу для удовлетворения собственного любопытства».

Брюс пользовался особым расположением тогдашнего правителя Эфиопии в связи с тем, что отличился там как лекарь во время опустошительной эпидемии оспы. Он сопровождал императора и в военных походах. После первой неудачной попытки ему все же удалось достичь истоков Аббая, или Голубого Нила, в провинции Годжам. В своем дневнике Брюс так описывал этот столь знаменательный день 4 ноября 1770 года: «Прямо под нами мы увидели Нил, ставший много у́же, теперь он представлял собой лишь ручей, вода которого едва ли смогла бы привести в действие мельницу. Но я не мог оторвать глаз от этого вида, вспоминая все прорицания древних авторов о вечной тьме у истоков Нила и о самой невозможности их достигнуть».

Брюс обнаружил в болоте близ горы Геэз три истока «в небольших алтарях из прочного дерна», сооруженных человеком. Лобу видел только два истока, третий же был с тех пор, «очевидно, сделан с прилежанием или же по крайней мере расширен человеческой рукой».

Как сообщает далее Брюс (Лобу тоже говорит об этом), народ агау обычно совершал у алтаря основного истока жертвоприношения — вслед за появлением на небе «Собачьей звезды» (созвездия Гончих Псов). Здесь закалывали черную корову, голову ее опускали в воду, а мясом оделяли собравшиеся роды. Кости при-

несенного в жертву животного сжигали на костре. Брюс писал: «Народ агау из Дамота оказывает Нилу почести как божеству, он поклоняется реке, и тысячи голов скота пожертвованы божеству, которое, как верит этот народ, обитает в истоке; агау и до сих пор приносят ему подобные жертвы».

Не странно ли, что аналогичные обряды существовали как у истоков реки, так и у ее устья? Но суть почитания была различной: различалась его форма, сами жертвоприношения, да и сами практиковавшие их народы, которые узнали о существовании друг друга лишь позднее. Но издревле они были едины в том, что сочиняли молитвы во славу соединявшей их реки, при том, что одни не знали, где река начинается, а другие — где кончается. Брюс думал, что горы Амид-Амид, расположенные к востоку от истоков Нила, и есть знаменитые Лунные горы.

«Эти тройные горные цепи, лежащие одна за другой и образующие концентрические окружности, наводят на мысль, что это — Лунные горы (*Montes lunae*) древности, у подножия которых, как считали, находятся истоки Нила; да в сущности, ничем иным они и не могут быть».

Эти слова Брюса подтверждают, что он признал обнаруженный им Аббай (Голубой Нил) главным истоком Нила. Несмотря на неправдоподобные сведения, а также на противоречия (а возможно, именно из-за них), книга Джеймса Брюса привлекла к себе такое внимание, что повлияла на тогдашние тенденции общественного развития и привела к основанию британской «Африканской ассоциации».

В стране царя-первосвященника

Когда Аббай, описывая широкую дугу, спускается с гор от своих истоков в цветущую котловину на высоте 2700 метров над уровнем моря, он довольно скоро превращается в небольшую речку, «которая способна крутить обыкновенную мельницу». При впадении в озеро Тана его ширина уже достигает 60 метров. Его воды хорошо различимы, поскольку не смешиваются с озерной водой и «текут вдоль южного берега озера Цана (Тана) на протяжении семи миль (лье)»,— писал Брюс.

Кристальной чистоты вода, на поверхности которой

словно плавают 37 причудливых зеленых островов с множеством церквей и монастырей, густые заросли папируса, более 60 впадающих в озеро рек и 25 горячих источников в его окрестностях — таково легендарное озеро Тана, которое значилось на картах средневековых географов как «Дембийское море». До Брюса первыми из европейцев побывали здесь португальцы. Еще в 1613 году на берегах озера стоял Паэс, а несколько позже сюда добрался и Лобу.

Во время «сезона больших дождей» озеро затопляет прибрежные районы площадью 600 квадратных километров — они, по словам Брюса, «целиком засеваются пшеницей и являются житницей Абиссинии». Область Дембия у озера Тана называли в связи с этим также «императорскими закромами».

Плодороднейшие земли вулканического происхождения вокруг озера Тана — несомненно и сегодня солидный резерв сельского хозяйства Эфиопии. При искусственном орошении только здесь можно увеличить полезную сельскохозяйственную площадь более чем на миллион гектаров. Как ни странно, хотя сельское хозяйство представляет собой важнейшую отрасль хозяйства страны (в нем занято 90% населения), посевы зерновых, однако, почти не превышают ее внутренние потребности. Главный предмет экспорта — дикорастущий кофе. Но как для названных культур, так и для теффа (разновидность ржи *Eragrostis tef* — «повседневная пища простых людей»), ячменя, сорго, сахарного тростника и хлопка необходимо в значительной степени осваивать имеющиеся резервы.

Первооткрыватели озера Тана не могли еще видеть бурно растущий в наши дни город Бахр-Дар на южном его берегу. Но вот низвергающиеся с грохотом нильские водопады невдалеке от него наверняка так же очаровывали их, как очаровывают они сегодня восхищенных туристов. Амхара называли эти водопады Тис-Ысат, или «Дым без огня».

«Вода падает с большой высоты, и потому грохот стоит такой, что слышен далеко окрест»,— писал Лобу. Брюса «настолько оглушил чудовищный гул», что у него даже закружилась голова. Рассказывали, что «обитающие в этих местах племена туги на ухо...»

Ниже этого водопада высотой 45 метров и электростанции «Тис-Аббай» (конечной ступени каскада мощностью 11,5 мегаватт), над диким, мрачным ущельем

еще во времена правления императора Фасиледэса (1632—1667) португальцы перекинули мост, сегодня уже пришедший в негодность. Ущелье настолько узко, что во время пребывания здесь Лобу через него был перекинут деревянный мост без опор, по которому через Нил перешла вся армия императора; находились такие удалые, сильные и ловкие молодцы, что отваживались перепрыгнуть через реку, писал Лобу.

Позже португальцы поставили однопролетный мост, сохранившийся до наших дней. «То был первый мост, который абиссинцы увидели над Нилом». Случилось это более трехсот лет назад. Затем был сооружен «второй португальский мост», а третий мост — Шафартак, в 250 километрах ниже по течению реки — построили в 1960 году.

Дальше, вплоть до границы с Суданом, Голубой Нил становится пленником каньона, который он сам пробил в горной породе: река течет 900 километров по мрачной расселине глубиной до полутора километров, ниже подошвы горных систем Шоа и Годжам на территории Социалистической Эфиопии.

Не так давно было предпринято несколько отчаянных попыток пройти весь каньон на лодках, но путешествия часто приходилось прерывать раньше времени, не раз дело оканчивалось и гибелью смельчаков: на них нападали и разбойники (шифта), и кровожадные крокодилы.

Этот отрезок реки по-прежнему неприступен и опасен для человека; он находится во власти диких зверей — на причудливых скалах здесь можно видеть львов и обезьян, а в пенящихся котловинах живут крокодилы и бегемоты. Но если на озере Тана бегемоты водятся целыми стадами «и устраивают потравы на засеянных полях, нанося большой ущерб крестьянам», то гигантские рептилии туда не добрались, «... вероятно, потому, что эти самые вредные животные, вараны и крокодилы, избегают прозрачной воды и предпочитают мутную, тепловатую, где они чувствуют себя в большей безопасности, да в ней и легче подстеречь добычу»,— высказал предположение Даппер.

Подобно Голубому Нилу, его многочисленные притоки, а также река Атбара, спускающаяся с нагорья с северной стороны, пробили в вулканической скальной породе глубокие каньоны. Однако в сухой сезон (с января до начала июня) в их руслах — лишь раскаленный

песок, тогда как Голубой Нил весь год черпает жизненные силы из озера Тана.

Густые лесные заросли на низких берегах Голубого Нила и Атбары существуют в основном за счет грунтовых вод, благодаря им же акации и даже пальмы могут произрастать вплоть до степных и пустынных районов Судана. В сухой сезон о былой мощи потоков свидетельствуют лишь отдельные ямы, заполненные водой, расположенные вдоль песчаного русла пересыхающих рек. Невероятная сила паводковых вод образует в земле ямы глубиной до десяти метров! К этим водоемам приходят на водопой антилопы, газели, жирафы, львы и буйволы, бородавочники и целые орды мартышек, гелад и могучих павианов. В глубоких ложбинах дремлют крокодилы, которые не обращают никакого внимания на тысячи птиц, слетающихся к воде. Этот рай для животных отчасти находится под охраной национального парка (так, например, на реках Диндер и Рахад, на территории Демократической Республики Судан, создан крупный национальный парк Диндер, уже известный по многим фильмам о животных). Люди со стадами скота так же располагаются на отдых на песчаном дне реки, у небольших водоемов.

Однако где-то в середине июня с Эфиопского нагорья внезапно начинают низвергаться бурные потоки воды, настолько мощные, что поверить в это явление заставляют лишь многочисленные рассказы очевидцев. В. Мунцингер так описывал его: «... в горах раздается глухой гул; вот удар, потом еще, а потом ужасный, заполняющий все вокруг грохот... Выше по течению слышен шум, подобный шуму ветра в листве. Вот он делается громче, мощнее, раздается грохот, рев, гром, будто на вас налетают злые духи — и вот уже он приближается, высотой с крепостную стену, вспененный, захлестывающий все на своем пути. Это стал могучим потоком вздувшийся от дождя ручей, но, будто понимая, сколь недолог его век, он со всей необузданностью и страстью несется вниз по долине; под его напором оседают и кренятся гигантские фикусы-сикоморы, глубоко ушедшие в землю корнями, а травянистую равнину покрывает слой грязи и щебня; вода заполняет всю долину и подымается до скал... Несколько лет назад такой внезапный лесной поток обрушился на большой палаточный лагерь, стоявший в широком сухом русле реки, и увлек с собой бедуинов вместе с их палатками

и весь скот. Его жертвами оказались сто человек и тысячи коз».

В 1861 году внезапный паводок застал Сэмюэля Уайта Бейкера в пересохшем русле реки Атбара. Сначала он услышал отдаленные раскаты грома, затем непрерывный, глухой, все усиливающийся гул и грохот. Потом он услышал топот множества бегущих людей, «и несколькими минутами позже в мой лагерь ворвались арабы, кричавшие моим спутникам: „*Эль-бахр, эль-бахр*!" („Река, река!")... Было темно, все пришли в смятение, заговорили разом, и никто не слушал других. Река, подобно вору, явилась ночью. На рассвете 24 июня я стоял на берегу реки Атбары. Я наблюдал настоящее чудо в пустыне — вчера еще здесь была лишь полоса раскаленного песка, с кустами и деревьями по обеим ее сторонам на желтой поверхности пустыни... Но за ночь произошло таинственное превращение — по сухому руслу реки несся могучий поток. Не упало ни капли дождя, ни единое грозовое облачко не давало надежды на это, кругом было сухо и невыносимо жарко. Еще вчера царила беспросветная засуха и безнадежность, а сегодня через ужасную пустыню текла могучая река — шириной в 500 шагов и глубиной от 15 до 20 футов».

На Бейкера это событие произвело столь сильное впечатление, что он подумал: «... это внезапное сотворение реки дает повод предположить, что дождевые потоки, стекающие с гор в Абиссинии, и есть истоки Нила».

Эта грозная и вместе с тем благотворная лавина воды несет с собой взвесь известняковых и железистых частиц, плодородный почвенный слой и вулканическую пыль, причем этот плодородный ил вода несет до самых низовий Нила, до далекого моря.

Все эти описания, которые стали следствием основательных исследований, выходивших далеко за рамки познаний первых путешественников, появились в тот период, когда крупные, систематически проводившиеся экспедиции и в другие страны Африки помогали подготовить последующий колониальный захват континента. Многие исследователи и путешественники из стран Европы устремились в столь таинственную до тех пор Эфиопию. После Брюса на берегах озера Тана и реки Аббай (Голубого Нила) в 1833 году появился франкфуртский ученый Эдуард Рюппель. Он стал впоследствии первым иностранцем, которого Королевское Геогра-

фическое общество наградило большой золотой медалью за научные достижения. Вслед за Рюппелем здесь побывали миссионер Крапф в 1838 году, французы Лефевр и братья д'Аббади, итальянцы Сапето и Сталла и другие. Хёйглин оставил ценные сведения об области вокруг Гедарефа и Галлабата, которая, хотя номинально и была независимым государственным образованием, однако подвергалась опустошительным набегам со стороны как Эфиопии, так и Египта. По праву вызвали всеобщее внимание исследовательские трактаты швейцарца Мунцингера. Обладая солидными познаниями, он старался изображать историю как бы от лица африканцев. Многие из его работ, весьма далекие от сенсационных путевых заметок, представляют собой новый научный подход к «туземным» народам — так, например, в 1864 году Мунцингер писал: «Мы должны иметь сведения... о происхождении и об исторических судьбах какого-либо народа, поскольку это крайне необходимо, дабы понять его представление о праве».

Правда, тот же Мунцингер, став британским консулом, оказал неоценимую услугу английской армии при низложении негуса Теодроса II (Феодора II)[4], а в 1871 году, находясь на службе у египетских хедивов, он аннексировал пограничные с Египтом районы Северной Эфиопии.

Великобритания, преследуя собственные цели в Египте, особенно стремилась укрепиться в Эфиопии. Поскольку страна к началу XIX века распалась на полунезависимые области-княжества (Амхара, Тыграй, Шоа, Годжам и др.), англичане надеялись на легкую добычу. Однако один из могущественных феодалов рас (князь) Каса из Амхара изгнал племя скотоводов-галла, подчинил себе области Тыграй и Шоа и короновался в 1855 году в Гондэре, став императором, или «нгусэ нэгэст» — «царем царей», под именем Теодроса II. Обширная программа реформ должна была способствовать политическому и религиозному объединению страны, а суровая система управления областями и реорганизация армии — воспрепятствовать внутренним раздорам. Англичане и французы соперничали друг с другом, добиваясь благосклонности монарха. Но поскольку

[4] Феодор II (Теодрос II) (1818—1868) — император Эфиопии в 1855—1868 гг. (до провозглашения императором его звали Каса (Касса). Объединил Центральную и Северную Эфиопию; осуществлял централизацию государственного управления.— *Примеч. пер.*

англичане успели опередить всех в упрочении отношений с императором, Франция возложила свои надежды на князя Негусси из области Тыграй. Обе державы, сетовал Вернер Мунцингер, «погрязли в интригах, которые вредят обеим сторонам, поскольку император теперь изменил своему прежнему представлению о честности европейцев и не доверяет более ни тем, ни другим».

У негуса в самом деле было мало основания для доверия. Он однажды сказал французскому консулу: «Мне знакома тактика европейцев. Когда они желают овладеть какой-нибудь территорией за пределами своей страны, прежде всего они посылают туда своих миссионеров, потом консулов, чтобы те поддерживали все начинания миссионеров, а за ними батальоны и полки, чтобы защитить и тех, и других и оккупировать страну. Но я не глупец и не индийский раджа. Я не дам чужеземцам обвести себя вокруг пальца, как какого-то болвана, и не позволю им водить себя на помочах, подобно ребенку»,— свидетельствовал Й. Бехтингер.

В 1867 году Великобритания послала в Эфиопию армейские подразделения. Удобным предлогом для организации карательной военной экспедиции стало заключение под стражу английского консула Камерона и других европейцев; Бехтингер (такой же наблюдатель, как и находившийся там же «по поручению его величества прусского короля» некий Герхард Рольфс) отзывался об этой экспедиции следующим образом: «Даже среди военных, от военачальника до простого солдата, господствовало мнение, что после пленения Теодроса и освобождения европейцев надо будет каким-либо образом извлечь максимальную выгоду из пребывания войск в этой горной африканской стране».

Вооруженный отряд из 16 тысяч солдат, большей частью из Индии, под командованием генерала Нэрира прибывший на 669 судах, высадился в порту Зейла. Артиллерию удалось продвинуть до Магдалы. Когда в апреле 1868 года под натиском англичан пала крепость, расположенная на вершине так называемой «амбы» — плоской, столовой горы, император Эфиопии предпочел покончить с собой, нежели попасть в плен.

Впоследствии судьбы Эфиопии также зависели от европейских держав. После открытия Суэцкого канала Англия, Франция и Италия заняли стратегически важные прибрежные районы Эфиопии. Империалистическая

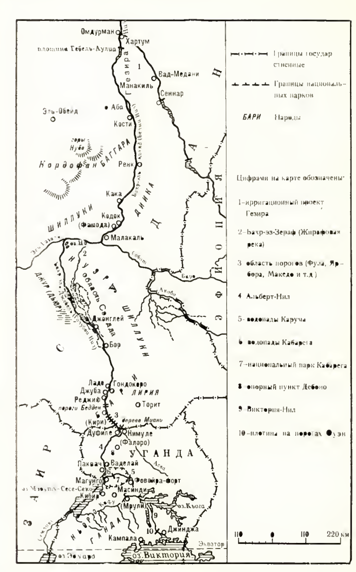
Италия вторглась затем в Эфиопию с целью захвата страны, и вплоть до освобождения страны в конце 1941 года ее жители оказывали сопротивление итальянским агрессорам. Но Эфиопия обрела свои нынешние границы лишь в 1962 году, когда Эритрея была включена в союз эфиопских областей-провинций в качестве четырнадцатой провинции.

Столица Эфиопии Аддис-Абеба, или «Новый цветок», которую заложил Менелик II в области Шоа, превратилась в настоящее время не только в современный экономический и административный центр страны — у этого города доброе имя в прогрессивных странах Африки, поскольку именно здесь расположены штаб-квартиры Экономической комиссии ООН для Африки (ЭКА, 1958) и Организации африканского единства (ОАЕ, 1963).

Архитектурные памятники, бывшие императорские резиденции в Аксуме и Гондэре хранят память о своем богатом прошлом. Во дворе собора святой Марии Сионской в Аксуме, в густой тени смоковницы сохранились развалины трона, на котором восседали судьи, *абунэ* (глава церкви) и сам император во время церемонии коронации. Над Гондэром и сегодня, как и двести лет назад, когда Джеймс Брюс отправился отсюда к озеру Тана и к верховью Голубого Нила, высятся мощные башни дворцового комплекса царя Фасиледэса.

Глава V

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ НИЛА

Нил от озера Виктория до слияния с Голубым Нилом у Хартума

Ввиду невероятной полноводности реки я отношусь к бассейну Белого Нила со все большим уважением — как к явлению, которому очень трудно найти объяснение.

Фердинанд Верне

Территория Демократической Республики Судан почти целиком расположена в бассейне Нила, который здесь на всем своем протяжении в 3425 километров по существу единственная животворная сила — как и в Египте. И если периодические паводки могучей артерии Египта полностью определяют положение дел в сельском хозяйстве этой страны, то и для целого ряда районов Судана воды Нила играют решающую роль, поскольку там уже имеются и отчасти строятся широко разветвленные оросительные системы. Рельеф Судана представляет собой в основном низменности и холмистые плоскогорья, расположенные на высоте 400—600 метров над уровнем моря, так что к югу местность постепенно повышается до 600 метров, как и местность в направлении с запада на восток, причем почти со всех сторон плоскогорья опоясаны хребтами. Коренные породы покрыты мощным слоем латерита, содержащего железо, благодаря чему у многих народов в верхнем течении Нила значительно развито кузнечное ремесло. Здесь Нил течет по плоской котловине, после того как прорывается через окраинный порог горного кряжа близ Джубы; именно эту грандиозную котловину (Сэдд) Нил вкупе со своими притоками Эль-Газаль и Собат каждый год заливает при паводке.

Однообразный рельеф местности лишь незначительно оживляют различные зоны растительности, определяемые разными климатическими условиями. Северную часть страны (29% ее площади) занимает практически полностью безводная пустыня. Она переходит от 18° с. ш. (город Бербер) до 10° (город Малакаль) в сахель, кустарниковую и травянистую саванну. Здесь дождливый период наблюдается лишь раз в году летом, причем количество дождей и их частота возрастают к югу. Если в Хартуме с июля по сентябрь бывает примерно 17 дождливых дней, при относительной влажности воздуха 50% (в августе) и ежегодном количестве осадков око-

ло 180 миллиметров, то в Малакале сезон дождей растягивается до шести месяцев, так что за год выпадает 800—1000 миллиметров осадков и влажность воздуха в августе увеличивается до 88%. В области Джуба, расположенной между 10° и 5° с. ш., сезон дождей длится 8—9 месяцев, благодаря чему появляется разнообразная растительность влажной саванны с высокотравьем, редколесьем, а в некоторых местах даже тропический галерейный лес. В экваториальной области Восточного Судана, южнее 5° с. ш., имеют место уже два летних сезона дождей, которые наступают после того, как солнце достигает максимального положения в зените. Но здесь даже зимой, в декабре, январе и феврале, дожди никогда не прекращаются.

Земледелие процветает преимущественно в поясе влажных саванн, тогда как в полузасушливых саваннах предпочтение отдается скотоводству. Однако здесь тоже выращивают зерновые и хлопчатник.

Но центр развитого сельского хозяйства, как и экономической жизни в целом, находится в Гезире — междуречье Белого и Голубого Нила, то есть, вообще говоря, за пределами природных областей, где благоденствует растительность. Плодородные наносные почвы толщиной до 12 метров (!), занесенные слоем песка еще около пяти тысяч лет назад,— такова Гезира, представляющая собой на первый взгляд пустыню. Эти места не менее прокалены солнцем, чем столица страны, находящаяся в северной части Гезиры. Однако помимо чудесного преображения местности, происходящего в короткий сезон дождей, когда наутро иссохшая земля уже оказывается покрыта зеленым ковром, это чудо поддерживается весь год энергичными усилиями людей. Для постоянного орошения земель, которые можно использовать для сельского хозяйства, на площади в 745 тысяч гектаров уже проложены тысячи километров ирригационных сооружений в Гезире, а также канал Манагиль.

«Билад-эс-Судан», или «страна черных»,— область южнее Сахары, здесь, в Республике Судан, отличается большим числом всевозможных этнических наслоений. Постоянные передвижения народов по необъятным просторам этой страны, длившаяся многие столетия торговля рабами, изменение форм существования, распад древних царств и династий, вызванный вторжением арабов и европейцев и сопровождавшийся внутренними междо-

усобицами,— все это привело к появлению населения с сильно разнящимися лингвистическими признаками и разнообразными религиозными и культурными традициями.

Вместе с тем произвольно проведенные границы между соседними странами разделяют здесь такие народы, как нубийцы на севере страны, азанде на юго-западе и лотуко на юге. Северную, бо́льшую часть страны, примерно до линии Сеннар — Эль-Обейд населяют народы, которые приняли ислам и отчасти говорят по-арабски. Однако прочие сохранили все же и свой древний язык— как, например, нубийцы или кочевники-беджа — бишарин, хадендоа, бени амер и другие, принадлежащие к кушитской языковой подгруппе, хотя в культурном отношении они и тяготеют к северу. В области верхнего Нила и на болотистых пространствах Бахр-эль-Газаль живут нилоты; это рослые, стройные африканцы, с кожей иссине-черного цвета, отличающиеся своим языком и особыми верованиями; они пришли сюда, вероятно, более 500 лет назад из Западной Эфиопии. Часть нилотов была обращена в христианство в результате деятельности миссионеров. Основные их этнические группы — шиллук, динка, нуэр и бари.

Страсти вокруг одного дерева

Не случайно многие из легендарных государственных формаций древней Африки возникли здесь, в долине Нила. После блистательных древних царств Куш, Мероэ и Напата здесь появились христианские царства Мукурра и Алоа (Алодия), которые впоследствии были завоеваны арабами и подверглись исламизации. К началу XIX века в Восточном Судане существовали два могущественных султаната: на востоке — возникшее еще в XV веке царство династии Фунг со столицей в Сеннаре и на западе — султанат в Дарфуре, добившийся независимости в 1603 году и подчинивший себе прежде независимый султанат Кордофан.

В царство Сеннар входила некоторое время вся долина Нила от Египта до земли шиллуков и часть Кордофана. Здесь были высоко развиты земледелие и скотоводство. Процветала торговля, и с соседними государствами происходил оживленный культурный обмен. Султанат Дарфур, напротив, самоизолировался от про-

никновения чужеземцев. Лишь в 1793 году английскому археологу Уильяму Джорджу Брауну удалось проехать по Дарб-эль-Арбаин, древнему караванному пути и тропе работорговцев, которые вели от берегов Нила через Дарфур в Мали — правда, Браун добрался от Асьюта на Ниле лишь до Эль-Фашера. Вторым европейцем, побывавшим в Дарфуре, был немецкий исследователь Рюппель, попавший туда в 1824 году, и лишь через пятьдесят лет сюда добрался крупный исследователь Африки Густав Нахтигаль.

В ту пору могущественный работорговец Зибер нанес сокрушительное поражение армии дарфурского султана Брахима и завоевал это государство для египетского хедива. Теперь с Дарфуром произошло то же, что и с Сеннаром и Кордофаном в двадцатых годах XIX века. Мелик Макдум-эль-Музаллем, управлявший из Эль-Обейда страной Кордофан от имени дарфурского султана Мухаммеда ибн Фателя, в 1820 году потерпел поражение в битве с турками у города Бара и был убит. Албанец Мухаммед Али, прибывший в Египет в 1800 году в качестве лейтенанта турецкой армии и проявивший себя в боях с экспедиционным корпусом Наполеона, стал в 1805 году пашой и наместником турецкого султана. В 1811 году он жестоко расправился с беями-мамлюками, которые прежде были истинными властителями Египта; после этой кровавой резни, которая произошла во время трапезы в каирской цитадели, Мухаммед Али стал единоличным правителем страны. Мухаммед Али, незаурядный государственный деятель и прекрасный организатор, незамедлительно предпринял завоевание Нубии и Судана, без которых, как он понимал, он не мог достичь независимости от Османской Порты. Подобно фараонам он осознавал все значение земель в верхнем течении реки Нил.

Велик риск отправляться через безжизненные пустыни в дальнее путешествие, однако главный стимул к тому имелся — стремление заполучить как можно больше золота и рабов, хотя во всеуслышанье провозглашалось намерение «содействовать ускорению развития цивилизации и торговли». Рюппель высказывал на этот счет такое суждение: «Его первейшая цель — отправить подальше часть военных, турок, среди которых началось брожение, и получить как можно больше черных рабов, из них он собирался создать регулярную армию. По ходу дела стихийно возникли и такие намерения:

изгнать оставшихся мамлюков, утративших теперь свое влияние, найти предполагавшиеся в этой области Африки богатые золотые прииски и, наконец, возможно, обеспечить для себя прибежище на случай, если отношения с константинопольской Высокой Портой слишком обострятся».

Предлогом для завоевательного похода Мухаммеду Али послужило изгнание из Сеннара царской династии Велледа Атлана, чьи права на наследование престола он якобы желал защитить.

Войска под командованием его сына Исмаила-паши продвинулись вверх по течению Нила, и с 1819 по 1838 год под натиском египетских войск одна за другой сдались области Донгола, Бербер, Кассала, Сеннар и Кордофан. В соответствии с фирманом (указом) Высокой Порты в 1841 году управление этими административными единицами, получившими название «Египетский Судан», было передано вице-королю Египта. В новые мудирии (провинции) были введены новые гарнизоны и назначены главнокомандующие. Однако города, из которого можно было бы осуществлять общее управление страной, не было, поэтому еще в 1822 году на полуострове, расположенном между рукавами Нила и имеющем форму хобота слона, был основан город Хартум (по-арабски это слово и означает «хобот слона»).

Военная администрация в завоеванных областях жестоко подавляла всякое сопротивление, несмотря на неприхотливость местного населения, оно с трудом несло на себе бремя новых налогов. Так в долине Нила насильно были введены новые водяные колеса (шадуфы), тут же обложенные дополнительным налогом, причем помимо денег требовалось уплачивать налог зерном, маслом, овцами, табаком, хлопком, бурдюками и т. д.

«Даже и национальная промышленность, хоть и была незначительна, претерпела трудности, поскольку хлопкопрядильные мастерские были обложены налогом, почти равным половине их дохода.

Местные жители дошли до полного обнищания из-за произвольно установленных налогов... Турецкое правительство в Кордофане не только объявило торговлю страусовыми перьями прерогативой правительства, но и предписало отдельным племенам сдавать ежегодно совершенно невообразимое количество этих перьев»,— писал Рюппель.

Завоевание Судана турецко-египетскими правителя-

ми начало новую главу в истории страны — главу, полную страданий. В поисках новых источников поступлений в казну, а также предполагаемых богатств, сокрытых якобы где-то близ истоков Нила (последние были важны и в политическом отношении), Мухаммед Али обратил свое внимание именно на верховья Нила.

Двое призванных им на службу австрийцев — горный инженер Йозеф фон Русеггер и ботаник Теодор Кочи — совершили путешествия по едва известным тогда землям этой новой сферы влияния Египта; тем не менее они смогли собрать ценный научный материал. Однако ни они, ни Рюппель, первым из европейцев побывавший в Кордофане, не получили точных сведений об истоках Белого Нила. Рюппель замечал в этой связи: «Мне, правда, говорили, что они находятся на расстоянии трех, четырех, даже пяти месяцев пути, но все это, конечно, лишь досужие вымыслы. Ни один негр из Кордофана, ни один араб, никто из *геллаби* (или джелябов * — торговцев) или *такрури* (паломников) не был ни разу поблизости от истоков Баххера Аббьяда».

Восемь лет спустя англичанин Дж. А. Хоскинс писал во время своего путешествия: «Касательно Бахр-эль-Абьяда, или Белой реки, можно сказать, что будет исключительно трудно, если не невозможно, двигаться вверх по его течению; все попытки найти его истоки сейчас будут тщетны. На берегах реки правитель Кордофана ведет „газву", охоту за рабами; в этой местности едва ли найдется семья, которая не потеряла кого-то из близких: отцы — сыновей, мужья — жен, братья — сестер, а дети — своих родителей, и все они с радостью отомстили бы за эти утраты первому попавшемуся человеку со светлой кожей, если он неосторожно отважился бы ступить на их территорию. По-моему, истоки Нила можно найти лишь при поддержке вооруженной армии, но такой способ тоже сопряжен с большими трудностями.

Турецкие правители нередко захватывают во время своих походов в Абиссинию или же в арабские страны огромное количество золота: больше двух, а то и трех тысяч унций [1]. До завоевания страны отрядами египетского паши каждая крестьянская девушка носила на себе много золотых украшений. Говорят, что жители стран южнее Сеннара все еще обладают значительными запасами золота и торгуют им на базарах».

[1] 1 унция = 28,35 грамма.— *Примеч. авт.*

Чтобы получить окончательный ответ на все эти важные и еще не решенные вопросы об истоках Нила, Мухаммед Али снарядил новую экспедицию. Это была первая за почти две тысячи лет попытка продвинуться вверх по течению Белого Нила, о котором до французского инженера Линана де Бельфона (ему еще в 1827 году удалось достигнуть 13,5° с. ш.) в Европе не было известно практически ничего — кроме самого факта, что эта река существует. Первая нильская экспедиция под началом турецкого флотского офицера Селима-Бимбаши в январе 1840 года достигла 6°35′ с. ш. в стране хелиаб (динка).

Всего экспедиция продолжалась с 16 ноября 1839 до 18 апреля 1840 года. Однако результаты ее не удовлетворили властей, поэтому в том же году была предпринята вторая экспедиция — с 23 ноября 1840 по 18 апреля 1841 года,— благодаря которой Мухаммед Али, по словам Верне, «надеялся заполучить настоящее „золотое руно“, поскольку он, подобно Нерону, который также приказал некогда отыскать истоки Нила, рассчитывал, что его имя приобретет известность и в научных кругах».

Вторая нильская экспедиция отправилась из Хартума 23 ноября 1840 года: десять нильских барок с десятью пушками на борту, 250 солдатами да 120 матросами и шкиперами — под началом все того же капитана Селима-Бимбаши, которому еще были приданы два французских инженера д'Арно и Сабатье, а также картограф Тибо — для ведения обмеров местности.

Впрочем, обращение с жителями селений, расположенных по берегам реки, было самое бесцеремонное, о чем свидетельствуют следующие строки: «Предыдущая экспедиция дурно обошлась с жителями деревни. Они подарили экспедиции четырех быков, а Тибо получил еще и овцу, но он посчитал ее отравленной, потому что она показалась ему вздутой. Это послужило поводом для того, чтобы высадить на берег отряд, окружить деревню и самым постыдным образом застрелить и шейха (деревенского старосту), и многих других, пытавшихся скрыться в ближнем болоте»,— писал Верне.

Были приложены все усилия, чтобы составить карту речного русла. Но вскоре, однако, все пришли к убеждению, что из-за множества островов и ответвлений русла при движении лишь вверх по реке это невозможно. Селим желал лишь, чтобы французы, беспрерывно

ссорившиеся из-за расчетов, сошлись бы по крайней мере на чем-то одном, «поскольку вице-король скорее поверит расчетам одного из французских ученых, нежели турку, который даже не видел Франкестан (французскую землю)». Но в области Сэдда картографы потерпели полнейшую неудачу. Верне высказывал такие сомнения по этому поводу: «Как вспомню бессчетные рукава необозримой реки, все эти вечно дующие, переменчивые ветры, так начинаю опасаться, что и нам не удастся добраться до истоков Нила».

Однако дальше, когда очертания берегов стали более определенными и вдали показались горы, он вновь укрепился в мысли, что возможно проникнуть к истокам, двигаясь на юго-запад. В его записках содержится один из первых планов пересечения пространства от Нила к океану: «И все же не могу побороть мысль, что возможно не только открыть истоки великой реки, но и преодолеть лежащие к югу от них горы, о которых говорят все эти народы, а затем продвинуться к океану на западе по бассейну какой-либо другой реки».

Но конечный путь второй экспедиции Мухаммеда Али был в стране народа бари, у так называемого острова Чанкер (4° с. ш.). Непреодолимым препятствием оказалось совсем не то, чего больше всего опасались путешественники — затеряться в страшной водной пустыне болот Сэдда; непреодолимы были пороги в узком ложе Нила, прорезавшем скалы. Экспедиция дошла до чрезвычайно ответственного этапа — порогов близ Нимуле. Здесь, бешено мчащаяся вода скалистого уступа, который у арабов получил название «барьер», скрывала ключ к тайне истоков Нила. Лишь тот, кто осмелился бы пройти сквозь это игольное ушко, мог надеяться на успех, на саму возможность двигаться дальше вверх по течению реки, по естественному руслу Нила. Лишь спустя 19 лет итальянский исследователь Джованни Миани отважился на это. А вот вторая нильская экспедиция вице-короля Мухаммеда Али, за которой последовала еще и третья (с 26 сентября 1841 по 1 февраля 1842 года), завершилась именно здесь. От Лаконо, правителя бари, Верне узнал, что надо идти целый месяц в южном направлении, чтобы добраться до места, где Тубири (Бахр-эль-Абьяд) разделяется на четыре рукава и где его окружают высокие горы.

«Как мне показалось, он не понял моего вопроса, есть ли на тех горах снег. Правда, он не ответил и

отрицательно. Раздумывая сейчас над этим, я полагаю, что вряд ли он и его переводчик знали слово, обозначающее „снег“,— ведь во всем Судане хорошо известно арабское слово „телки“, то есть „снег“, но самого снега никогда здесь не видели».

Все эти путешествия приносили вести о том, что области в верхнем течении Нила очень богаты слоновой костью, и вот правительство в Хартуме решило монополизировать торговлю ею, чтобы получить максимальную прибыль. В страну бари вверх по течению Нила отправились барки европейцев и египтян. Основывались укрепленные поселения, так называемые зерибы *, и оттуда уже предпринимались торговые экспедиции в близлежащие районы. Брён-Ролле, сардинский купец, живший в Хартуме, в 1845 году основал зерибу в стране народа бари, и его примеру последовали многие. В 1846 году папа Григорий XVI повелел основать в Хартуме, по инициативе Брён-Ролле и Фердинанда Лафарга, католическую миссионерскую школу. Увлекаемые торговыми начинаниями, миссионеры добирались теперь вместе с купцами в верховья реки, они заложили миссии в Улибери, в 1849 году — в Гондокоро, а в 1856 году была построена вторая миссионерская станция Святого креста — и все это в стране бари. Путешествуя в окрестностях своих миссий, миссионеры Кноблехер, Кирхнер, Морланг, Бельтраме и другие собрали ценный этнографический и географический материал.

Правда, их миссионерская деятельность не увенчалась успехом: губительный для европейцев климат быстро свел в могилу большинство миссионеров, африканцы же отнеслись к совершенно ненужной, чуждой им религии с полным непониманием — тем более что многие торговцы слоновой костью своими неблаговидными поступками изо дня в день подрывали основы христианского учения. Из 60 доминиканских монахов, которые в 1861 году прибыли в католическую миссию Хеллет-Кака из Австрии, 14 человек умерло вскоре после приезда, а остальные уехали оттуда в Хартум.

В самой дальней миссионерской станции Святого креста упорно держались миссионер Франц Морланг, имя которого в те годы было довольно хорошо известно, и двое мирян. Станцию Санта-Мария в Гондокоро, месте, которое прославилось на весь мир благодаря путешествию Спика, пришлось закрыть в 1868 году после того, как там умерла бóльшая часть миссионеров — но

Морланга вынудили так поступить конкретные малоприятные события.

Вильгельм фон Гарнье (ему удалось дойти до порогов выше Гондокоро, но в ноябре 1861 года он был растоптан разъяренным раненым африканским буйволом) писал в начале 1861 года о плачевном состоянии, в котором миссионерская станция находилась уже тогда: «Обстановка на станции весьма мрачна. Когда Морлангу весной 1860 года понадобилось уехать отсюда, он поручил охранять станцию одному из знакомых африканских вождей, которому разрешил в ней жить; но едва только он уехал, как несколько хартумских купцов плетьми выгнали этого негра из помещения станции и устроили там склад зерна; они заделали наглухо окна, унесли прочь двери, разграбили часовню и выкопали и унесли из сада лучшие деревья. Вот и стало здесь пусто и тоскливо, так что один лишь вид этой станции укрепил Морланга в намерении оставить миссию в Гондокоро, тем более что из-за поселившихся там торговцев условия жизни там также полностью переменились».

Хейглин спустя два года заметил: «Будем надеяться, что из гуманных соображений здесь наконец вовсе откажутся от попыток заниматься миссионерской деятельностью, для которой тут отсутствует благотворная почва. Ведь скольких средств и человеческих жизней стоило создание этой станции — и каковы успехи за 15 лет ее существования?!»

Еще через несколько лет лишь могилы миссионеров говорили об их самоотверженной, но бесполезной деятельности. Эрнст Марно писал в 1875 году: «Дальше шли могилы умерших здесь миссионеров и участников экспедиций сэра Сэмюэля Бейкера и полковника Гордона, который тоже скончался на этой станции. Помимо печальных воспоминаний, от просуществовавшей здесь долгое время католической миссии вообще не осталось следов, а влияние, оказанное на негров бари, столь незначительно, что говорить о нем не имеет смысла. Если кое-кто из местных жителей и вспоминает Кноблехэра, которого здесь звали Абуна Солиман, то лишь в связи с тем, что он щедро оделял всех табаком, бисером, просом и т. п. Из благодарности к нему и еще потому, что в целом это было удачной торговой сделкой, некоторые негры отдавали себя в лоно церкви, дающей, как им внушали, вечное блаженство,— и оставались в ней столько, сколько им это было нужно».

Попытки миссионеров обратить местное население в христианство из-за внешних обстоятельств (зверств торговцев слоновой костью, угонов в рабство, грабежей) долгое время терпели фиаско.

Когда венецианец Миани во время своего третьего путешествия прибыл в 1860 году в Гондокоро, этот поселок был центром торговли слоновой костью и за ним кончались географические познания европейцев. Ничего не меняли и отдельные смелые попытки мужественных одиночек, путешественников и торговцев, продвинуться как можно дальше на юг — мальтийскому работорговцу Андреа Дебоно удалось даже дойти до порогов близ Македо. Миани также добрался до этого скалистого кряжа. Дальше он, первым из европейцев отправившись на юг, открыл второй крупный приток Нила — Асву (Асуа) и вновь подошел к Нилу около порогов Мери. Но спутники его внезапно взбунтовались, и это положило конец всему смелому предприятию, а не то, возможно, Миани сумел бы опередить Бейкера, открывшего озеро Альберт. 28 марта 1860 года Миани вырезал свои инициалы на коре одного дерева — в доказательство того, что он побывал в самой южной точке, куда еще не добирались другие путешественники. А когда в 1865 году Бейкер, возвращаясь от озера Альберт, оказался в этих местах и увидел это дерево, его переводчик Логго (по случайному совпадению он же был переводчиком и у Миани) признался ему, что спутники Миани заставили его тогда сказать путешественнику, что воины народа мади якобы собираются напасть на отряд Миани — только этот довод и помог им повернуть назад!

И вот вокруг этого дерева в последующие годы разгорелись страсти в среде географов. Дело в том, что Миани утверждал, будто оно находится от экватора в 2° с. ш. Когда Спик и Грант возвращались из своего знаменательного путешествия 1863 года на юг, «турки» обратили их внимание на это дерево: «...и я тут же направился к нему, чтобы своими глазами увидеть дерево, которое когда-то было помечено надрезами, сделанными одним англичанином (так у автора.— *В. Б.*). На коре его действительно были некие знаки, что-то похожее на буквы „М“ и „И“, но все же недостаточно четкие, чтобы утверждать это с полной уверенностью, поскольку надрезы коры уже затянулись»,— писал Спик.

Спик, проделав необходимые измерения, определил

координаты этого дерева — 3°34′ с. ш. Это породило впоследствии определенные серьезные разногласия и со всем пылом дебатировалось в географических обществах. 22 июня 1863 года в Лондоне Стэнфорд напечатал знаменитую карту истоков Нила, составленную Спиком. Согласно ей, Нил у Гондокоро — та же самая река, которая вытекает из Ньянзы (озера Виктория), хотя довольно значительный кусок между этими пунктами еще не исследован.

Миани на это заявил протест, потому что, по его мнению, река, вытекающая из озера Виктория,— это Еи (Йейи), которую миссионер Морланг пересек к западу от Гондокоро, и она впадает в Эль-Газаль, тогда как река близ Гондокоро (то есть Нил) течет от высоких гор Килиманджаро или Кения, и пороги Мери — это не что иное, как водопады Карума, которые видел Спик.

В своей книге «Сравнение открытий, сделанных в области экваториального Нила путешественниками Миани в 1858—1860 годах и Спиком и Грантом в 1860—1862 годах», напечатанной в 1864 году в Триесте, Миани описал свое путешествие и попытался связать со своими данными маршрут Спика. В 1864 году журнал «Географические сообщения Петермана» по этому поводу писал следующее: «Поскольку он твердо убежден в собственной правоте, он переносит на запад и озеро Виктория и сток из него, который он считает рекой Йейи,— все это с той лишь целью, чтобы иметь место для своего „истинного" Нила, и англичанам по его милости приходится переправляться через Нил на широте 4°, чтобы им вообще попасть в Гондокоро. Притом он не только наносит на карту этот вымысел, без которого его утверждение попросту неверно, но и без тени смущения сообщает о том же в своем докладе, прочитанном 27 апреля 1864 года в Триесте — как если бы переправа через Нил в самом деле имела место. С достойной зависти самоуверенностью он отвергает, как неверные, все карты Спика, которые не соответствуют его воззрениям».

Помимо того Миани твердо верил, что у истоков Нила будет обнаружена легендарная, золотоносная страна Офир — поскольку у химиков якобы существует мнение, что в районе экватора из-за сильной жары должно образовываться золото... Однако если не обращать внимания на неверные обозначения широт, его карта была настолько похожа на карту Спика, что могла бы

практически послужить доказательством ее верности, хотя Миани как раз предостерегал всех не слишком-то доверять утверждениям Спика.

Однако еще в самый разгар этого спора новые исследования подтвердили координаты дерева, определенные Спиком. 26 мая 1864 года Хёйглин в одном из писем из Хартума писал:

«Маршрут солдат Хуршида Аги (из отряда, который сопровождал Бейкера до Буньоро.— *К.-Х. Б.*) также подтверждает мнение Спика, а не утверждения Миани».

Миани отправил письмо сэру Родерику Мёрчисону, президенту Королевского Географического общества, в котором он остановился на этих различиях между расчетами местоположения, сделанными им и Спиком. Одновременно он сообщал, что хлопочет о новой научной экспедиции под патронажем австрийского императора и что в ней примут участие два офицера Военно-географического института, дабы внести поправки во все его вычисления. Одновременно он собирался отправиться на поиски экспедиции Бейкера, от которого давно не было никаких известий.

Планы эти, однако, не удалось осуществить; в том же году открытие Бейкером озера Альберта, внесло полную ясность в спор. А в ноябре 1872 года, измученный невзгодами своих многочисленных путешествий, Миани в возрасте 62 лет умер, с трудом добравшись до деревни народа мангбету.

Многие пути оканчиваются в Сэдде

Все путешествия вверх по течению Нила начинались у ставшего уже тогда известным мыса Мокрен в Хартуме, где сливались воды обоих рукавов Нила и который назывался еще «Рас-эль-Хартум», или «Кончик слоновьего хобота». На месте бедной рыбацкой деревушки встали уже добротные дома для офицеров, писцов, купцов, поставщиков провианта, было построено несколько складов и базар, на котором продавали свои товары местные крестьяне. Хартум стал резиденцией *хукумдара* (египетского генерал-губернатора), имевшего власть над пятью провинциями Судана; благодаря своему прекрасному местоположению Хартум в скором времени стал торговым центром Северо-Восточной Африки. В 1862 году, по мнению Хёйглина, в Хартуме на-

считывалось 45 тысяч жителей. Он так описывал этот город, который был исходным пунктом его исследовательских путешествий в земли, расположенные в верхнем течении Нила: «Большинство жилищ в столице сооружены — подобно жилищам египетских крестьян — из необожженного кирпича; зачастую это одноэтажное строение с плоской деревянной крышей, покрытой слоем земли толщиной 2—3 фута, причем земля так утрамбована, чтобы как можно меньше пропускать воду; обычно жилище окружено глинобитной стеной, внутри которой находится небольшой двор. Привычные в сельской местности сооружения из соломы с высокими коническими крышами — тукули — здесь строить не разрешается из-за боязни пожаров; впрочем, не строят их больше и во всех других крупных суданских городах. Такие хижины, однако, лучше всего защищают от дождя и от жары.

В Хартуме всего несколько площадей, улицы же все узкие и кривые, нередко весьма неровные, на них полно нечистот и пыли. Юго-западный и восточный пригороды состоят лишь из маленьких, тесно прижавшихся друг к другу хижин; кое-где видны веерные и финиковые пальмы, тенистые сикоморы и тамаринды, еще произрастают здесь лабах, акации, гранаты, бананы, кестех (анона), виноград, лаузония, зизифус, паркинсония; занимаются здесь и овощеводством. К западу, вдоль Голубого Нила, до самого мыса Мокрен простираются большие и более густые пальмовые плантации; в низинах, заливаемых паводковыми водами, выращивают хлопчатник, кукурузу, сорго, бобовые, кайенский перец, арбузы и пшеницу. В засушливое время года поля и сады орошают с помощью многочисленных водоподъемных колес.

Гавани здесь нет. Многочисленные парусные барки, и государственные, и частные, пришвартовываются прямо к высокому берегу реки, под хартумскими домами; Нил здесь судоходен и даже при минимальном уровне воды имеет в ширину около восьмисот шагов. Суда здесь полностью защищены от южных ветров, да и норд для них не страшен, лишь северо-восточные ветры, которые к началу *харифа* * (дождливого сезона) порой поднимают шторм на реке, причиняют им ущерб, ломают эти челны, тесно прижатые друг к другу, зачастую плохо привязанные к берегу и нагруженные до краев.

Довольно-таки импозантно смотрится белое здание *хукумдарийе* (резиденции наместника египетского паши) со своими высокими стенами и окнами, а вот единственная на весь город мечеть не представляет интереса: минарет ее прост, сложен из обожженного кирпича и невысок, хотя и виден издалека. Стоит упомянуть еще базар с крытыми переходами, строения католической миссии с прекрасным садом, окруженным высокой каменной стеной, некоторые дома турок и европейцев и многие жилища местных торговцев, наконец, правительственные склады, казармы и больницу. Гостиниц здесь нет, но зато есть множество турецких кофеен. На рынках обычный набор товаров: в любой день там нет недостатка в свежем мясе, масле, молоке, зерне, древесине, кофе, рисе, табаке. Колониальные товары можно купить в лавках греческих купцов, однако их главный товар — водка. Базар — это перевалочный пункт практически любых товаров, удовлетворяющих потребности людей Востока. Здесь целые ряды лавок египетских сапожников и портных, а также купцов, предлагающих ткани на любой вкус — из Индии, Туниса, Константинополя, из разных районов Малой Азии, Европы и Америки. Тут же открыты заведения брадобреев и бани. Но базар отнюдь не является местом совершения сделок важных купцов: торговцы не выкладывают товар открыто и совершают сделки дома. Помимо местных купцов есть и такие, которые промышляют посреднической торговлей с Египтом, а еще есть джелябы; они ездят от селения к селению и часто торгуют на собственный страх и риск или же предлагают товар по поручению крупных торговых домов. Последние — по преимуществу посредники в торговле рабами.

Население Хартума — прямо-таки набор всех национальностей: здесь встретишь помимо суданцев (то есть арабов, шайкие́) и берберов в их простых, но зачастую весьма живописных одеяниях, и египтян, и коптов, и греков, и мальтийцев и негров с Бахр-эль-Абьяда, с верхнего течения Голубого Нила, с Нубийских гор и из Дарфура, и абиссинцев, и галла; курдов, турок, персов, уроженцев Магриба и арнаутов *, христиан из Сирии и Армении, алжирских евреев, египетских цыган и т. д.

Постоянно в Хартуме проживает мало европейцев: это католические и протестантские миссионеры, несколько купцов, рабочих и разных спекулянтов, которые живут друг подле друга отнюдь не в дружеском согласии».

Число водоподъемных колес, упомянутых Хёйглином, увеличивалось по мере того, как рос город. До завоевания Судана Египтом здесь был известен лишь шадуф, применявшийся в Египте для орошения полей еще во времена фараонов. Но теперь все чаще находили применение оросительные машины, приводившиеся в действие быками, и они отличались бо́льшей эффективностью. Несколькими годами позже В. В. Юнкер «через каждые сто шагов» натыкался на сакийе *, деревянные колеса которой постоянно «издают звуки, напоминающие издали то жалобный плач, то бурную перепалку двух заядлых спорщиков».

Хартум уже через десять лет был сровнен с землей. Однако столица Судана оказалась в развалинах не в результате пожара и не из-за того, что его завоевал Махди. Абдаллах, преемник Махди, воздвиг свою резиденцию в городе Омдурмане, лежащем на противоположном берегу реки, и в 1886 году приказал разрушить Хартум. Но после повторного завоевания Судана англичанами Хартум был восстановлен по плану Г. Г. Китченера [2] в стиле британского колониального города. Сеть широких улиц соответствовала требованиям нового времени — более гигиенично, удобнее для транспорта, проще контролировать улицы с помощью пулеметов!..

Путешествуя вверх по течению Нила, и сегодня ощущаешь разнообразие этой страны. Южнее Кости — пышная растительность и богатый животный мир. Баггара, говорящие на арабском языке, уступают место нилотским народам, земли которых начинаются южнее Ренка; северным динка, а на западном берегу реки — шиллукам. В 160 километрах выше по течению от Ренка несколько хижин образуют небольшое селение у реки, которое вызывает у шиллуков в памяти воспоминания о великой традиции, но одновременно и о бедствиях прошедших времен. Кака (раньше это место называлось Хеллет-Кака) было некогда резиденцией шиллукских вождей, а впоследствии здесь жил знаменитый главарь разбойников Мухаммед Шер, печально известный по всему Белому Нилу.

---

[2] Китченер Гораций Герберт (1850—1916) — британский фельдмаршал, главнокомандующий англо-египетскими войсками при подавлении национально-освободительного движения в Судане в 1896—1898 годах (именно это имеется в виду под «повторным завоеванием Судана»).— *Примеч. ред.*

Мухаммед Шер, уроженец области Бербер на Ниле, некогда посетил по торговым делам район реки Эль-Газаль и сумел добиться благосклонности и доверия работорговцев. Став посредником в торговле рабами, он превратился вскоре в неограниченного властителя, «султана» всей названной местности. Имея оружие, а также постоянный приток сил в свои отряды в виде дезертиров с судов и всевозможных головорезов, он мог — с помощью баггара — устраивать охоту за рабами с большим размахом. Он сговаривался даже и с европейцами, которые предоставляли ему за соответствующую плату свои суда со всем необходимым оборудованием. Свою резиденцию Кака он обнес частоколом, и «давал уроки хартумским властям, создавая укрепления, настоящие замки, господствовавшие над местностью, наводя ужас на местных жителей и подчиняя их себе»,— писал Швейнфурт.

Кака стала тем временем важным перевалочным пунктом работорговли на Белом Ниле, ее «гарнизон» завоевал земли шиллуков, тысячи их были превращены в рабов, убиты в сражениях.

Египетское правительство не обращало внимания на злодеяния Мухаммеда Шера, поскольку совершались они на территории негритянских племен, то есть за пределами областей, где жили подданные их наместника в Судане. Помимо того, рабы были нужны для военной службы, а некоторые высокопоставленные лица из числа «турок» сами были причастны к их «приобретению». Желая избавиться от опустошительных набегов этого бандита, местные жители-шиллуки направили к губернатору посольство с просьбой защитить их от притеснений и выразили желание подчиниться центральной власти в Хартуме. Начальником над шиллуками был поставлен нубийский купец и работорговец Воад Ибрагим. Когда в 1862 году в Судан был назначен новый генерал-губернатор, Мухаммед Шер поспешил предложить ему свои услуги и одновременно обратился с просьбой назначить его великим шейхом народа динка, пообещав в знак благодарности ежегодно отдавать определенное количество скота. «Назначенный египетским правительством шейхом динка, он был обязан ежегодно поставлять хартумскому генерал-губернатору двести кошельков деньгами (по 25 талеров в каждом) и несколько тысяч быков в год»,— подтверждает эти сведения Хейглин, который в 1863 году посетил «резиден-

цию Его величества султана Мухаммеда Шера, жалкое селение из 150 тукулей».

В последующие годы правитель шиллуков — *ретх* *— царствовал в Данабе (арабы называли это место Фашода). В отличие от нуэров и динка шиллуки выделялись четкой полувоенной организованностью, что давало им превосходство над окружавшими их этническими группами. Зачатки классового государства воплощала в себе иерархическая система; на вершине ее находился облеченный всей полнотой власти правитель, которому поклонялись как божеству. Все путешественники, кому удавалось добраться вверх по Нилу в страну шиллуков, подтверждают наличие четкой общественной организации и высокий авторитет правителя.

Бельгиец Прюйсенер в 1859 году сообщал о шиллуках: «Заметно выделяясь среди прочих численностью, размерами территории и военной выучкой, этот народ — единственный, который создал самостоятельное государство, обладающее определенными границами, верховным правителем с наследуемой властью, конкретными формами правления, законами, соблюдаемыми весьма скрупулезно, и упорядоченными налогами».

О тогдашнем царе по имени Мивдо́к он писал: «Старец проживает в Данабе в отдельном селении, состоящем из тукулей его жен, детей и рабов. Он никогда не покидает его, чтобы показаться своим подданным, никогда не раскрашивает тело, лишь носит на руках и ногах золотые и серебряные браслеты, на груди — украшения из жемчуга и в руках одно-два копья».

Верховный совет из десяти вождей принимал в присутствии ретха решения, не подлежащие изменению и обязательные к исполнению. Этот же совет выбирал наследника ретха из числа претендентов, которые должны были доказать свою силу и ловкость.

Помимо налогов двор ретха получал определенную долю денежных штрафов, так называемую «плату за пролитие крови». А поскольку кража скота и преднамеренное убийство карались смертью, то имущество казненного отходило в пользу ретха, а родственники становились его рабами. Правда, если ретх не справлялся с возложенной на него ролью заклинателя дождя или же из-за болезни он не мог уже царствовать, тогда совершалась церемония жертвоприношения самого ретха. И лишь в 1959 году суданское правительство приняло закон, карающий это ритуальное убийство. Хотя при-

знаки былой государственной власти уже стали достоянием истории, тем не менее сегодняшние вожди шиллуков воплощают по-прежнему освященную временем традицию этого народа. Им поклоняются как и в прежние времена, так же торжественно проходит церемониал «коронации»; сохранился до наших дней и обычай отводить глаза при появлении вождя.

Интересное свидетельство оставил нам Верне о почитании деревьев: «Называют они такие деревья одним словом: „Нигама" — именно так, по поверью, звали великого шейха их предков, бывшего одновременно инициатором объединения их в единый народ, отцом всем и законодателем. Такое дерево — „нигама" — есть почти в каждой деревушке, и обычно это дерево *зунт* (*Acacia nilotica.— К.-Х. Б.*). Место вокруг него огорожено, и земля поблизости содержится в чистоте. Когда случается какое-либо несчастье, шиллуки бросаются ниц перед этим деревом, плачут и взывают о помощи; дерево олицетворяет в их глазах священного отца народа».

Кроме родоначальника Нигама, который порой якобы появляется под таким деревом в образе птицы, змеи или ящерицы, у шиллуков поклоняются солнцу и Нилу. «В деревне Уао и солнцу и реке принадлежат коровы, считающиеся священными, и заботиться об этих стадах доверено старухам — прорицательницам будущего, которых называют „дуэндам"; лишь эти старухи имеют право доить коров — считается, что обычный человек вместо молока надоил бы крови... Часть этих коров прежде якобы была сокрыта в Ниле, и их вытащили оттуда тончайшими сетями; речные духи, обитающие в Ниле, с тех пор заботливо охраняют свои стада, и не слышно и шороха; ночью они вбивают в землю колья и привязывают к ним своих коров; они уходят под воду или же выбираются наружу всякий раз, когда на реку опускается туман»,— писал Верне.

Внимание первых европейских путешественников привлекали своеобразные прически атлетически сложенных обнаженных шиллуков, как, впрочем, и обычай раскрашивать тело. Шиллуки натирали тело золой — это служило не только украшением, но и средством против москитов. По этой же причине шиллуки, как и прочие нилоты, спят ночью на теплой золе костров; по вечерам все селение окутано клубами дыма от них. «Динка, занимающиеся здесь в основном скотоводством, разжигают костер, затем разгребают горячую золу, образуя круг, и

укладываются на нее спать, поскольку ночью сыро, а ходят они, как и шиллуки, обнаженными; скот же они привязывают к кольям, вбиваемым с вечера вокруг этих куч золы»,— писал Верне.

Для хозяйства нилотов характерно сочетание земледелия с выпасом огромных стад крупного рогатого скота. Такое ведение хозяйства сложилось у них в непрестанной борьбе с единственной, пожалуй, в своем роде окружающей средой, не похожей ни на одну географическую зону мира. Каждый год здесь затопляются огромные пространства. Селения нилотов, их *мурахи* * и поля жмутся к разбросанным на равнине холмам, возвышающимся над залитой паводковыми водами землей зачастую как острова. Здесь и живут нилоты в сезон дождей, с июня по декабрь. Как раз в это время мужчины обрабатывают почву мотыгами и лопатами-*мело́* *, а женщины сажают просо, маис, фасоль, сезам, огурцы, табак, *кенаф* (из семейства мальвовых), дыни и арахис.

Хейглин так описывал земледелие динка. «Здесь мы видели занятых на полевых работах не только мужчин, но и женщин с детьми; люди перекапывают землю, стоя обычно на коленях, возможно, для того, чтобы одновременно собирать клубни и коренья. Кустарниковый маис (*дурра.— К.-Х. Б.*) и *дохъен* (*духн.— К.-Х. Б.*) они высевают в ямки, сделанные заостренной круглой палкой из твердой древесины на довольно большом расстоянии друг от друга, причем работа эта нетрудная, потому что нигде нет и следа камней, а влажная в это время года почва — сплошной чернозем».

В мае — йюле нередко начинается голодное время, поскольку запасов продовольствия сделать не удается. Настоящий голод, правда, бывал в те годы, когда сезон дождей начинался позже обычного. Арабы — охотники за рабами и работорговцы нарушили существовавшие здесь прежде общественные отношения, из-за чего возникла неуверенность в будущем, а опасность, которой теперь постоянно подвергались люди, привела в результате к серьезным экономическим потрясениям, и если прежде продовольствия было просто в обрез, то теперь все чаще дело доходило до катастрофы.

В 1859 году миссионер Морланг был свидетелем подобной катастрофы у бари, нилотского народа, живущего в верхнем течении Нила: «Как и в былые годы, в стране бари в том году голодное время пришлось на

апрель, май и июнь. Из-за малого количества дождей у негров не было даже листьев и травы, которые они обычно варят и едят. Скот, у которого местные жители часто выпускают кровь и пьют ее, стал гибнуть, потому что кровь шла голодающим. Женщины продавали себя торговцам за кусочек *кисры* (хлебной лепешки), потом болели сифилисом и умирали мучительной смертью. Мужчины, как молодые, так и старые, принялись грабить и воровать. По всей стране раздавались жалобы и стоны отчаяния. В зерибах (загонах для скота) пришлось увеличить число охранников. Каждую ночь где-то слышался барабанный бой, призывавший на помощь,— это шайки разбойников бродили повсюду и грабили владельцев скота. Вожди Меди, Бургоджи, Чоака собственноручно прикончили немало воров, потом их стаскивали к реке и бросали в воду — хоронят воров здесь только так. Изо дня в день по реке плыли трупы убитых или же части тел, брошенные в нее младенцы. Оставшиеся в живых были столь худы, одни кожа да кости, что от слабости падали на землю...»

В августе — сентябре созревает урожай, и сразу же после уборки проводят новый сев, чтобы в декабре собрать второй урожай. «Сытое» время благоприятствует устройству семейных торжеств и проведению ритуальных церемоний в эти месяцы; тогда же строят новые хижины и загоны для скота. Как только в декабре заканчивается сезон дождей, сразу же отправляют стада на постоянные летние пастбища; этот переход занимает обычно около двух недель. В летних лагерях нередко одновременно живут несколько сот человек. Уход за скотом, его содержание и охрана требуют четкой организации труда, каждый знает свои обязанности и права. К концу сухого сезона запасы быстро истощающегося продовольствия пополняются за счет охоты и ловли рыбы. Помимо редко встречающихся деревянных лодок нилоты изготавливают плоты из крепко стянутых связок амбача. Рыбу ловят сетями или же острогой типа гарпуна. Его применяют и на охоте, особенно на гиппопотамов. Как только в конце апреля первые ливни возвещают о начале нового сезона дождей, пастухи гонят свои стада к родным деревням, но добираются они туда лишь к началу июня.

Крупный рогатый скот дает молоко, из которого местные жители делают сыр. Подобно масаям, признанным пастухам-скотоводам Восточной Африки, нилоты

регулярно пускают кровь скоту и добавляют ее в кукурузную и пшенную кашу. Шкуры коров служат для покрытия хижин, ими обтягивают барабаны, из них делают канаты и мешки, в которых переносят и перевозят грузы или хранят продовольствие. Навоз применяется в качестве штукатурки, а в высушенном виде — как топливо, едкий дым от него спасает и людей и скот от многочисленных кровососущих насекомых.

Стада скота играют очень важную роль не только в экономике, но и в общественной жизни. Скот служит предметом обмена, используется вместо денег, и именно стадо скота отец жениха передает отцу невесты в день свадьбы. У нуэров подобный выкуп за невесту состоит из 20—30 голов крупного рогатого скота. Штраф также платится скотом. Он играет исключительную роль во множестве ритуальных обычаев — особенно бык-производитель. Нередко путем многовекового отбора удавалось вывести быков особой окраски или же с необычной формой рогов. Скот имеет жировой нарост, или горб, и мощные рога, причем динка придают им своеобразную форму (еще Верне сообщал, что «один рог загнут назад»), и это дало новую пищу древней легенде о существовании единорога. Еще Аристотель, Плиний и Элиан писали об этом воинственном животном, которое, как считали первые путешественники по верхнему течению Нила, им удалось вновь обнаружить. Правда, и наскальные изображения «единорога», как оказалось впоследствии,— лишь рисунки пряморогих антилоп в профиль. Верне, пытавшийся собрать сведения о единороге, который якобы есть у правителя бари Лаконо, замечает по этому поводу: «Если арабы, живущие в Судане, не оспаривают существование единорога во внутренних областях Африки, а при проявлении интереса к этому предмету даже настаивают на этом, то это объясняется больше вежливостью, стремлением пойти навстречу нашему желанию воочию убедиться в его существовании, нежели соответствием истине».

У большинства нилотских народов имелись социально-экономические различия еще до вторжения арабских завоевателей и работорговцев и последующего завоевания этой страны английскими колонизаторами. Главным образом они выражались в разных размерах стад у скотоводов, а также в формах жилья. Юнкер писал об этом в 1876 году: «Как ни просты сами по себе были хижины негров, но и здесь во внешнем

виде сказывалось различие между зажиточными и бедными их обитателями. Хижины более богатых выделялись большими размерами, тщательностью отделки, поддерживающейся в порядке крышей и густо заплетенной изгородью. Как ни ограничены были потребности обитателей этой деревни, как ни мало было их состояние, но и здесь были бедные, которым в борьбе за существование приходилось тянуть более тяжелую лямку, чем их богатым собратьям. Мерещившегося утопистам равенства мнимых „детей природы", этого нереального идеала гуманистов-мечтателей, у негров не оказалось»[3].

Торговцы, охотники за рабами и английские колониальные власти внесли новые мерила ценностей в эту страну — прежде всего представление о деньгах. В колониальный период возникли новые формы общественного разделения на богатых и бедных, которые покоились уже отнюдь не только на различии в количестве скота. Такое положение вещей стало тяжким наследием прошлого, сильно осложнившим включение нилотов в хозяйство и общественную жизнь Республики Судан, когда она получила независимость. Серьезные различия в культурном и общественном развитии между севером страны и областями нилотских народов на юге на таком историческом фоне не раз приводили к возникновению на юге страны сепаратистских движений. В последние годы, однако, начался процесс развития в области экономики и социальных преобразований, и прогресс здесь в немалой степени будет зависеть от того, насколько прогрессивные силы в Демократической Республике Судан будут в состоянии определять направление развития у себя в стране.

В нескольких милях к югу от Малакаля, вверх по течению Нила, там, где начинаются огромные болота, на западном берегу реки обитают шиллуки, а на восточном — динка и нуэры. У Нила направление течения здесь, на всем долгом пути к морю, неожиданно меняется.

Река внезапно поворачивает и течет теперь на протяжении 140 километров с запада на восток, тогда как до тех пор господствующим было направление с юга на север. Меняется и ее название: до самого озера Альберт она называется Бахр-эль-Джебель, или Гор-

[3] *Юнкер В. В.* Путешествия по Африке (1877—1878, 1879—1886). М., 1949, с. 36.

ный Нил — а не Белый Нил. Кроме того, здесь в 9°30′ с. ш. находится и геологическая граница, которая заметна и по флоре. Правда, особое значение здесь имеет и впадающая в Нил река Собат, многочисленные притоки которой стекают с плоскогорья в Южной Эфиопии, расположенного на высоте 2500 метров, и придают Нилу новые силы, растерянные им в болотах Сэдда. Подобно Голубому Нилу, Бахр-эль-Асфар (Желтая река), как называется Собат по-арабски,— настоящая горная река, и она разливается после первых тропических дождей летом. Впрочем, Собат удостоен той же чести, какая выпала на долю других притоков Нила: он был возведен в ранг одного из истоков великой реки. Руссеггер высказал такое мнение еще в 1837 году, а сформулировал его как нельзя лучше францисканский монах Леон Аваншер в письме Хёйглину: «Собат и есть истинный Белый Нил Птолемея, истоком его является озеро или болото, которое видно с гор от Гобо».

Вторая нильская экспедиция Мухаммеда Али в 1841 году прошла почти сто километров вверх по течению Собата, прежде чем пороги и мели принудили ее участников повернуть назад. Почти через 14 лет после этого мальтиец Дебоно едва не потерпел полный крах, поскольку, пройдя через теснины вверх по реке, несмотря на то что живущие здесь банджак не советовали ему пускаться в путь, застрял в верхнем течении реки в песках пересохшего русла с февраля до начала дождей в августе.

Только во второй половине года по Собату можно добраться до Гамбелы (ее еще называют здесь Баро) у подножья эфиопских нагорий, когда река судоходна на протяжении более чем 500 километров. Благодаря этому в 1862 году путешествие Прюйсенера, а в 1874 году экспедиция американского полковника Чарльза Шайе-Лонга, бывшего подчиненным генерала Гордона, завершились успешно, поскольку смогли продвинуться в глубь страны почти на 500 километров; однако об истинном истоке реки Собат ни тот, ни другой были не в состоянии сообщить что-либо определенное.

Близ впадения Собата в Нил и на берегах озера Но заросли тростника и амбача возвещают о приближении царства болотной растительности в Сэдде. Широкая река течет здесь лениво, уклон ее едва заметен, по обоим берегам множество застойных рукавов и стариц. Во время паводка она выходит из берегов, и русло ее из-за

отложения ила постоянно повышается, так что Нил течет словно меж двух дамб по местности, расположенной почти везде ниже уровня реки так же, как это можно часто наблюдать в Египте. Прорыв такой «дамбы» (а он случается порой «по вине» прошедшего гиппопотама) приводит к тому, что под водой оказываются обширные пространства, которые также испытывают на себе воздействие илистых наносов.

В сезон дождей равнина исчезает — она становится дном огромного озера, площадь которого превышает сто тысяч квадратных километров, и все это пространство зарастает настоящими джунглями из амбача (*Aeschynomene elaphroxylon*), папируса (*Cyperus papyrus*) и нильской капусты (*Pistia stratiotes*); здесь тысячи и тысячи переплетающихся водных проток, залитых маслянистой на вид водой. Меж ними — лагуны, наполненные гниющими растительными остатками, пронизанные удушающим, густым теплом; это настоящий рассадник возбудителей лихорадки и желудочных заболеваний, это дьявольский лабиринт для корабельщиков, на которых после захода солнца набрасываются тучи жаждущих крови комаров. Благоговейный ужас способен охватить всякого, кто целый день пробирается по узким проходам в густом море растений, где давящую на уши тишину лишь время от времени нарушает фырканье или глухой рев гиппопотама. В зарослях папируса высотой до 12 метров укрываются бесчисленные гигантские цапли, бакланы, нильские гуси, золотистые щурки, журавли, голубые зимородки, козодои, скворцы; этот чудесный мир — предел мечтаний любого орнитолога. В этих местах еще встречается даже исключительно редкий теперь молотоклюв. Гиппопотамы — единственные здесь млекопитающие, водятся они большими стадами; с шумом и сопеньем, пропуская воздух через ноздри, плавают они часами в темной воде. И сейчас еще местные жители утверждают, будто порой они, играючи, опрокидывают легкие челноки нилотов. Правда, многие рассказы путешественников красноречиво свидетельствуют, что крепкие нильские суда тоже бывали сильно повреждены при столкновении с этими многотонными колоссами и не могли продолжить свой путь. Вот, к примеру, что отмечал в своем дневнике Брён-Ролле: «... печальное состояние моих лодок, у одной из которых пробито днище (суденышко „проехало по гиппопотаму“), заставило меня двинуться в обратный путь».

Из пресмыкающихся в болотах находят приют прежде всего огромные крокодилы, но кроме них там обитают также нильские вараны и гигантские питоны длиной до 8—10 метров. На приподнятых участках местности часто возвышаются конусообразные термитники высотой 4—5 метров, на которых обычно сидят, высматривая добычу, хищные птицы. В искусно построенном сооружении, состоящем из целой системы ходов, обитают миллионы земляных термитов (семейства *Termitidae*): при массовом размножении они могут нанести значительный ущерб. (В тропических странах причиняемый ими ущерб составляет 10% от материала старых строений.) Многие путешественники повествуют в своих записках об этой напасти, причем нередко жертвой термитов становился собранный с невероятным трудом научный материал. Вот что сообщал Прюйсенер: «Порой от пары сапог, оставленных на ночь на земле, поутру можно было обнаружить лишь гвозди. Ковры, постельные принадлежности, одежда, продовольствие, книги, циновки, мебель — ничто им не помеха. Чемодан на полу уже через два—три дня будет съеден: днище его исчезнет, а содержимое превратится в прах. Стены жилища, сделанные из глины, бревна, из которых построены дома, солому, покрывающую крышу,— термиты все пожирают с невообразимой скоростью. Вещи будут в безопасности, лишь если подвесить их на веревках к потолочным балкам или же если поставить на стеллаж, ножки которого ежедневно надо очищать от результатов действий термитов».

И дальше он же выносит суждение: «Поскольку берега реки, помимо того, кишмя кишат скорпионами, пауками, многоножками и долгоносиками, можно сделать вывод, что берега Белого Нила относятся к местам, менее всего пригодным для жизни людей».

Огромное необозримое пространство болот — Сэдд — веками хранило тайну истоков Нила. Не одно путешествие завершалось здесь, в непроходимых зарослях папируса, а другие начинания терпели крах при столкновении с растительными заграждениями, созданными самой рекой. Пожалуй, первыми, кто безуспешно пытался найти истоки Нила, были уже упоминавшиеся два центуриона, побывавшие здесь по приказу императора Нерона.

Но и для всех остальных, кто почти через две тысячи лет после них пытался пройти вверх по течению ре-

ки, растительный массив Сэдда становился неодолимым препятствием. Кроме того, существовало еще одно обстоятельство, осложнявшее путешествия,— ветер. Тяжело груженным судам легче двигаться вверх по реке в зимние месяцы, когда им благоприятствуют постоянные северные ветры; правда, уровень воды в реке в это время минимален, и это сильно снижает маневренность барок в Сэдде. Повороты каналов в зарослях папируса также заставляют капитанов то и дело менять курс, идти очень острым галсом. Брён-Ролле, например, удавалось, несмотря на неимоверные усилия всей команды, продвинуться по Сэдду за день всего на пол-льё.

Но все же наибольшую опасность для судоходства представляют растительные плотины, которые могут полностью перекрыть русло реки и даже изменить его. Швейнфурт пишет о причине их возникновения: «Густая масса мелких водяных растений, плавающих на еще свободной поверхности (обычно это лемма, азолла, юсьена и т. п.), образует кашеобразную, киселеподобную субстанцию, которая существенно способствует соединению этих растений в настоящие настилы. Такая травянистая каша заполняет, подобно замазке, все проходы и щели между островками амбача или другой водяной растительности, а островков таких встречается тем больше, чем сильнее изгибы берегов, чем менее доступны для течения образующиеся заводи».

Травянистые массы, порой до нескольких километров шириной, бывают ветром или паводком оторваны от «родных мест» и образуют запруду еще в каком-либо месте; такие преграды из амбача, папируса, нильской капусты и водяного гиацинта (*Eichhornia crassipes*) останавливали даже пароходы — совсем как паковый лед в северных морях.

В 1864 году, например, такой барьер перегородил реку, и командам тридцати (!) судов потребовалось пять недель непрестанной работы, чтобы прорубить в нем канал. Когда Бейкер, возвращаясь от озера Альберт, наткнулся на подобную естественную плотину, ему также потребовалось целых два дня, чтобы преодолеть преграду. Бейкер отметил в дневнике опасное сильное «подземное» течение: «Река неожиданно исчезла: Белый Нил, казалось, перестал существовать. Плотина здесь была шириной в три четверти мили, совершенно твердая и заросшая уже высоким камышом и травой, так что она как бы являлась непосредственным продол-

жением обоих берегов реки... В прошлом году большая *дахабийе* (барка), груженная слоновой костью, была затянута под такую плотину течением — произошло это на пути из Гондокоро вниз по реке; ее затянуло туда, и никто ее больше не видел... Матросы говорили мне, что на той стороне естественной запруды находили мертвых гиппопотамов, попавших под нее».

В 1870 году военной экспедиции под руководством Бейкера, посланной египетским хедивом Исмаилом с целью пресечь работорговлю и подчинить земли в верховьях Нила, пришлось прокладывать себе путь через практически недоступную для навигации Жирафовую реку (Бахр-эз-Зераф), поскольку Горный Нил (Бахр-эль-Джебель) оказался полностью запружен растительными барьерами и непроходим. Но в феврале экспедиция все же застряла, а начавшийся сезон дождей обрек ее на почти годичное прозябание в этих зараженных лихорадкой болотах. Тот же Исмаил-паша в 1874 году повелел ликвидировать непроходимую запруду, на что потребовалось несколько месяцев, но уже в 1878—1880 годах, в результате невероятно сильных дождей в области экватора и из-за подъема уровня озера Виктория, Экваториальная провинция оказалась опять отрезана от внешнего мира, так как судоходство было прервано в связи с образованием новых растительных плотин — сэддов. В августе 1878 года еще удалось прорвать заграждение из плавучих травяных островов (их называют «тауф»), хотя, как сообщал Р. У. Фелкин, судно в течение 40 дней вообще не могло никуда двинуться. Но вскоре водная трасса вновь оказалась полностью перекрыта, и это стало причиной трагедии, которая неизменно связана с Сэддом. Итальянец Ромоло Джесси, губернатор, поставленный египетскими властями, обследовал озеро Альберт после Бейкера и в 1876 году на обратном пути из внутренних областей континента застрял со своим отрядом и четырьями барками в Сэдде. В этом страшном плену в последующие три месяца из 500 человек команды и участников экспедиции от голода, тифа и желтой лихорадки умерло 400. Оставшиеся в живых питались травой и мясом погибших, пока австриец Эрнст Марно, плывший на пароходе «Бурдейн», 4 января 1881 года не спас их, превратившихся в ходячие скелеты, от верной гибели. Джесси был среди живых, однако в апреле 1881 года и он, полностью истощивший жизненные силы, обрел

вечный покой, скончавшись в Суэце вследствие выпавших на его долю испытаний.

В 1903 году англичанам, помнившим, как однажды экваториальные области оказались отрезанными от остального мира (этого они не могли более позволить ни по экономическим, ни по политическим причинам), удалось с огромными трудностями пробить через эти болотные заросли постоянный судоходный канал. Учитывая местные условия, были сконструированы колесные пароходы с расположением колес на корме и очень малой осадкой, причем днище этих пароходов было оббито листами меди, что позволяло им легко скользить по отмелям. И до сего дня эти пароходы остались надежным средством сообщения между Хартумом и Джубой, конечным пунктом на нильской транспортной линии. К такому «динозавру» подцепляют еще до десятка барж, и он одолевает путь от Кости до Джубы за девять — двенадцать дней. Но как и прежде, кораблю и его команде приходится вести борьбу с плывущими по реке островками нильской капусты — в наши дни, их, правда, задерживает плотина близ Гебель-Аулия, в 48 километрах от Хартума.

Слух подтверждается

До февраля 1863 года происхождение «реки близ Гондокоро», то есть Бахр-эль-Джебеля, оставалось неизвестно. Когда же туда в конце своего знаменитого путешествия прибыли Спик и Грант, в историю географических открытий Африки была вписана одна из самых значительных глав. Правда, оба исследователя не смогли пройти вдоль всей реки от озера Виктория до Гондокоро. В их логических умозаключениях было одно упущение, которое скептики немедленно засчитали им как серьезный недостаток: путешественники ушли в сторону от реки у порогов Карума и вернулись на ее берега уже в Фалоро, фактории торговца слоновой костью Дебоно, расположенной на 3°32′ с. ш. Среднее течение реки с большим озером Лута-Нзиге (озером Альберт), о котором Спик навел подробнейшие справки в Карагве, Буньоро и Буганде, было им отмечено на карте. И он на удивление точно нанес его в том месте, где оно находилось по свидетельству ньоро; назвал он его «Малое Лута-Нзиге, или подпруженный участок Нила».

Бейкер писал по этому поводу: «Как Спик, так и Грант придавали этому Лута-Нзиге большое значение, и первый из них весьма сожалел, что им не удалось продолжить свое путешествие. Он предвидел, как кабинетные географы, с такой легкостью путешествующие, устроившись в уютном кресле, ткнут пальцем в карту и спросят его, почему он не прошел от того пункта до этого? И почему не добрался по Нилу до Лута-Нзиге, а от этого озера и до Гондокоро? Но в данных условиях Спику с Грантом никак нельзя было пройти вдоль Нила от порогов Карума: тамошние племена были в состоянии войны с Камраси[4], и потому чужеземцы не могли продвигаться через их территорию».

В Гондокоро оба исследователя встретили своего друга и соотечественника Сэмюэля Уайта Бейкера с женой, которые весь предшествующий год обследовали стекающие с Эфиопского нагорья притоки Нила и собрали богатейший картографический материал. Они как раз собирались отправиться навстречу Спику и Гранту, поскольку были снабжены необходимым снаряжением и запасами продовольствия для этих путешественников, чье прибытие уже ожидалось с некоторым беспокойством (они не подавали о себе вестей целых два с половиной года). Но хотя Бейкер был искренне рад возвращению друзей в добром здравии, в строках его дневника звучит разочарование, что загадка Нила разрешена без его участия: «Я подумал, что великое дело завершено и что больше исследовать нечего, и оттого вовсе пал духом; я даже сказал Спику: „Неужели на мою долю не достанется и одного лаврового листика?"»

Но оба путешественника заверили Бейкера, что крайне важный участок течения реки еще предстоит обозначить на картах.

Спик был твердо убежден, что Лута-Нзиге, благодаря своим большим запасам воды,— один из источников полноводности Нила. Он поведал Бейкеру все детали, которые могли бы пригодиться тому в его путешествии. Грант даже передал Бейкеру собственноручно изготовленную копию снятой ими карты. Оба действовали бескорыстно, «из искренней любви к географической науке», и обоих, естественно, интересовал неизвестный участок Нила, который не удалось нанести на

[4] Камраси — правитель раннегосударственного образования Буньоро.— *Примеч. ред.*

карту во время их путешествия (что действительно вызвало нападки со стороны географов-теоретиков).

Отъезду Бейкера из Гондокоро, однако, предшествовало такое дурное предзнаменование, что любой другой менее энергичный человек, возможно, отказался бы от самой мысли о путешествии. Он намеревался добраться в Фалоро, расположенное южнее, а затем идти дальше под охраной хорошо вооруженного отряда, но эти планы потерпели крах еще в Гондокоро. В то время торговля слоновой костью отступила на задний план перед более прибыльной охотой на рабов. Грабительская, разбойная система закабалила все народы в верховьях Нила — одни сами позволили торговцам передвигаться по их землям, других же силой заставили сделать это. Поэтому теперь африканцы не доверяли ни одному европейцу, стремящемуся проникнуть на территорию, из которой высасывали кровь укрепленные зерибы,— каковы бы ни были намерения этого европейца. А соперничавшие друг с другом компании также были едины в своем желании любой ценой сорвать подобные предприятия.

Бейкер отмечал в этой связи: «В тот самый миг, когда они выказывали полное дружелюбие, они искали способы и средства, как бы меня обмануть и не пустить меня на эту территорию. Они понимали, что, как только я попаду в глубинные районы, торговля слоновой костью на Белом Ниле перестанет быть тайной и ужасы работорговли будут раскрыты и, весьма вероятно, при посредничестве европейских держав с этим будет покончено; потому они и объединились, чтобы помешать мне двигаться вперед, а еще лучше — полностью привести к краху мою экспедицию».

Отряд, навербованный Бейкером («сплошь достойные презрения хартумские бандиты, привыкшие убивать и грабить во время торговых операций на Белом Ниле»), взбунтовался и присоединился к торговцам и прочему сброду. С остатком людей, про которых Бейкер, однако, знал из верных источников, что они также взбунтуются, дойдя с ним до страны лотуко, он все же отправился 26 марта 1863 года из Гондокоро на восток — хотя у него не было ни проводников, ни переводчика, ни носильщиков из числа местных жителей, да к тому же торговцы пригрозили ему, что натравят на него нилотов-эллирия, своих союзников. Прямой путь на юг был для него закрыт людьми торговца Де-

боно, отправившимися в свою факторию Фалоро. И хотя они всего несколько недель назад сопровождали Спика и Гранта оттуда до Гондокоро, теперь они оставили Бейкеру записку, что «если я пойду вслед за ними (по намеченному мною маршруту), они будут стрелять в меня и моих людей, потому что они не потерпят у себя в стране английских шпионов».

Экспедиция превратилась в состязание, кто скорее достигнет перевала — Бейкер должен был обогнать «турок», чтобы успеть первым пройти в долину, где жили эллирия. В противном случае местное население, подстрекаемое «турками», безо всякого труда положило бы конец экспедиции, просто сбросив всех в глубокое ущелье.

После множества злоключений Бейкеру удалось все же достичь перемирия и с отпетым негодяем по имени Ибрагим, которому купцы поручили возглавить торговый караван, и с его подчиненными — правда, мирные отношения основывались лишь на материальной основе... И хотя Бейкеру постоянно приходилось терпеть с его стороны притеснения, вмешательство в свои дела, он был вынужден присоединиться к каравану Ибрагима, чтобы продвинуться еще дальше на юг. С одной стороны, маленький и плохо вооруженный отряд Бейкера не смог бы противостоять нападению воинов-лотуко, ожесточенных грабежами и убийствами «белых», с другой — у него не было необходимого числа носильщиков. Бейкер огорченно писал: «Мне приходится оставаться с главой каравана в добрых отношениях, поскольку я завишу от него во всем, что касается переводчика и носильщиков».

В довершение околели и тягловые животные, и верховые лошади, и мулы — из-за укусов мухи цеце и из-за повышенной влажности в это время года. Правда, Бейкер предвидел это, но он надеялся, что успеет добраться до резиденции Камраси. По названным причинам его путешествие затянулось на многие месяцы, и в результате он застрял из-за начавшегося сезона дождей в стране лотуко и оббо, в 80 милях к юго-востоку от Гондокоро. До начала января и думать не приходилось о том, чтобы форсировать реку Асва — стремительный поток глубиной до пяти метров.

Здесь, в стране лотуко (в районе теперешнего города Торит, на крайнем юге современной Демократической Республики Судан) Бейкер узнал от одного из местных жителей о некоем селении Магунго далеко на юге, от-

куда привозили раковины, выполнявшие роль денег. Расспросы привели Бейкера к выводу, что «большая вода» близ Магунго — вовсе не крупная река, а искомое «ньянза», или озеро. Еще больше укрепило его в этой мысли сообщение, что туда приплывали на больших лодках белые люди (вне всякого сомнения — арабские торговцы), которые обменивали раковины и жемчужины на слоновую кость.

Накануне выступления отряда в дальнейший путь на юг успех экспедиции вновь оказался под угрозой из-за неблагоприятных обстоятельств. Путешественников трясла лихорадка, а хинин уже давно кончился, «турки», бывшие под началом Ибрагима, перенесли свои бандитские вылазки в деревни народа мади, расположенные как раз к югу от этих мест,— причем именно эти деревни регулярно опустошали прежде молодчики Дебоно. Из-за всего этого местные жители с подозрением относились ко всем членам торгового каравана. Но наибольшее сопротивление людей Ибрагима, нежелание отправляться в Буньоро вызвала весть, что в прошлом году, сразу же после прибытия Спика и Гранта в Гондокоро, отряд Дебоно вместе с непокорным, мятежным Руонго (братом Камраси) напал на резиденцию вождя Камраси и уничтожил там до трехсот человек. Камраси, разумеется, должен был предположить, что его обидчики были посланы Спиком.

Лишь неудачи Ибрагима, пытавшегося скупить в окрестностях слоновую кость, и обещание Бейкера снабдить его в Буньоро пятью тоннами этого товара заставило всех двинуться, наконец, в южном направлении. Выжигая на своем пути густо заросшую травой саванну, отряд вышел 22 января 1864 года на восточный берег Сомерсет-Нила, или Виктория-Нила, и отправился по нему в сторону порогов Карума. Но переправиться через реку им было нельзя, так как вождь Камраси после вероломного нападения в прошлом году под страхом смерти запретил чужестранцам появляться в его владениях.

Как и Спик, Бейкер отметил, что живущие по берегам реки ньоро носят одежду из луба. Но Виктория-Нил был важным рубежом не только в том, что касалось типа одежды. Здесь же проходила языковая граница между нилотскими языками на севере и языками банту на юге. У живущих рядом народов можно было установить и имеющиеся различия в их хозяйственной

деятельности: к югу от Виктория-Нила, в Буньоро и Буганде, на плодородных участках земли выращивали батат и бананы — главные источники пропитания здесь, а к северу от Нила, в области саванн, на первом плане были посевы зерновых (у бари, лотуко, мади).

Лишь через девять дней, получив разрешение Камраси, удалось продолжить путешествие на юг. В каждой деревне имелись носильщики, готовые оказать помощь экспедиции, но Камраси все еще опасался предательства и потому под любыми предлогами оттягивал отправление экспедиции. Бейкер волновался не без основания. Ведь речь шла о том, чтобы на обратном пути успеть перебраться через Асву до начала паводка, а значит — встретить у Гондокоро суда, приходившие каждый год, чтобы пополнить запасы путешественников.

«В нашем теперешнем ослабленном состоянии нельзя оставаться в Африке еще на год без хинина — это означало бы для всех верную смерть. Важно во что бы то ни стало выиграть время. А перед нами простирается земля, где еще не ступала нога белого человека, и расстояние, которое предстоит преодолеть, неопределенно».

После аудиенции в Мрули, столице ньоро, у подставного вождя Камраси (эту роль сыграл один из его братьев) Бейкер вновь попытался получить разрешение отправиться к Мвута-Нзиге — так называли озеро в этих местах. В результате долгих, изматывающих переговоров Бейкер вместе с женой смог выехать из Мрули на волах в сопровождении отряда из тринадцати человек. Путь шел по долине реки Кафу (или, как ее называл Бейкер, Кафур) в юго-западном направлении. Но поскольку каждую ночь носильщики удирали восвояси, драгоценные утренние часы тратились на поиски новых носильщиков. И лишь 15 марта 1864 года Бейкеру, первому из европейцев, посчастливилось увидеть с высокого обрыва «огромное водное пространство». В своем дневнике он так описал это мгновение: «А там, далеко внизу, лежало, подобно морю ртути, огромное водное пространство — на юге и юго-западе безграничная гладь озера уходила за горизонт, сверкая на полуденном солнце, а на западе, в пятидесяти — шестидесяти милях, из глубины озера вздымались синие горы на высоту около семи тысяч футов (около 2100 метров.— *В. Б.*) над уровнем воды. Англия покорила истоки Нила».

Ньоро называли это озеро Мвута-Нзиге — «Губитель

саранчи», поскольку оно, благодаря своему расположению и размерам, представляло собой естественный барьер для распространения все уничтожающей на своем пути саранчи. Арабам же это пресноводное озеро было известно под названием Бахр-эль-Малах, или «Соленое озеро», поскольку они видели, что местные жители из-за неприятного вкуса озерной воды предпочитали пить из источников или из ручьев, а по берегам озера находились месторождения каменной соли. Бейкер (он назвал озеро Альберт-Ньянза) открыл второе по величине озеро Центральной Африки в бассейне Нила.

Бейкер в принципе правильно оценил значение озера Альберт как «грандиозного резервуара Нила», хотя он сильно преувеличил и объем воды в нем, и его размеры. По его подсчетам, ширина озера превышала сто километров, а длина — в соответствии со свидетельствами ньоро, которые утверждали, что озеро доходит до Карагве, где правил вождь Руманик,— около 580 километров! Это примерно в одиннадцать раз превышает действительные размеры озера — оно было бы тогда примерно таким же по площади, как озеро Виктория. Подобное преувеличение дало повод к тому, что через пять лет стали ошибочно утверждать, будто озеро Альберт составляет единое целое с озером Танганьика.

Лишь через двенадцать лет после этого европеец смог объехать озеро Альберт; это был Джесси, а следом за ним, в 1879 году — Мейсон и Эмин-паша. Джесси двигался вдоль восточного берега до южного конца озера, пока путь ему не преградили густые заросли амбача. Однако он смог все же определить положение южного берега озера Альберт — 1° с. ш., то есть там, где он на самом деле и находится. О реке, впадающей с юга в озеро, ньоро не смогли ему рассказать.

Но вернемся к Бейкеру. Он вместе со своими спутниками с триумфом спустился к берегу озера, в рыбацкую деревушку Ваковия (к югу от порта Бутиаба), которая, как и прочие селения на берегах этого озера, доставляла своим обитателям средства к существованию благодаря двум дарам природы — рыбе и соли.

Бейкер пишет: «Все кругом пропахло рыбой — и все кругом говорило о настоящем рыболовецком промысле, не имеющем ничего общего с благородным умением англосаксов обращаться с удочкой и наживкой; нет, здесь к хижинам прислонены гарпуны, подвешены для просушки снасти толщиной в мизинец, а к ним привязаны

железные крючки такой величины, что это говорило об огромных размерах обитателей озера Альберт».

Под «огромными обитателями» подразумевались отнюдь не гиппопотамы, на которых охотились также с помощью мощных гарпунов, стоявших наготове вокруг,— речь шла об огромной рыбе под названием нильский окунь, или, по-местному, баггера.

Близ Магунго, около впадения Виктория-Нила в озеро Альберт, местные жители построили в воде настоящие промысловые рыболовецкие сооружения — громадные ловушки для рыбы, окруженные специальными ограждениями. В наше время рыболовство в крупных озерах приобретает все большее значение, поскольку рыба хорошо дополняет рацион питания местных жителей. Четвертая часть ежегодно вылавливаемой рыбы идет теперь на экспорт, особенно в Республику Заир,— это и копченая, и сушеная, и соленая рыба. Кооперативы рыбаков сдают улов на вновь построенные предприятия по переработке рыбы (например, в Нтороко); строятся новые коптильни и фабрики рыбной муки, на будущее также запланировано сооружение новых предприятий.

Относительно добычи соли Бейкер сообщал, что из ям выбирают черный песчаный ил, который как следует промывают, а образовавшийся рассол затем выпаривают. Продукт переработки, которой занималось здесь все население, был белым, но на вкус очень горьким, хотя он и определял характер торговых взаимоотношений побережья с хинтерландом. Поскольку в странах на востоке Экваториальной Африки соль — дефицит, она составляет там, где ее находят, основу для прибыльной торговли. В Кибиро, одном из селений к северу от Баковия, добыча соли стала предметом настоящей промышленной переработки. Соль в плитах по 2—4 килограмма, упакованных в банановые листья, обменивали в Уганде преимущественно на «чистые деньги», то есть на раковины каури. Торговые связи местных соледобытчиков выходили при этом далеко за пределы озера, в страну лура (одного из нилотских народов), а также в области, расположенные к северу от Виктория-Нила.

Близ Магунго пораженный Бейкер увидел впадающий в озеро Нил не тем бешено несущимся потоком, каким он оставил его у порогов Карума, а почти неподвижным, застойным водоемом. Поэтому он решил отмести прочь все возможные сомнения и найти тот «большой водопад», о котором говорили ньоро. Нача-

лось плавание на лодках вверх по реке, хотя все немало страдали от коварной болотной лихорадки. На третий день этого путешествия по реке нильская капуста стала проплывать мимо лодок все быстрее, что говорило об убыстрившемся течении, а нарастающий шум падающей воды говорил, что и сам водопад находится недалеко. Когда же лодки, с трудом преодолевая теперь уже пенившуюся воду, добрались до поворота реки, путешественникам открылся вид, который по сей день великолепнее всех на Ниле. Однако здесь по праву надо предоставить слово самому исследователю, ослабевшему от лихорадки, настрадавшемуся, и его достойной всякого уважения супруге: «По обе стороны реки высились утесы, заросшие лесом, они круто вздымались примерно на высоту в 300 футов; из зелени листвы торчали скалы, а река, грохочущая в ущелье, что рассекло утесы прямо перед нами, и сужающаяся вследствие очень сильного течения, была заключена в теснину шириной едва ли в 150 футов; с яростным ревом проносилась вода через нее, между утесами, и потом низвергалась с высоты примерно 120 футов в темную бездну. Падающая вода была белопенной, что производило великолепное впечатление, поскольку она резко выделялась на фоне темных утесов, которые окружали реку подобно крепостным стенам,— довершали же всю эту картину исполненные грациозности тропические пальмы и дикие бананы. Это самый большой водопад на Ниле, и в честь выдающегося президента Королевского Географического общества я назвал его, как самый важный объект на всей реке, водопадом Мёрчисона».

Наконец была окончательно разрешена тайна большого различия в перепаде высот (на целых 515 метров) на расстоянии 480 километров между озерами Виктория и Альберт. (Обмеры Спика и сделанный им вывод, что «река падает на тысячу футов по высоте над уровнем моря», были блестяще подтверждены Бейкером, измерившим перепад высот в 1275 футов!) Из них на протяжении 65 километров Нил нисходит по «лестнице» из порогов и пенящихся ступенек мелких водопадов в Центральноафриканский грабен. Он опускается по грандиозной рампе из коренной скальной породы, верхний и нижний концы которой смогли исследовать в те годы английские путешественники Спик, Грант, а за ними следом и Бейкер, доказав, что это и есть та самая «река у Гондокоро».

После открытия Бейкера прошло более ста лет. Но и теперь водопад Мёрчисона завораживает всякого, кто любуется им. Как и прежде, река ниже скалистой преграды — место сбора бессчетного числа крокодилов и гиппопотамов, настоящий рай для них, поскольку корм, которым богата вода, что называется, сам «льется» им в глотку. И до сих пор верно тогдашнее наблюдение Бейкера: «Нигде не видел я столь выдающегося парада крокодилов, как там, по берегам реки, на любой песчаной отмели; они лежали словно бревна, тесно друг подле друга, и лишь на одном берегу мы насчитали двадцать семь особей исключительно больших размеров».

Статус национального парка гарантирует здесь сохранность богатства фауны. Тысячи туристов из всех стран света посещают ежегодно этот парк, расположенный по обе стороны Виктория-Нила на площади в 3900 квадратных километров; они едут до водопада 14 километров на небольших моторных лодках вверх по реке,— пожалуй, этот участок Нила вообще производит наиболее сильное впечатление. После невообразимо сильных дождей 1961—1965 годов вода прорвала с северной стороны ход для еще одного водопада, и теперь она бушует в двух рукавах, вытекающих из одного узкого прохода в скале. Сооруженные совсем недавно смотровые площадки на высоких берегах открывают грандиозный вид на Нил. Слоны подходят прямо к уступам скал, гиппопотамы, так же как и во времена Бейкера, погружаются в бурлящие воды реки, в которых водится доисторический нильский окунь длиной до двух метров — на радость любителям-рыболовам и крокодилам! Крокодилы раскрывают лучам солнца свои жуткие пасти с острыми зубами, которые обследуют деловитые волоклюи; они проплывают мимо на плавучих папирусных островках, а на берегах реки появляются то буйволы, то жирафы, то водяные козлы — они приходят на водопой.

23 марта 1865 года Бейкер возвратился в Гондокоро, завершив исключительно трудный путь, проделанный им по суше. Два года без трех дней провел он в этом путешествии. В наши дни по шоссе из Джубы в Нимуле тот же путь длиной в 200 километров на автомобиле занимает четыре—пять часов, а затем, пересев на нильский пароход, уже через несколько часов попадаешь на озеро Альберт.

Еще один участок Нила не давался исследователям,

а именно от порогов выше Гондокоро, где и Миани пришлось все-таки продолжить свой путь по суше до самого озера Альберт. Участок до Беддена (примерно в 35 километрах южнее Джубы) еще можно было одолеть, хотя и с огромным трудом, как свидетельствует сообщение английского врача, миссионера Фелкина, датированное 1881 годом: «Подъем вверх по течению, через пороги близ Беддена, весьма опасен. Вода ревет и пенится невероятно, со всех сторон громоздятся утесы, а между ними — лишь узкие проходы, по которым и должна пройти лодка. При форсировании порогов туземцам, которые тянули лодку, идя по берегу, пришлось к тому же преодолевать эти утесы; еще одним препятствием были деревья, росшие у кромки воды. Но хотя нас несколько раз ударило о скалы и лодка наполнилась водой, она все же не перевернулась. После захода солнца наше путешествие стало еще более опасным. Туземцы зажгли факелы, красноватые отблески которых падали на их темные фигуры и на каменные глыбы фантастических форм в клокочущей воде; сквозь рев потока мы временами слышали скрежет каната или резкий окрик старшо́го, надсмотрщика, который понукал людей тянуть изо всех сил: *„Турр, турр авафе кавам!* (Взяли, взяли — тащи скорей!)“».

На все это потребовалось одиннадцать часов. Пороги у Беддена пришлось все же обойти по суше, а дальше Нил вновь был судоходен до Кири. Следующий участок до Дуфиле (теперь это Нимуле — конечный пункт судоходства от озера Альберт) непригоден для движения любого судна, потому что река несется здесь между утесами, проточив каньон глубиной 70 метров; она мчится, пенясь на бесчисленных скалистых выступах, вздымающихся тут и там над поверхностью воды. Последний неизвестный для европейцев участок течения выше Нимуле, который оказался судоходным до самого озера Альберт, первым обследовал на лодке Джесси в 1876 году.

В 1869 году на верхнем Ниле еще раз появился Бейкер; на этот раз, правда, в качестве начальника крупной военной экспедиции египетского хедива Исмаила-паши, которая была послана с целью искоренить работорговлю, а главное — открыть земли для египетских торговцев вплоть до Буньоро (а следовательно, для укрепления влияния Египта в этих местах). Первая из названных целей была предварительным усло-

вием для получения очевидных экономических выгод, которые Англия собиралась гарантировать для себя путем установления влияния хедива; свидетельство тому — вот эти строки, написанные Бейкером: «... население здесь скудно, а товары наихудшие; люди исполнены пороков и лени... Первый шаг, какой надлежит сделать для улучшения жизни диких племен на Белом Ниле,— уничтожить торговлю рабами... Как только работорговля сойдет на нет, сразу откроются перспективы торговли слоновой костью. Если бы заставить уйти отсюда враждующие друг с другом торговые компании и осталось бы одна-единственная компания, заинтересованная в торговле, туземцы не стали бы обменивать слоновую кость на скот, они брали бы взамен и другие товары».

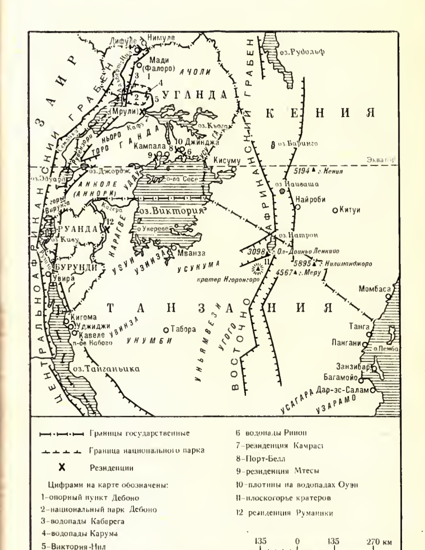
При этом с сопротивлявшимися такому давлению африканцами обращались довольно-таки бесцеремонно, как свидетельствуют многие дневниковые записи, пестрящие сведениями о постоянных стычках и конфликтах. И тем не менее Бейкеру не удалось подорвать власть работорговцев, а с местными властями из-за своего вздорного характера он ладил плохо. К владениям хедива Бейкер смог присоединить земли до 2° с. ш., а в отдельных местностях создал военные опорные пункты. Жители завоеванной провинции должны были платить египетскому правительству ежегодную дань — определенные количества сорго, или дурры. Общественные отношения в племенах, которых коснулись нововведения, стали сильно меняться из-за навязанной африканцам структуры управления. Сговорчивым старейшинам-шейхам дарили длинные рубашки красного цвета — в знак особого почета. Отныне следовало выказывать особое почтение этим людям, тогда как прежде знаки внимания полагалось проявлять только при встрече с бунитом *, или местным шаманом. А титул шейха давали в знак поощрения тому, кто обещал поставлять новым властям слоновую кость, рабов и коров.

В 1869—1872 годах Бейкер фактически стал основателем Экваториальной провинции, которая была присоединена как самостоятельная административная единица к Египетскому Судану. Пусть все это предприятие стоило правительству 20 миллионов франков — ему, однако, удалось довольно легко и быстро стать обладателем огромных земель. Правда, господству египтян в Буньоро не суждено было стать прочным. Уже Бейкеру пришлось покинуть Масинди. Остались лишь три ук-

репленных поста, и в 1878 году при преемнике Бейкера, Чарлзе Гордоне, правый берег Виктория-Нила стал границей египетских владений. Гордон-паша был объявлен в феврале 1877 года генерал-губернатором Египетского Судана. А в марте 1878 года он назначил Эмин-пашу губернатором Экваториальной провинции, после того как тот совершил, уже в правление Гордона, далекие инспекционные путешествия, добравшись, в частности, и до верховного вождя (*кабаки*) Мтесы в Буганде; тогда же он сумел восстановить хорошие отношения с правителем Буньоро Кабрегой (Каба-Регой). Сколь важны были эти отношения с Буньоро и Бугандой, а значит и с восточным побережьем Индийского океана, выяснилось позже, когда вспыхнуло махдистское восстание.

Глава VI

ВЕЛИКОЕ ОТКРЫТИЕ

Регион озера Виктория

The Nile is settled!

Для Африки характерен рельеф с глубокими разломами, ступенчатыми окраинными подъемами, которые разделяют пороговые возвышения и водоемы, лежащие между ними. К тому же во многих местах проявляется вулканическая деятельность, обусловленная разломовой тектоникой. Очень сильные относительно недавние тектонические движения земной коры в Восточной Африке привели к появлению здесь пенеплена[1], сбросов и рифтовых (грабеновых) разрывов. В грабенах находятся глубокие, вытянутые озера. Когда Бёртон и Спик открыли озеро Танганьика, они уже тогда высказали предположение, что оно — результат заполнения водой разлома земной коры.

Это предположение подтвердилось после того, как были открыты озера Киву, Эдуард, Джордж и Альберт. Когда же стали известны результаты исследовательской экспедиции венгерского графа Шамуэля Телеки и Людвига фон Хёнеля (открывших озера Рудольф и Стефани), геолог из Вены Эдуард Зюсс высказал гипотезу об общем характере восточноафриканских грабеновых разломов, и гипотеза эта оказалась правильной. Ландшафт здесь определяют две большие системы грабенов (рифтовых долин), проходящих в меридиональном направлении: Центральноафриканский грабен (шириной от 22 до 80 километров) начинается в долине верхнего течения Нила, там, где река покидает разлом, переходя через многочисленные пороги между Джубой и Нимуле. У озера Альберт западные края грабена достигают уже высоты 2000 метров. Однако возрастает и высота зеркала озер относительно уровня моря: озеро Альберт находится в 619 метрах над уровнем моря, озеро Эдуард — 912 и озеро Киву — 1460 метров. Дно

[1] Пенеплен — ровный участок суши, образовавшийся в условиях очень длительного разрушения горной страны экзогенными природными процессами в условиях относительного тектонического покоя.— *Примеч. пер.*

грабена в озере Танганьика лежит на 662 метра ниже уровня моря (!), так что это озеро — второе в мире по глубине (1435 метров, а высота западного края грабена достигает 3300 метров). Из рифтов возвышаются горы Рувензори и группа вулканов Вирунга — наиболее важный для Нила водораздел. Отходящий от озера Танганьика на юго-восток грабен Рукве пересекает Восточноафриканский грабен, расположенный на вулканическом массиве Рунгве (высотой 2959 метров), и продолжается через озеро Ньяса по реке Шире вплоть до Замбези.

Восточноафриканский разлом (шириной от 45 до 65 километров) начинается у озера Рудольф (375 метров над уровнем моря), сильно повышается к озеру Наиваша (1884 метров над уровнем моря), а затем вновь опускается к бессточному озеру Натрон (610 метров над уровнем моря). Отсюда характерная разломовая ступень разветвляется на целый ряд других рифтов и продолжается в горах Усамбараге до озера Ньяса. В этой зоне тектонических разломов поднимаются многочисленные стратовулканы: к востоку массив Килиманджаро (высота 5895 метров) и действующий вулкан Меру (4567 метров), к западу высокогорное плоскогорье кратеров с целым рядом вулканов-трехтысячников с такими звучными названиями, как Лоолмаласин, Лосируа, Керимаси, Олдеани, Ол-Доиньо-Ленгаи, Китумбеине и т. п. Над грандиозными грабеновыми сбросами нередко господствуют плато, нарушаемые лишь столовыми горами, причем высота таких плато в Восточной Африке, как правило, превышает 1000 метров. Но их края обычно значительно выше, хотя это не слишком заметно, поскольку повышение происходит плавно, постепенно. Рельеф центральной части высокогорного бассейна Уганды и Уньямвези походит на сковороду. Расположенное здесь озеро Виктория и внешне, и глубиной отличается от типичного рифтового озера.

Изборожденный многочисленными ущельями, рифт плавно опускается к узкой полоске океанского побережья с вечнозеленой растительностью; в 17—60 километрах от побережья расположены острова кораллового происхождения (Занзибар, Пемба, Мафия).

Из-за подобного рельефа, а также из-за довольно малого количества осадков в Восточной Африке отсутствует область преимущественного стока, как, например, это имеет место в бассейне Конго. Так, воды за-

падной части Восточной Африки направляются в три стороны: из озера Виктория через Нил — к Средиземному морю, через равнину Малагараси, озеро Танганьика и реку Конго — в Атлантический океан и из озера Ньяса через реки Шире и Замбези — в Индийский океан. В Восточноафриканском грабене скудные осадки собираются в наиболее глубоких местах, создавая бессточные, застойные, часто покрытые коркой соли озера.

В климатическом отношении Восточная, или Высокая, Африка отличается от западных районов континента, находящихся на тех же широтах. Годовая норма осадков в среднем менее 750 миллиметров в год — существенно меньше, чем в бассейне Конго. Оба дождливых периода в области озера Виктория, несмотря на его расположение на экваторе, сменяются ясно выраженным засушливым периодом. Причина этого — изменение направлений муссонов. Количество осадков в сезон дождей, наступающий после наивысшего положения солнца в зените (июль в Южной Аравии и Сахаре и январь в районах, простирающихся вплоть до засушливых местностей Юго-Западной Африки), к северу становится меньше. При этом юго-восточный пассат отклоняется юго-западным муссоном, который проходит почти параллельно побережью Африки и превращается на Африканском Роге в сухой степной ветер. Северо-восточный муссон также движется параллельно побережью, однако вследствие своего постоянства (отсутствуют штилевые зоны) не приводит к образованию осадков.

Вечнозеленый тропический лес кончается на западной стороне Центральноафриканского грабена. Высокую Африку на востоке континента характеризуют саванны разных типов и обширные лиственные сухие леса (миомбо*). В прибрежных районах, на склонах, задерживающих осадки, приносимые юго-восточным пассатом, растет пышный тропический лес; а на обратной, подветренной, стороне этого барьера скудость осадков позволяет произрастать лишь колючим кустарникам. На высокогорных плоскогорьях преобладает засушливая саванна с различной растительностью (зонтичными акациями, колючими кустарниками, эуфорбиями) и злаковники (травянистая степь), в которых на передний план выходит скотоводство. Исключение составляют побережье Индийского океана (где растут кокосовые пальмы, манго, мангры, клубневые, зерновые), влаж-

ные тропические леса и влажные саванны. Влажный тропический лес занимает небольшие участки — либо в низинах (близ Энтеббе в Уганде), либо в прибрежных районах (на берегах озера Виктория и рек), либо в горах (вокруг вулканов и гигантских кратеров Килиманджаро, Меру, Нгоронгоро и у массива Рувензори). Влажная саванна в основном характерна для Уганды — трава здесь достигает высоты двух—трех метров, встречаются отдельные группы деревьев и галерейные леса.

С древнейших времен Восточная Африка была местом обитания многих народов, но также и регионом миграций многих народностей. Различия в образе жизни, в общественном развитии, а также воинские традиции, непосредственно связанные с этим, сохранились и до наших дней. На севере почти до экватора живут кушитские народы (сомали, галла), в верхнем течении Нила вплоть до озер Кьога и Альберт — нилоты (ачоли, ланго, алур, букеди). Исторически связаны с ними так называемые нилохамиты, в хозяйстве которых доминирующую роль играет скотоводство; эти народы, ведущие кочевой и полукочевой образ жизни, проникли в Восточноафриканский грабен до 4° ю. ш. Наиболее известные из них — масаи; они кочуют со своими стадами на высокогорных плоскогорьях у горы Килиманджаро и до кенийских нагорий — сердца Кении.

Народы банту живут в областях к югу от экватора — они обрабатывают землю с помощью мотыг. К языковой группе банту принадлежат многочисленные народности сукума, ньямвези, чагга и маконде в Танзании, ганда, сога, гишу, ньоро и другие в Уганде. Тутси и рунди в Руанде и Бурунди родственны нилотам и нилохамитам по общественной организации и культуре, поскольку народы, от которых они произошли, жили в непосредственной близости от нилотов. Однако они переняли язык частично завоеванного ими в прошлом бантуязычного населения. В районе девственного тропического леса Итури, заходящего на территорию Уганды, живут пигмеи. Острова и прибрежные районы испытали сильное влияние арабов, а позже и индийцев. Европейцы, численностью в несколько десятков тысяч, за время колониальной экспансии присвоили себе большие наделы земли на Восточноафриканском нагорье (Центральном плоскогорье). Плотность населения непосредственно зависит от климатических условий. Если в районах с благоприятным климатом (на плоскогорьях

Руанды и Бурунди, в стране чагга у подножия Килиманджаро, на островах Занзибар и Пемба, в округах Букеди и Кигези в Уганде) она составляет от 80 до 135 человек на квадратный километр, то в неплодородных, засушливых районах саванн — менее 5 человек.

Вести от миссионеров

После того как арабы захватили порт Малинди, а затем в 1698 году вернули себе Момбасу, наступила пора заката португальского владычества. В 1730 году Занзибар также оказался под властью султана Маската (Оман). А в 1752 году Португалия решила оставить свои владения севернее мыса Дельгадо, расположенного к югу от города Мтвара, и былая мощь арабов была восстановлена здесь в полной мере. В 1840 году, при султане Сейиде бен Саиде, Занзибар стал столицей самостоятельного султаната. Европейские державы приветствовали появление на восточном побережье Африки сильного властителя, который поддерживал с ними дружеские отношения. Еще в 1837 году на Занзибаре было учреждено консульство США, через несколько лет появилось здесь и консульство Великобритании. Германские ганзейские города также открыли там свои торговые конторы.

К тому времени арабские купцы и работорговцы уже проникли через Багамойо в район крупных озер и основали селение Табора в стране Уньямвези. Килва была южным отправным пунктом для караванов; дорога от нее вела к крупным зонам добычи рабов — этой «черной слоновой кости» — вдоль реки Луалабы (на территории нынешнего государства Заир), где хозяйничали могущественные работорговцы Типпо-Тип, Килонга-Лонга и другие. На севере арабы проникали в государство Буганда, но и в верховьях Конго, вплоть до Арувими, африканцы становились жертвами нападений вооруженных банд. Тяжело груженные арабские *дау*, подгоняемые юго-восточным пассатом, вывозили из Занзибара через Индийский океан богатства Африки: амбру, слоновую кость, черепаховый панцырь и около 60 тысяч рабов ежегодно. В глубине континента тогда существовали различные государства, такие, как созданные народами хехе, бена, как Буньоро, Буганда, Анколе и другие, но некоторые из них настолько сильно были истощены работорговлей, что практически были на гра-

ни исчезновения. В других государствах внутренние устои сильно пострадали из-за непрекращавшихся междоусобных войн и от облав, устраиваемых работорговцами. В эти же годы стало нарастать давление извне в связи с колониальными притязаниями европейских держав — все это ухудшало положение дел. Впоследствии, с приходом к власти султана Саида Баргаша в 1866 году, Занзибар полностью оказался в сфере влияния европейских держав, так что и миссионеры и исследователи получили доступ в глубины континента. Правда, миссионеры и раньше селились на побережье Африки. Так, Иоганн Людвиг Крапф в 1843 году, возвращаясь из Эфиопии, остался жить в Момбасе. Он и в одиночку и вместе со своими соотечественниками Иоганном Ребманном и Якобом Эрхардтом (все они были членами лондонского «Церковного миссионерского общества») совершал полные опасностей путешествия по граничившим с побережьем областям, где не ступала нога европейца. Миссионеры тщательно записывали все, что рассказывали им местные жители, стараясь не упустить информации о внутренних районах континента, о которых в Европе до тех пор ходили самые невероятные слухи. И чем дальше продвигались исследователи в глубь Африки, тем больше их наблюдения опровергали теоретические домыслы ученых. Так, вместо предполагаемого здесь ступенчатого подъема местности, подобного Эфиопскому нагорью, миссионеры обнаружили уже недалеко от берега высокогорные плоскогорья, горы и даже уклон местности к западу. Те, кто путешествовал с караванами, знал, что вершины трех из этих гор — Кингнеи, Донго Энгаи и Килиманджаро — были покрыты чем-то белым, но чем они назвать не могли, так как в их языке не было подходящего слова. Это сообщение послужило для миссионеров верным указанием на то, что на вершинах гор лежат снега.

«Это белое вещество, судя по описаниям, превращается в воду, как только поднесешь его к огню, и такое качество, отмеченное разными людьми, не подходит ни к чему, кроме снега. Ведь, пожалуй, кристалл кварца в Африке точно также не превратится в воду, как и у нас»,— писал Ребманн.

11 мая 1848 года Ребманн первым из европейцев увидел могучую, высившуюся над облаками, сверкавшую снегами вершину горы Килиманджаро, и поднялся до самых дальних селений народа чагга. Через пол-

тора года эту гору видел и Крапф, который, двигаясь дальше в Китуи, первым из европейцев увидел покрытую снеговой шапкой изборожденную ущельями гору Кения. Известия об этом встретили в Европе недоверчиво, их даже опровергали — давно было забыто свидетельство испанца Фернандеса де Энсиско, который в своем труде «Всеобщая география» еще в 1519 году говорил о Килиманджаро как об эфиопском Олимпе. Скептически встретил известие о снежных горах в Африке даже великий путешественник Александр фон Гумбольдт, хотя сам он добрался до края снегового покрова вулкана Чимборасо в Андах.

Но миссионеры стояли на своем, и Ребманн писал вполне недвусмысленно: «Особое же внимание я желал бы обратить на то, что чагга поднимались на гору, наполняли там свою калебасу белой субстанцией, ставили затем ее на огонь и уже через несколько минут пили из нее воду; и еще, что если они брали куски этой субстанции на свои плечи, чтобы отнести ее домой и показать соотечественникам и царю, то куски эти таяли и разваливались, стоило людям спуститься с горы».

Немецкий путешественник Карл Клаус фон дер Деккен безуспешно пытался в 1861 и 1862 годах покорить эту гору. Он подтвердил, что на ней существует снежный покров, о котором говорили миссионеры. Множество других попыток добраться до вершины также потерпели неудачу. Лишь с третьего раза удалось подняться на вершину Килиманджаро лейпцигскому географу Гансу Мейеру, который в 1889 году покорил ее вместе с австрийским альпинистом Людвигом Пурчеллером. Килиманджаро долгое время считалась шеститысячником (6010 метров), однако современные измерения показали, что высота ее «всего лишь» 5895 метров.

Когда-то люди взирали на «Белую гору», на «Гору злого духа» с благоговением — сегодня она стала символом свободной Африки: африканские альпинисты установили 9 декабря 1961 года на ее вершине флаг независимой республики Танганьика, и «пик кайзера Вильгельма» стал называться пиком Ухуру, Свободы.

И еще одно удивительное известие пришло от миссионеров: здесь существует большое озеро, пределы которого неизвестны даже живущим на его берегах народам. В южной части его называют Ньянджа, в северной — Укереве, а на побережье океана — Ньяса или Бахари-я-Уньямвези. В Усамбаре и Танге, в этих центрах

караванных троп, ведущих в глубь континента, Эрхардт расспрашивал многих путешествующих арабов об их путях следования. Это позволило ему так описать три главных караванных пути: «Северный путь начинается в Пангани или Танге и идет в страну, чагга и на масайские равнины, длится такое путешествие от двух с половиной до трех месяцев, и требуется для него носильщиков от 500 до 800 человек. Путешествуют большей частью вооруженные до зубов торговцы рабами и слоновой костью; для обмена они везут стеклянные бусы, медную или латунную проволоку и хлопчатобумажные ткани.

Средний путь начинается в Багамойо и ведет, как говорят, прямо на запад, к Уньямвези, до города Уджиджи на озере Укереве, воды которого пресные, берега плоские, волны большие, рыбы же в нем предостаточно. Говорят, будто озеро там такой ширины, что его можно обойти лишь за тридцать дней.

Третий, самый короткий, южный путь начинается в Килве-Кивиндже и в Килве-Кисивани и ведет к Ниасе. Это главная артерия работорговли, которая заполняет рынок в Килве черным товаром».

Все эти сведения миссионеры свели воедино, и Ребманн изложил их в трех письмах из Момбасы в апреле 1855 года. Они были опубликованы 1 октября 1855 года в «Кальверовом миссионерском листке». Там говорилось: «Мне бы хотелось, чтобы именно „Кальверов миссионерский листок“ получил почетное право первым явить миру карту, на которой наконец-то изображено без покровов самое сердце Африки — неоднократно упоминавшаяся *terra incognita*».

На небольшой карте Ребманна обозначено грандиозное внутреннее море, простирающееся на 14 широтных градусов и имеющее площадь 748 тысяч квадратных километров (это соответствует площади двух Каспийских морей или в 11 раз больше действительных размеров озера Виктория!). Называлось это «озеро Укереве» или же «озеро Уньямези» (Уньямвези). Посреди моря был нанесен «гористый, вершинами достающий небеса остров Кавого» (Кабого), который приходилось огибать, когда переправлялись на другой берег озера. Но карта эта была лишь наброском, предшествовавшим появлению «прекрасной и подробно проработанной карты брата Эрхардта, на которой приведены сведения не только об огромном внутреннем озере и о караванных пу-

тях, ведущих к нему, но и о множестве народностей, проживающих вокруг него к востоку и к западу».

Публикация этой карты стала вызовом тогдашним географам — ведь весть о существовании огромного озера подрывала их теории. Так, особенно резко критиковал сведения миссионеров знаменитый английский географ Уильям Десборо Кули. Он был первым, кто описал еще в 1835 году «великое озеро Ньясси», и с тех пор он собирал все сведения о тех местах.

Как уже говорилось, впервые об этом озере упоминалось во «Всеобщей географии». В 1552 году португальский хронист Жуан ди Барруш сообщал в своих «Декадах» («Азия») о большом озере в центре Африки, которое питает Нил, Замбези, Заир и другие реки. Затем сам Кули написал немало трудов по этому вопросу, где высказывал сомнения относительно указанных миссионерами размеров озера, особенно его ширины близ Уджиджи. Эрхардт выяснил, чтобы переплыть озеро на веслах, обогнув остров Кабого, потребуется 25 дней. Поэтому он и изобразил на своей карте озеро огромной ширины — 670 километров! Однако доверенное лицо Кули, некий Лиф бен Саид, указывал, что расстояние между Занзибаром и Багамойо равно ширине озера, то есть составляет 43 километра. Это, как мы знаем теперь, так и есть на самом деле. Спик, обследуя озеро Танганьика, нашел поразительно простую разгадку этому спорному вопросу: жители его берегов плыли на своих долбленках вдоль восточного берега на юг, до полуострова Кабого, который с северной стороны похож на остров и лишь затем пересекали озеро — в самом узком месте... Время, которое затрачивалось на это (от 9 до 30 дней), зависело от направления и силы ветра, волнения на озере, от ожидания благоприятной погоды. Арабы же, прекрасные мореплаватели, в 1851 году пересекли озеро на лодках за сутки — и Кули это было известно. Он и исходил из этого.

Но какой бы ни была несовершенной карта Эрхардта, все же она содержала немало полезных сведений о целом ряде племен, которых последующие исследователи этих районов действительно встретили там, где они и были обозначены: «племена фипа, винза, а в 16 днях пути также черные красавцы дутси».

Но все его три свидетеля, его источники информации, побывали на берегах трех разных озер (Виктория, Танганьика и Ньяса), поэтому возникло впечатление, будто

они стояли на берегах **одного** огромного внутреннего моря. Впоследствии все же выяснилось, что сведения, содержащиеся на карте Эрхардта, оказались самыми верными, наиболее пригодными к использованию из всех, что имелись в те времена.

Внутреннее море Уньямвези

Сообщения миссионеров о восточном побережье Африки заинтересовали ученых Европы. С одной стороны, разгоревшиеся научные споры, требовали собрать соответствующие доказательства (а заодно и упрочить политическое влияние), с другой — никого не устраивал тот незначительный успех, который имели все попытки снять покров тайны с центральных областей Африки. Многообещающий путь через северные области, через долину Нила, оказался перекрыт преградой, о которой говорилось выше. На западном побережье, зараженном тропической лихорадкой, не было подходящего плацдарма для отправки экспедиций. Но такой плацдарм, и притом отличный, существовал на восточном побережье — это был Занзибар. Он находился в непосредственной близости от неисследованных областей, здесь можно было рассчитывать на поддержку жителей этого острова — арабов и европейцев (консульства европейских стран уже имелись в Занзибаре), а также приобрести необходимые познания в местных языках и войти в непосредственный контакт с купцами, путешествовавшими в караванах,— все это, равно как и возможность провести на этом острове необходимое для акклиматизации время, делали его прямо-таки идеальным отправным пунктом для экспедиций.

Потому и Бёртон со Спиком выбрали Занзибар в качестве исходного пункта своей экспедиции, которая должна была обследовать «внутреннее море Уньямвези». 26 июня 1857 года они в сопровождении 80 человек отправились в путешествие из Багамойо, расположенного на материке против Занзибара; путь их лежал на запад. Засуха и голод отметили своей печатью прибрежную область Узарамо. Арабы называли ее «долиной смерти и колыбелью голода». Путь в глубь материка был усеян ужасающими вехами — трупами умерших от оспы арабов-носильщиков из каравана. В конце концов экспедиция добралась до Таборы на высоко-

горье Уньямвези. Спик отметил в своем дневнике: «Можно назвать это селение главным торговым центром внутренней Восточной Африки, поскольку большинство караванов приходит именно сюда, прежде чем двигаться дальше, к самым отдаленным рынкам слоновой кости на севере, юге и западе».

Селение было основано в 1820 году арабами-работорговцами в центральной части плодородной области. Местные жители ньямвези занимались земледелием и скотоводством, а также вели оживленную торговлю с побережьем. В те времена, когда сюда пришли Бёртон и Спик, приходилось ежегодно предоставлять пропитание полумиллиону носильщиков из проходивших караванов. Табора и после запрета торговли рабами и слоновой костью осталась центром торговли этого района, местом, где европейцы вербовали носильщиков и сезонных рабочих на крупные плантации сизаля.

И по сей день Табора, в которой насчитывается 22 тысячи жителей, остается центром Центральной Танзании. Она является прежде всего транспортным узлом на главной железной дороге, ведущей к побережью, а также ядром большого сельскохозяйственного района.

Итак, после трехмесячного пребывания в Таборе заново сформированный караван опять отправился в путь, а 13 февраля 1858 года он достиг берегов озера Танганьика. Бёртон так описывал этот миг, который он давно предвкушал: «Вот я сделал еще несколько шагов — передо мной во всем своем великолепии лежало озеро, и я преисполнился восхищения и восторга».

Его спутник Спик, очень страдавший от ухудшившегося зрения, так выразил свои ощущения в письме к друзьям: «Можете вообразить себе мое горькое разочарование, если после труднейшего перехода протяженностью примерно в 600 английских миль, в течение которого силы мои были порядком подточены различными болезнями, я увидел в свой звездный час не огромное озеро, а лишь туман да мерцание».

Оба исследователя, ослабленные физически от перенесенных невзгод, оказались в деревне Кавеле (Уджиджи), где им досаждал своими чрезмерными требованиями и чинил всяческие препятствия вождь Каннина. Правда, Спику все же удалось пересечь озеро близ Кабого и тем самым разрешить спор между Кули и Эрхардтом, однако ему не удалось заполучить *дау* шейха Хамеда бен Сулайина, чтобы обогнуть на ней озе-

ро. Не получилась и поездка вдоль озера на север: Каннина решительно отказался плыть вдоль берега, где жил народ рунди. Однако Спик получил подтверждение своей догадке от сына султана Увиры: на севере в озеро впадает река, стекающая с гор, и называется она Рузизи. Северную часть озера окружали горы, и их Спик принял за Птолемеевы «Лунные горы».

Уже тогда исследователи отмечали, сколь богат животный мир озера. С тех пор в озере Танганьика обнаружили более 200 видов рыб. И по сей день рыбу ловят здесь сетями, плетеными корзинами — *вентерями*, а еще, как и некогда, ночью, с освещенных лодок. Массы бакланов, гусей, уток и пеликанов селятся у берегов, здесь же обитают выдры и крокодилы.

В селении Уджиджи, основанном в 1845 году арабами, была гавань, но из-за обмеления озера и слишком сильного прибоя в 1914 году порт был перенесен из Уджиджи в селение Кигома, расположенное в 8 километрах отсюда. Сегодня Кигома представляет собой центр провинции с населением 4500 человек; она имеет значение главным образом как конечный пункт центральной железнодорожной магистрали и как порт.

Банту, живущие здесь, в основном занимаются земледелием, поскольку широкое распространение мухи цеце в этом регионе все еще наносит большой урон скотоводству.

Запасы продовольствия у экспедиции Спика и Бёртона кончались, поэтому пришлось отказаться от дальнейшего обследования озера Танганьика и отправиться в обратный путь; в результате путешественники прибыли в Табору в конце июня. Селение это не только играло ведущую роль в торговле арабов — из-за удобного положения на караванных тропах,— оно тесно связано и с историей исследования Восточной Африки. Ни одна экспедиция не могла миновать его: здесь путешественники находили дружелюбный прием, пополняли запасы провианта, лечили больных. Здесь же исследователи получали от местных жителей важные сведения о неизвестных местностях. Купец Снай бин Амир, которому приходилось немало путешествовать, рассказывал о царстве Уганда (Буганда) и о его правителе Суна II. Ему понадобилось 55 дневных переходов, чтобы достичь столицы царства Кибугу, а по пути ему пришлось пересечь большую реку Китангура (Кагера).

От Сная Спик получил также сведения о существовании Ньянзы, или озера Укереве, которое находилось на севере, на расстоянии 12—15 дневных переходов. Спик предположил, что Снай говорит о Ниле, когда тот сказал, что есть река, по которой плавают большие парусные суда, подобные океанским.

Индийский купец Муса поведал о третьей большой реке севернее экватора, по ту сторону Уганды. Один из приведенных им из тех мест раб из народа ньоро знал эту реку под названием Кивира. Когда же купец Абдулла бен Насиб также упомянул о матросах, ведших вахтенный журнал и умевших пользоваться секстантами, подозрения Спика превратились в уверенность, что речь шла о Белом Ниле. («Быть может, он говорил об экспедиции, которую в прежние годы Мухаммед Али посылал вверх по течению Нила?»)

Желая как можно лучше выполнить поручение Королевского Географического общества — исследовать внутренние озера, Спик решил отправиться к Ньянзе (Укереве) и проверить в высшей степени интересные сведения арабов. Но здоровье Бёртона столь ухудшилось, что он никак не мог принять участие в этом. Правда, он согласился ждать возвращения Спика в Таборе: «Тогда мы сможем привезти на родину сведения из первых рук о четырех крупных озерах, принимающих воды рек Восточной и Центральной Африки, а именно: об озерах Ньяса, Чама, Уджиджи и Укереве».

За 25 дней маленький караван преодолел 226 английских миль — это был поход через местности с красивыми деревнями, великолепными хлопковыми полями и несметными стадами. Через область характерных гранитных скал эта экспедиция попала 30 июля 1858 года на всхолмленный, похожий на фьёрд южный берег Ньянзы, где находилось селение Мванза, конечная цель их пути. Описание, сделанное Спиком, как только он впервые увидел озеро, едва ли может быть красивее и точнее: «Острова, поросшие лесом, между угловатыми, голыми, тесно сгрудившимися гранитными утесами с округлыми вершинами и плавными склонами отражались в гладкой поверхности озера, на которой я то тут, то там обнаруживал маленькую черную точку — крошечный челн рыбака-муанза. От слегка вогнутой поверхности снизу ко мне, сквозь деревья, струился голубой дымок, а из зарослей то и дело выглядывали деревушки и отдельные строения, коричневые крыши

которых контрастировали с изумрудной зеленью красивого кустарника».

Из некогда крошечной рыбацкой деревушки сейчас вырос третий по величине город материковой части Танзании, насчитывающий 36 000 жителей. Живущий полной жизнью, живописно расположенный на гранитных склонах у озера Виктория, этот город является одним из главных портов на озере, а также центром, где помещается правление хлопкового кооператива «Ньянза Коттон Юньон». На землях вокруг Мванзы, вплоть до самой Шиньянги, больше всего посевных площадей отведено хлопку, который является одним из важнейших сельскохозяйственных продуктов, подобно сизалю, и производство 60—80 тысяч тонн хлопка в год обеспечивают исключительно крестьяне-африканцы. Все большее количество «белого золота» подвергается предварительной обработке на кооперативных предприятиях, а благодаря строительству государственных текстильных фабрик сырье перерабатывается теперь внутри страны. В Мванзе кончается железнодорожная ветка, которая еще в 1928 году была отведена от главной магистрали, проходящей через Табору; с 1966 года она связана железнодорожными паромами с сетью железных дорог в Кении (Кисуму) и в Уганде (Порт-Белл).

Джон Хеннинг Спик выше ставил «коммерческое и географическое значение» своего открытия, нежели прелести ландшафта: «Я более не сомневался, что озеро лежавшее у моих ног, дает начало той интересной реке, истоки которой были предметом стольких размышлений и целью стольких исследователей».

Спик с удовлетворением отметил, что ему не придется существенно менять очертания географических объектов на карте, эскиз которой он сделал согласно сведениям, полученным от арабов, и которую он послал в Лондон из Таборы. Когда приближенные султана Махайя из Мванзы рассказали Спику все, что им было известно об Уганде и о громадном озере, он сравнил их рассказ с данными египетской нильской экспедиции и счел, что его выводы абсолютно верны — впоследствии это блистательно подтвердилось.

«Если мы примем во внимание высказывания арабов, что вся местность вдоль меридиана между экватором и 2° с. ш. представляет собой равнину и пересечена множеством рек; если учтем также то обстоятельство, что озеро Ньянза расположено на высоте 4000 фу-

тов, а долина Нила на широте 4° — не выше 2000 футов над уровнем моря,— то действительно было бы весьма странно, если бы озеро это не оказалось истоком Нила. Причина того, что экспедициям, продвигавшимся вверх по Нилу, не удалось дойти до Ньянзы и открыть это озеро,— пороги и водопады, которые не могли не существовать вследствие того большого перепада высоты между северной оконечностью Ньянзы и точкой 4°44′ с. ш., куда могли дойти экспедиции, после чего их дальнейшее продвижение становилось невозможным».

Это полностью соответствовало истине! Спик делал дальше такое умозаключение: «Считают, будто это озеро весьма глубоко, однако я не согласен. Скорее можно подумать, что это — результат разлива реки по бескрайней равнине». На самом деле максимальная глубина озера Виктория — 82 метра!

«Не приходится сомневаться, что это огромное озеро Ньянза и есть грандиозный водоем, питающий Нил».

Так со славой завершилась после нескольких лет лишений экспедиция Бёртона и Спика — были открыты озера Танганьика и Виктория. Она отчасти решила также загадку огромного озера Уньямвези. Спик был убежден, что Нил берет начало в озере Виктория, однако доказательств тому у него не было.

Тайна истоков Нила

В письме из Лондона, датированном 30 мая 1859 года, Спик писал Петерманну в Готу: «Если бы я располагал свободным временем и средствами, я ни за что не вернулся бы в Занзибар, а пробился бы по Нилу в Египет и тем самым устранил бы всякие сомнения относительно того, существует ли связь между открытым мною огромным озером и Нилом. Исполненный сил, будучи совершенно здоровым, сопровождаемый прекрасными помощниками, я вынужден был повернуть назад и идти на встречу со своим спутником. Горька была пилюля, которую мне пришлось проглотить сполна, но теперь, слава господу, она несколько смягчена благосклонными предложениями сэра Родерика Мёрчисона, председателя Королевского Географического общества, который на недавнем заседании обещал мне поддержку, если я выражу желание совершить новое путешествие».

Что же произошло?

Когда первооткрыватели восточноафриканских озер вернулись на родину, их усыпали всевозможными почестями. Всех преисполняла гордость за то, что одно из величайших географических открытий в Африке было удостоено имени королевы Виктории. Правда, вскоре «кабинетные географы» высказали первые сомнения. Они признавали тщательность обследований Спика, однако в то же время обвиняли его в неспособности предоставить решающее доказательство. Даже Бёртон, который никак не мог примириться с мыслью об успехе Спика, называл удивительным тот факт, что никто из географов не взял на себя труд открыто возразить Спику. Он ссылался на авторитет Птолемея и называл истоками Нила озера Танганьика и Баринго. Кули обвинял Спика в том, что он произвольно оформил собранные им непроверенные сведения. Вслед за разгоравшимся спором, в ходе которого и Бёртон, и Спик опровергали слова друг друга, Спику последовало предложение Мёрчисона организовать новую экспедицию и самому убедиться в правильности своей теории, которая подвергалась серьезным сомнениям. Давно уже было признано, сколь благоприятна при этом возможность для европейской страны первой проникнуть в сердце Африки, первой достичь богатой Буганды, найти ключ к Нилу и охранять его. В политических кругах очень внимательно ознакомились с заметками Спика о богатом регионе Ньянзы, где между прочим говорилось: «Если бы эти места находились под властью определенного числа европейцев, а не в руках теперешних властей, какой бы переворот совершился здесь всего за несколько лет! Миру открылся бы огромный рынок, исчезла бы нынешняя пустынность страны, а промышленность и торговля проложили бы путь цивилизации и просвещению... Будь Виктория-Ньянза действительно, как я искренне в том убежден, истоком Нила, какое преимущество доставит это английскому купцу на Ниле и до чего обширное поле деятельности откроется всему миру, если Англия, как я надеюсь, не оставит без внимания это открытие!»

Оно и не осталось без внимания — напротив! Английское правительство выделило 2500 фунтов стерлингов, а парламент Капской провинции добавил еще 300 фунтов и придал Спику и его помощнику Гранту в сопровождение отряд готтентотов. Почти через четыре года, 25 мая 1863 года сэр Родерик Мёрчисон уже смог на

ежегодном съезде Королевского Географического общества дать описание исследовательской работы на основании присланного из Африки материала — и это снискало обоим английским путешественникам, Спику и Гранту, всеобщее признание. А еще месяцем позже сам Спик поведал Королевскому Географическому обществу о разгадке тайны, которую человечество пыталось раскрыть уже несколько тысячелетий.

Два года и пять месяцев понадобилось двум исследователям, чтобы добраться вместе со своими спутниками от Занзибара до «реки у Гондокоро». Год и восемь месяцев ушло на преодоление неизвестного прежде участка пути от озера Виктория до Гондокоро протяженностью в 1100 километров — лишь это дало подтверждение умозаключениям Спика. 29 тяжких месяцев терпели исследователи лишения, пробираясь через почти неизвестные европейцам местности, основали при этом 104 опорных пункта, составили климатические таблицы, собрали сотни экземпляров растений и сделали подробные дневниковые записи. Семь месяцев они провели в качестве узников при дворах местных царей, прежде чем им удалось продолжить свой путь. Они принесли первые надежные сведения о крупных, прекрасно организованных африканских государствах с высокоразвитой культурой; они же нанесли разрушительный удар по мифу о месторождениях золота близ истоков Нила. Путешествие Спика и Гранта проложило путь в глубинные районы Африки, и по нему впоследствии пошли миссионеры и военные. При этом европейцы оказались здесь, как и в других районах Африки, в такое время, когда разбойничьи набеги и торговля рабами были признаком «политического разложения» (Дэвидсон). В хаосе перемен даже крепко спаянные государства Африки не смогли противостоять вторжению европейцев.

Но как же проходило это достопамятное путешествие? 2 октября 1860 года от восточного побережья отправился большой караван. Спутником Спика по путешествию был на этот раз капитан Джеймс Огастес Грант, шотландец, того же возраста, что и Спик; он отличился во время экспедиции тем, что с исключительной аккуратностью выполнял все научные изыскания Из-за задержек при подготовке экспедиции не удалось осуществить план Спика — создать в глубинных районах Африки склад товаров и продовольствия, чтобы до-

бираться туда, не собирая большого каравана. Вот и двинулся в путь огромный, шумный караван, в нем были оба исследователя, 10 готтентотов, 26 белуджей, один араб и 75 освобожденных рабов, один киранго-зи *, 100 носильщиков, 12 мулов, 3 осла, 22 козы, женщины и случайные попутчики. Спик считал, что с наибольшими трудностями они столкнутся на пути от озера Виктория к северу, на землях могущественных вождей западного и северного побережья. Но экспедиция достигла самого озера лишь ценой больших потерь в людях и в имуществе, причем с сильным опозданием против первоначального плана — эти места поразила необычно сильная засуха. Голод сделал почти невозможным покупку продовольствия, а внутриплеменные столкновения в борьбе за титул вождя распространяли кругом недоверие и страх.

Более чем через год после начала путешествия экспедиция перешагнула границы царства Карагве на западном берегу Ньянзы. Спику удалось немало узнать от арабов в Таборе и об этой стране, и о ее правителе Руманике. Руманику, который с сочувствием относился ко всему новому, заинтересовали географические исследования двух белых; он снабдил караван продовольствием и обеспечил всем необходимым. Кроме того, он рассказал Спику все, что знал о природе своей страны, и тот смог составить карту. Когда через полтора месяца вернулись посланные в Буганду гонцы — с вестью, что надо немедля отправиться в путь, поскольку их ожидает правитель Мтеса I, Спик решил трогаться, хотя ему и пришлось оставить на попечение Руманики заболевшего Гранта. Наконец-то Спику удалось перейти реку Китангуле (Кагеру), о которой он слышал еще в 1858 году во время своего первого путешествия: он счел ее «...благородным полноводным потоком шириной в 80 ярдов; он, подобно огромному каналу, проходит существенно ниже поверхности окружающей местности, притом глубина его столь велика, что люди на каноэ при переправе на другой берег не могли воспользоваться шестами, а скорость течения воды в нем равна трем-четырем узлам».

19 февраля 1862 года показалась наконец резиденция правителя Буганды на холмах Рубага.

«Вид был великолепный. Вся гора застроена большими хижинами, каких я прежде в Африке не видел... Дворец, или же парадный вход поразил меня своими

размерами и порядком, в каком он содержался. Большие хижины были увенчаны прекрасными соломенными крышами, будто это множество голов, причесанных одним и тем же лондонским парикмахером; их окружала изгородь из высоких желтых стеблей слоновой травы; внутри изгороди хижины либо примыкали друг к другу, либо их разделяли небольшие дворы, стены которых были сделаны из этой же травы».

После подготовительного церемониала Спик первым из европейцев предстал перед человеком, принадлежавшим к одной из древнейших династий Африки, который был «божественным царем» в этом африканском государстве. Спик так описал его: «Красивой внешности, пропорционально сложен, высокий молодой человек лет двадцати пяти... Он был облачен в весьма красивое одеяние — мбугу * .... в качестве платка держал сложенный кусок луба и кусок вышитого золотом шелка, которым он прикрывал свой большой рот, когда смеялся, или же вытирал его после того, как пил банановое вино... Подле него находились белая собака, копье, щит и женщина — символы Уганды, здесь же и группа военачальников, с кем он вел живейшую беседу; все это — с одной стороны от него, а с другой — стояла группа *вихвези,* колдуний».

Государство Мтесы имело хорошо функционирующую организацию, высокоразвитые ремесла и незаурядную культуру, которая позже принесла народу ганда прозвание «французы». Однако Мтеса во всем следовал традиции, возникшей еще при первых правителях Буганды несколько поколений назад.

Современные представления об истории Буганды отрывочны и требуют большой исследовательской работы, так как старые предания в основном ограничиваются последовательным перечислением наследников престола и описанием лишь некоторых непосредственно связанных с этим событий, но и их следует оценивать лишь после критической проверки. Впрочем, точно установлено, что Межозерье еще задолго до переселения народов в этом регионе населяли бантуязычные народы, занимавшиеся земледелием, и «среди них и нужно искать предков ганда или хотя бы их ядро. Скотоводы-кочевники пришли сюда с севера и северо-востока существенно позже»,— пишет Вальтер Руш, современный историк из ГДР.

Эти завоеватели, говорившие на языке лво и называемые хума (или хима), появились здесь примерно в

1300—1400 годах, подчинили себе местное бантуязычное население и основали в области между озером Виктория, Виктория-Нилом, озером Альберт и Кагерой государственные образования: Буньоро, Анколе и Торо (современное государство Уганда включает, в частности, и эти области). Наследственные правители и государственные чиновники — все были хума.

Буганда, вопреки прежним воззрениям, не была завоевана пришедшими скотоводами. Сами ганда ведут историю своего государства от мифического первого кабаки (правителя) Кинту, который, как утверждается, появился в конце XIV века в области Буганды, где жили уже оседлые группы бантуязычного населения. Третьим кабакой был Кимера — основатель той династии правителей, которая принимала в XIX веке при своих дворах первых европейских исследователей. Относились ли оба этих правителя-пришельца к хима, неизвестно; к тому же это не имеет существенного значения для Буганды, поскольку осевшие иа ее территории хима не оказали заметиого влияния иа развитие государства.

В ходе долгого и сложного процесса диффереициации возник благодаря «своего рода конфедерации» (как характеризовал ее Руш) весьма хорошо функционировавший государственный аппарат, во главе которого иаходился всемогущий самодержец — кабака. Его положение не мог ослабить (да и не хотел этого) даже *лукико*, совет, который в литературе называют также советом вождей; а ведь в него входили исключительно представители аристократии: сам *кабака, намасоле* (мать правителя), *лубуга* (главная жена правителя), *катикиро* (*камровиона*, высший светский чиновник, следующий после правителя по рангу), *кимбугве* (верховный духовный чиновник), *бакунгу* (вожди первой степени, главы районов), предводители батонголе (вожди второй степени, придворные чиновники), главный повар и главный пивовар (обе эти должности относились к самым высоким при дворе). Принятые решения, которые во всех случаях означали поборы с населения (например, сбор налогов, дани, принудительные работы), тут же доводили до самых низов. Население Буганды состояло главным образом из бакопи (крестьяи) и еще в большей степени — из рабов. К обязанностям первых отиосилась, между прочим, и воинская повинность. Для устрашения окрестных иародов существовала армия, где служило несколько тысяч человек. (Стэнли, например,

писал 27 августа 1875 года о Мтесе: «Он набрал войско, в котором насчитывалось до 150 тысяч воинов».) Рабы, захваченные во время похода, принимались в семью крестьянина (если она у него вообще была), однако в XIX веке и кабака и его аристократия все чаще продавали рабов арабским работорговцам.

Воинской повинности подлежал любой свободный житель страны. Когда били в большой тамтам, перед дворцом правителя собиралась необозримая толпа воинов, вооруженных копьями, которые тут же неорганизованно отправлялись в поход. Потери в битвах, в рукопашных схватках бывали чудовищными, а обычай убивать в случае победы всех взрослых мужчин и забирать себе их жен способствовал тому, что женщин было в три-четыре раза больше, чем мужчин; в результате рабыни стоили в Буганде меньше, чем где-либо. За одну рабыню давали трех-четырех быков, а позже — шесть стальных швейных иголок или пару обуви. В то же время, поскольку господствующая прослойка держала большие гаремы, крестьянину с трудом удавалось найти себе жену, даже имея необходимый выкуп.

Мощной армии Буганды помогал значительный флот, который утверждал первенствующее ее положение и на воде. Так, в XIX веке «ганда господствовали на всем озере»,— писал Петерс. Цифры говорят о двухстах-трехстах и более военных каноэ (в каждом могло находиться около ста человек, а самые большие вмещали до 200); командовал ими верховный адмирал, *габунга*.

Европейские исследователи писали после своего пребывания в Буганде об очень суровой юридической практике кабаки и его чиновников, которые довольно часто даже за незначительные проступки назначали смертную казнь. Спик так описывал это: «... связанных преступников вводят и сообщают о случившемся. Тут же произносится и приговор, который порой предполагает мучительнейшую, продолжительную смерть, притом вовсе без проведения следствия или предварительного расследования... Специальным должностным лицам приказывают уничтожить вакунгу, разгласивших какой-либо секрет, а их земельные владения, их жен, детей, собственность — конфисковать. Чиновник, уличенный в том, что он оказывал почести не в соответствии с заведенным церемониалом, приговаривается к смертной казни, причем всякий, кто находится поблизости от него в это время, встает и принимается бить в барабан, что-

бы заглушить его крики о пощаде... а если кто-то случайно обнажит, присаживаясь на корточки, свою ногу, не то повяжет свой *мбугу* вопреки предписанию, его ждет та же страшная участь. Штраф — в виде коров, коз или кур — должен быть собран и передан властям. Тысячи голов скота, целые толпы женщин и детей, захваченных в результате успешного похода против враждебного народа,— все это и отбирают у строптивых вакунгу, награбивших свою добычу».

Но в 1875 году Стэнли после встречи с Мтесой записал в своем дневнике: «Как я помню, Спик представлял юного принца тщеславным и бессердечным тираном, который устраивал массовые казни и развлекался с пышнотелыми женщинами. На меня же Мтеса произвел впечатление умного, незаурядного правителя; он абсолютно заслуживает всех тех сердечных чувств, какие Европа способна к нему испытывать».

Стэнли, конечно же, преувеличивал, отмечая, что Мтесу «больше любят, чем ненавидят, и больше почитают, чем боятся». Пусть стареющий кабака в самом деле претерпел то превращение, какое описал Стэнли, однако нельзя не поверить и словам Спика — их подтверждает вся доступная нам история Буганды. Стэнли, несомненно, относился так к монарху в связи с его «обращением» в христианскую веру, в которую он перешел несколько позже; Стэнли считал, что тем самым будет «осуществлена задача цивилизировать Экваториальную Африку, что немедля позволило бы наполнить светом тьму этого окутанного мраком региона!»

Климатические условия и наличие плодородной почвы способствовали развитию здесь земледелия, которым занимались исключительно женщины; оно достигло высокого уровня развития, став основополагающим элементом экономики. Уже Спик отметил большое количество выращиваемых видов бананов (более двухсот). Выращивали также батат, бобы, тыкву, сахарный тростник, маис (кукурузу), маниок, просо и кофе, однако ни одна из этих культур не имела такого значения, как бананы. Арабы из Занзибара завезли в эти места рис, виноград, лук, гранаты и мак. Любой ганда обязательно имел несколько фикусов (*Ficus lutea*), поскольку непреложный закон в Буганде предписывал всем быть полностью одетыми. Для изготовления одежды использовался луб фикуса, который аккуратно отделяли от ствола, сохраняя цилиндрическую форму, и обрабаты-

вали особыми деревянными молотками. Рану на стволе тщательно замазывали навозом и обматывали банановыми листьями. (Правда, уже через десять лет после путешествия Спика и Гранта *мбугу* было вытеснено одеждой, которую стали ввозить купцы из Занзибара.) Но кроме умения выделывать материал из луба ганда обладали незаурядными навыками в плетении циновок, изготовлении гончарных изделий, в обработке дерева и кожи, в кузнечном деле, чем они отличались от соседних народов. И Спик, и другие путешественники из Европы после него с большой похвалой отзывались о существовавших по всей стране мостах и дорогах, о великолепно задуманных и сконструированных куполообразных жилищах, построенных внутри целой системы обширных чистых дворов.

Прежде чем «духовное благополучие» ганда стало предметом заботы миссионеров, этот народ почитал целый ряд *балубале* (богов), самый главный из которых — Макуза, бог богатства и плодородия,— был одновременно повелителем озера Виктория. Боги войны Кибука (Чивука) и Ненде (Ненда) обитали на деревьях, под которыми им делали жертвоприношения, причем колдуны неизменно забирали в свои руки большую власть. Умерших правителей-*кабак* почитали как полубогов. Похороны их сопровождались грандиозными затратами и жертвами, над их могилами воздвигали гигантские купольные хижины. На горе Касуби в Кампале, примерно в пяти километрах от центра города, в одной из таких хижин покоятся останки трех кабак — Мтесы I (умер в 1884 году), Мванги II (умер в 1903 году) и Чва II (умер в 1939 году).

Быстрое развитие во всех областях позволило Буганде в XIX веке преодолеть двухвековое первенство соседнего государства Буньоро. Спик оказался при дворе Мтесы как раз тогда, когда Буганда без конца враждовала с Буньоро, из-за чего дальнейшее продвижение исследователей в направлении Гондокоро представлялось невозможным. И все же через 139 дней, которые Спик провел при дворе Мтесы, обоим исследователям (Грант успел выздороветь за это время и прибыть в Буганду) была открыта «зеленая улица» на север, в государство Буньоро. Но прежде следовало выполнить главную цель экспедиции: изучить самый исток Нила из озера Виктория. Через три недели перед Спиком открылся желанный вид «камней» (как ганда называли

пороги), преодолевая которые река уходила из озера: «Цель экспедиции была наконец достигнута. Я видел, что древний отец-Нил, вне всякого сомнения, берет свое начало из озера Виктория-Ньянза, и что, как я и предсказывал, озеро это и есть грандиозный источник священной реки... „камни" я назвал порогами Рипон, в честь президента Королевского Географического общества, снаряжавшего в путь мою экспедицию».

Исток Нила был найден! Тысячелетняя тайна получила, наконец, свое разрешение, пусть несколько и прозаичное (как с разочарованием говорили об этом позже в ученом мире).

В 1907 году Уинстон Черчилль при виде истока Нила из озера сказал: «Пожалуй, больше нигде на свете столь огромное количество воды не сдерживается столь малой стенкой».

А примерно через полвека после этого была реализована идея о создании искусственного водохранилища. Сейчас ни порогов Рипон, ни скал, при виде которых Спик ощутил, что сбылась мечта его жизни, больше нет. Их накрыла вода, вытекающая из озера Виктория. В 1954 году еще во времена британского протектората, в Уганде был осуществлен следующий проект: плотина у порогов Оуэн перегородила Нил, благодаря чему уровень озера Виктория поднялся на один метр, а пороги Рипон оказались под водой. Вместе с ними оказалась под водой и памятная доска, поставленная в честь великого путешественника; на ней было написано: «28 июля 1862 года Спик открыл этот исток Нила». Теперь об открытии Спика говорит обелиск, поставленный на берегу Нила. О порогах Рипон напоминает лишь название отеля в Джиндже, в котором всего 23 номера. А сам город Джинджа, где проживает 50 000 человек (второй по величине город Уганды), обязан своим существованием плотине на порогах Оуэн и гидроэлектростанции мощностью в 150 тысяч киловатт. Сооруженные здесь промышленные объекты (металлургический завод, текстильная фабрика, маслобойный завод и т. п.) используют лишь часть производимой электроэнергии — так что у города Джинджа еще все впереди. Однако город, как и прежде, тяготеет к Нилу и к озеру Виктория: здесь находится Восточноафриканский исследовательский институт гидробиологии и рыболовства.

По пути в Буньоро Спика и Гранта надолго задерживали; нередко им удавалось пройти лишь часа два

в день, так как постоянно приходилось ожидать посланцев с обеих сторон. Ведь в этих районах чужеземец не мог сделать и шага без разрешения правителя страны. Эмин-паша жаловался позже, как предлогом для задержания служили всевозможные увертки: «Путь отсюда до резиденции Мтесы отличался тем, что все переходы очень коротки, и ни просьбы, ни угрозы не могут заставить людей двигаться дальше. Если по дороге попадается деревня, то наверняка будет сделана остановка, чтобы напиться воды и передохнуть, так что можно считать везением, если дневной переход длится более двух часов».

Близ «впадения» Кафу в Нил находилась резиденция Камраси, первого из правителей Буньоро, которого посетили европейцы. Он держался со Спиком и Грантом приветливо, хотя впоследствии Бейкер сообщал о нем не слишком приятные сведения. Спик, однако, подчеркивал добросердечие Камраси в противоположность жестокости Мтесы. Перспективы торговли с Великобританией в обмен на разрешение «свободного передвижения» не утратили своей эффективности и в Буньоро. После двухмесячного пребывания там путешественникам было разрешено двигаться дальше. У порогов Карума путешественники в последний раз форсировали Нил, а дальше путь шел на север, через неисследованные местности, вплоть до не столь уже и далекого Гондокоро. 15 февраля 1863 года они прибыли в Гондокоро, где встретили супругов Бейкер; зафрахтованные ими суда стояли здесь на якоре. В дневнике Бейкера так описано их прибытие:

«Спик, казалось, особенно изнурен; он был чрезвычайно худ... весь путь сюда от самого Занзибара он прошел пешком и за все время изнурительного путешествия ни разу не сел на лошадь; Грант красовался в достойных уважения лохмотьях; его голые колени выглядывали из остатков штанин... выглядел он изможденным, и его, пожалуй, лихорадило. Но глаза у обоих сияли тем светом, который свидетельствовал о силе духа, который вел их от начала и до самого конца».

Знаменитая телеграмма, со словами «Нил определен!», посланная Спиком, поведала миру о том, что свершилось величайшее географическое открытие. Из огромного количества откликов прессы на это событие хотелось бы процитировать сообщение корреспондента из Хартума, опубликованное 29 марта 1863 года в лон-

донской «Уикли диспетч»: «Капитан Спик и г-н Грант, два отважных английских путешественника, преодолев все препятствия, пересекли экватор, достигли Гондокоро и находятся сейчас на пути в Хартум. В их багаже, несомненно, решение великой загадки, которая приковывала внимание людей с далекой древности: а именно открытие истоков Нила. Мы пока не имели возможности лично побеседовать с этими господами, однако мы отправляемся на дромадерах навстречу им, чтобы приветствовать их. В следующей корреспонденции я сообщу вам дополнительные подробности».

Раскрытие последней тайны

И вновь первооткрывателей ожидали в Европе почет и слава. Все научные общества, равно как и все, кто увлекался географией, признали это связанное с тяжкими лишениями, выдающееся в научном отношении достижение английских исследователей. Но, как и предвидел Спик, вскоре опять раздались голоса сомневающихся. Одни, пожалуй, были разочарованы столь прозаическим разрешением тайны истоков, хотя все это путешествие предпринималось с тем, чтобы доказать гипотезу Спика, высказанную в 1858 году. Другие же приняли представленную им карту как «неудачную выдумку». Чарльз Т. Бик, английский географ и прекрасный теоретик, большой знаток проблемы истоков Нила, тем не менее считал, что Нил вытекает из озера Танганьика, хотя относительно уровня моря озеро это находится ниже, чем Гондокоро (это уже было известно). В письме Мёрчисону, озаглавленном «Кто же открыл истоки Нила?», он требовал, помимо прочего, признать и свою работу: «... я теоретически открыл это, и я обращался к Вам с просьбой признать меня таковым в Вашей речи на ежегодном собрании общества. Я полагался на Ваше чувство справедливости, ожидая, что Вы и лично, и как президент Королевского Географического общества выразили мне то признание, какого я заслуживаю».

Третьи же считали, что озеро Виктория состоит из множества малых озер. В географическом справочнике 1866 года экспедиции Спика и Гранта, так же как и Бейкера, вообще не упоминаются. Конер[2] упоминал в

[2] Конер Вильгельм (1817—1877) — немецкий географ и археолог, автор книги об участии немецких путешественников в исследовании Африки (1874).— *Примеч. ред.*

двух своих докладах озеро Виктория лишь как «гипотетическое». Генрих Барт отклонил, правда, в своей статье протесты Миани, который возражал против аргументации Спика и Гранта, однако считал возможным, что озеро Виктория питают озеро Баринго и потоки, стекающие по склонам горы Кения; они якобы и были наиболее удаленными истоками реки Нил.

В сентябре 1864 года в городе Бате был организован открытый диспут между Бёртоном, который окончательно стал противником своего бывшего товарища по путешествию, и Спиком — дабы наконец разрешить спорный вопрос. Однако диспут не состоялся: загадочный выстрел, произведенный из ружья Спика в Нестон-Парке близ Кошэма, оборвал жизнь Спика за несколько дней до намечавшегося заседания.

Все приведенные мнения свидетельствовали о борьбе ученых за истину и одновременно раздували былые страсти: где же все-таки находится исток великой реки?

По этой причине даже на памятной доске у порогов Рипон было начертано лишь, что «Спик открыл... этот исток Нила», а сам Спик назвал озеро Виктория «грандиозным истоком, или резервуаром Нила». Он же, однако, признал реку Кагера крупным притоком, питающим озеро Виктория. После открытия озера Альберт Бейкер назвал озеро Виктория «первым истоком» Нила, а Стэнли после своей экспедиции к озеру Эдуард уже говорил о «правом и левом бассейнах» Нила. Мы и сейчас различаем две дренажные системы, которые совместно посылают свои воды по руслу Нила к далекому морю.

Путешествие Спика и Гранта дало мощный толчок исследованию Африки: во-первых, богатые страны в глубинах Африки сулили европейским государствам легкую добычу, во-вторых, требовалось устранить последние сомнения относительно истоков Нила и географии окружающих районов. Последовавшие затем путешествия окончательно разрешили гидрографические и географические взаимосвязи. Одновременно они подготовили почву для раздела Африки.

Уже в 1865 году английское правительство и Королевское Географическое общество направили к великим озерам Африки шотландца Давида Ливингстона. Он, миссионер, врач, исследователь, совершил немало путешествий к тому времени: открыл тайны реки Замбези, обнаружил третье крупное озеро — Ньяса. Теперь его

интерес обратился к истокам Нила — он уже слышал о крупных реках, текущих на север. Так, исследователь считал, что открытая им река Луапула принадлежит бассейну Нила, а один из истоков Конго — Луалабу — он принял за Нил в его верхнем течении. Стэнли, которому удалось обнаружить пропавшего Ливингстона 28 октября 1871 года в Уджиджи, на берегу озера Танганьика, напрасно бороздил воды в северной части озера в поисках истоков Нила. Позже Ливингстон сам правильно оценил причастность Луалабы к системе реки Конго, однако доказать это ему уже не довелось: 1 мая 1873 года он умер от приступа тропической лихорадки.

Экспедиции Стэнли окончательно подвели итог в спорном вопросе об истоках Нила. Во время своего второго путешествия он объехал все озеро Виктория за 58 дней. Он доказал, что это действительно о д н о о з е р о (вопреки мнению Бёртона) и что площадь его не столь велика, как полагал Спик,— 55 680 квадратных километров против 75 110 квадратных километров, по оценке последнего. Река Кагера, которую Стэнли назвал Александра-Нилом, оказалась полноводной глубокой рекой. Сведения, что «ганда-тонголе называют Александра-Нил матерью реки, что течет близ Джинджи или у порогов Рипон», были для него достаточным доказательством, чтобы эту реку считать главным истоком Нила. Завершив путешествие вдоль берегов озера Виктория, Стэнли записал в путевом дневнике: «Спик, таким образом, может полностью насладиться славой первооткрывателя крупнейшего внутреннего озера на Африканском континенте, равно как и его главного притока и стока. Я не могу не сказать по поводу его, что он лучше понимал географию местностей, по которым путешествовал, чем кто-либо из упрямых противников его гипотез, и хочу выразить своими строками восхищение этим гениальным географом, который лишь на основании рассказов местных жителей смог мастерски нанести на географическую карту очертания озера Виктория-Ньянза».

Впоследствии объезд озера совершили и английские миссионеры, а Церковное миссионерское общество даже прислало сюда пароход «Элинор». На своем обратном пути к побережью Индийского океана русский путешественник Юнкер пересек озеро за 26 дней. Уже в те времена торговцы-арабы использовали вместо обычных весельных лодок свои барки-*дау*, оснащенные огромным

парусом — точно такие же существуют и сейчас, их паруса ярко и разнообразно раскрашены.

Стэнли объехал озеро Танганьика за 51 день. Английский исследователь Африки Верни Ловетт Камерон уже в 1874 году обнаружил реку Лукуга, через которую осуществлялся сток из этого озера в систему реки Конго. Но спуститься вниз по ней ему не позволили, как прежде и Ливингстону, арабские торговцы рабами[3]. Лишь Стэнли удалось осуществить это опасное, исполненное приключений предприятие. Путешествие длилось девять месяцев, его ожидало ожесточенное сопротивление местных жителей, но он все же смог добраться по Конго до самого устья.

В 1874 году Шайе-Лонг открыл озеро Кьога — мелководное, заросшее папирусом, камышом и усеянное островами. Он назвал его озером Ибрагим-паша и считал, что оно — «крупный резервуар», который «и есть действительный исток Нила»: дело в том, что половодье во время сезона дождей заставило его сделать неправильный вывод о размерах и значении озера.

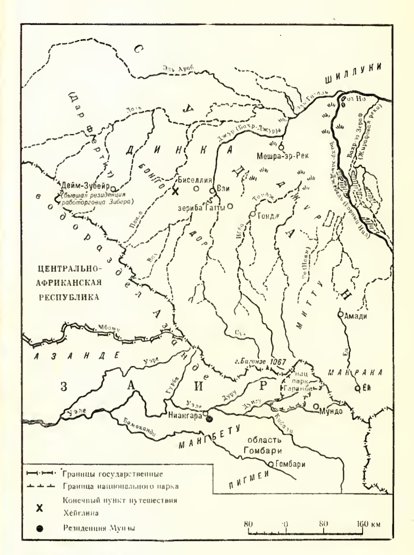
Оживленная исследовательская и миссионерская деятельность, связанная с начальным периодом колонизации этих мест, помогла прояснить еще немало частных вопросов. Ценные географические сведения дали и путешествия миссионеров в Танзании, и экспедиция Г. А. Фишера, посланная с целью выручить Эмин-пашу и Юнкера, и экспедиции графа Шамуэля Телеки и Людвига фон Хёнеля в район гор Кения и Килиманджаро, Ганса Мейера и Оскара Бауманна к истокам реки Рувуву, Рихарда Кандта к истокам Рукарары.

Все эти путешествия довершили впечатляющую картину раскрытия древней тайны, для решения которой двое 33-летних мужчин около 120 лет назад отправились в неизведанные дали. Спик и Грант были среди тех немногих, кому удалось завершить первоначально задуманный план. Всякий, кто знаком с историей открытия и исследования Африки, знает, сколь редко это удавалось осуществить и сколько мужества, силы и энергии требовалось желавшему достичь поставленной цели.

---

[3] Реальными хозяевами положения в бассейне верхнего течения р. Конго были арабо-суахилийские работорговцы, располагавшие значительными по местным масштабам вооруженными отрядами.— *Примеч. ред.*

БОЛОТНЫЕ ДЖУНГЛИ В БАССЕЙНЕ ЭЛЬ-ГАЗАЛЬ

Притоки Эль-Газаль

> Для описательной географии гидрография Африки представляет собой наиболее трудный объект исследования.
>
> *Георг Швейнфурт*

Как нильским экспедициям, снаряженным Мухаммедом Али, так и вскоре последовавшим за ними на парусных барках европейцам и «турецким» торговцам и предпринимателям, двигавшимся вверх по Белому Нилу, ничего не было известно о западных притоках великой реки. При виде огромных лагун, простиравшихся под беспощадным солнцем Африки в области Сэдда, Фердинанд Верне, участник второй нильской экспедиции, высказал мысль, что, судя по всему, у Нила и на западе должны иметься значительные притоки. Его догадки оправдались: продвигаясь на запад, исследователи обнаружили разветвленную сеть разнообразных рек, которые собирают воды всех скромных ручьев и незначительных речушек и несут их к Белому Нилу.

Бассейн западной области стока образован в процессе опускания земной коры. Северная его граница — поднимающееся на 500 м пустынное столообразное нагорье с отдельными возвышенностями, а высота Нубийских гор достигает 1500 метров. С запада этот бассейн ограничен плато Дарфур с вулканическим массивом Джебель-Марра (3088 метров). На юге расположено широкое, круто спускающееся к бассейну Нила плато Азанде — знаменитый водораздел Конго и Нила, который исследователям-европейцам так долго не удавалось обнаружить. В южной части этого огромного бассейна у всех притоков прекрасный сток, берега у рек высокие и крутые, но затем угол наклона местности уменьшается и реки сильно разветвляются; в конце июля эту равнину затопляет полая вода. Бессчетные раковины погибших улиток, выбеленные солнцем, стали для Швейнфурта доказательством грандиозности разлива вод, стоком которым служит Эль-Газаль. Узкое русло вьется по заболоченной местности, но часто плавучие травяные покровы перегораживают и запруживают реку. Отмели из пресноводных устриц (*Aetheria cailliandi*)

и заросли амбачевого кустарника замедляют и без того слабое течение, практически останавливают его.

В озере Но, которое арабы называли Биркет-эль-Газаль, а местные корабельщики — Мокрен-эль-Бохур («Впадение рек»), Эль-Газаль соединяется с Горным Нилом. Хотя ее и считают притоком Нила, стоит вспомнить, что в ней собираются воды из площади бассейна, превышающей площадь бассейна экваториальных озер, откуда Нил изначально берет свои воды. Характер отдельных притоков Эль-Газаль столь же различен, как различны растительные зоны всей ее водосборной площади. С зоной экваториального тропического леса, к северу от водораздела Конго и Нила, где текут уже и притоки Конго, граничит влажная саванна. Она очень разнообразна по своим видам: здесь есть и пышный вечнозеленый галерейный лес в ущельях и долинах рек, и рощицы борассовых пальм и заросли бамбука, и редколесье с лиственными деревьями; и травянистые пространства паркового типа с редкими деревьями; и, наконец, собственно саванна, в которой обычно к началу сезона дождей местные жители выжигают злаковые, достигающие высоты до пяти метров с целью увеличить посевные площади для клубнеплодов (батата) и для сорго. Животноводство и в этом районе страдает от мухи цеце, поэтому ведущая роль принадлежит земледелию. Богатая растительность появляется благодаря продолжительному дождливому сезону — от семи до восьми месяцев в году, причем годовое количество осадков составляет до 1500 миллиметров, а температура воздуха практически неизменна.

К северу от этой зоны находится пояс засушливой саванны (полуаридная зона), где сухой сезон длится пять—семь месяцев, количество осадков в год несколько меньше (до 1000 миллиметров), а колебания температуры уже значительны. Здесь преобладают высокие травы с группами деревьев и кустарниками, а также редкие перелески из лиственных деревьев, которые оправдывают название этой зоны — «парковая саванна». Здесь уже перед земледелием имеет преимущество животноводство; разводят крупный рогатый скот и овец, но тем не менее и земледелие остается важным элементом экономики — крестьяне выращивают просо, арахис, хлопчатник и клубнеплоды.

В грандиозном бассейне Эль-Газаль обитает множество народов; тех, что жили вблизи Белой реки (Бахр-

эль-Абьяда, то есть Белого Нила), знали еще со времен первых экспедиций, а о жителях далеких юго-западных районов имели представление лишь по древним легендам или по увлекательным рассказам, так сказать, заслуживающих доверия очевидцев. Различен был путь развития культуры этих народов, различен характер общественной организации, и не менее различны формы добычи пропитания — охота, земледелие, скотоводство. Ученые, путешествовавшие здесь (Хёйглин, Швейнфурт, Марно, Юнкер), уже тогда отмечали различия народов в телосложении и в цвете кожи. От исключительно высоких, стройных, иссиня-черных нилотов болотного края, от народов шир, джур, бонго, бари, которые более коренасты и светлее цветом кожи, до народов азанде (ньям-ньям, макарака и мангбету), приземистых, с коричневой кожей.

Народы эти существовали в соответствии с собственными формами организации общественной структуры, впоследствии же, когда сюда вторглись работорговцы из Египта и Нубии, она была либо полностью, либо частично разрушена. Ученые пришли в этот район уже после этого, и все эти народы — за немногим исключением — они застали уже в состоянии упадка.

Первые шаги в неведомый мир

От озера Но путь до сих пор вел по реке к югу, где Нил известен как Бахр-эль-Джебель, или Горный Нил,— через необозримые заросшие папирусом заболоченные пространства Сэдда; причем путь этот приводил к опорным пунктам торговцев слоновой костью, в земли народов киче и бари. О самом же озере Но представления тогда были самые неопределенные — как о величине, так и об очертаниях. На самых первых, довольно еще несовершенных картах это озеро вообще обозначалось в виде «лагуны в грандиозном болоте, заросшем травами и камышом», как «заболоченное пространство». Сведения о каком-то крупном притоке, впадавшем в озеро с запада, были весьма скудны и полны лишь смутных предположений. Некто Пальме — чех, который в 1837 году путешествовал по Кордофану по своим торговым делам, отмечал в своих записках: «Говорил я еще с тремя людьми. Двое родом из Борну, а третий — из Бинга, но в Борну провел пять лет; все

они уверяли, что в тех местах течет река, которую тамошние жители называют Эль-Газаль, поскольку воды ее чисты, как колодезная вода. Но откуда она течет, они сказать не могли, только твердили в один голос, что несет она свои воды в сторону Банды, где ее называют „белой рекой", потому что там она другого цвета — из-за почвы, цвет которой она приобретает чем дальше, тем больше».

Бинга — так и в самом деле называлась земля к югу от Дарфура. И, таким образом, невзирая на умозрения, в этих свидетельствах было зерно географической истины.

В 1837 и 1839 годах Русеггер, а также Кочи сообщали в описаниях своих путешествий о существовании некоей реки Кейлак: «Пожалуй, это общее название какой-то обширной, многоводной местности. Вообще же, мне доводилось слышать, что здешние реки Эль-Газаль и Misселат берут начало в очень отдаленных местах».

Еще никто не знал, что названия эти относятся к одной и той же реке, которая объединяет воды всех западных притоков, а затем во время дождливого периода превращается в грандиозное болото и отдает свои воды Белому Нилу по бесчисленным протокам и похожим на озерца лагунам, сбивая с толку и приводя порой в отчаяние капитанов речных судов.

Все же в 1852 году одному торговцу-копту из Хартума по имени Хáбеши удалось заплыть в это озеро-болото, так как в это время воды под килем его барки оказалось достаточно, а самого его обуревало желание вести торговлю в западных землях. К тому же его барку со всех сторон окружала вода, низкие берега реки расступились, и ночью матросам даже пришлось плыть, ориентируясь по звездам.

В том же году сардинский консул Водей предполагал совершить путешествие по Эль-Газаль до таинственной страны Дарфур, «одного из самых больших государств в Африке, по сей день еще неведомого»,— по словам Пальме,— с 1793 года там не бывал никто из путешественников-европейцев. Это смелое предприятие, однако, завершилось, еще не успев и начаться — консула убили местные жители. Увлеченный планом Водея, а также возможностью основать новые торговые поселения, Брён-Ролле по прошествии всего четырех лет предпринял новую попытку продвинуться вперед по западным притокам Нила, а если удастся, и добраться до султана-

та Вадаи, куда чужеземцам не было доступа (примерно в те годы там убили как «турецкого шпиона» немецкого исследователя Эдуарда Фогеля). Путешествие Брён-Ролле по воде и не могло, правда, достичь цели, поскольку Эль-Газаль брала свое начало далеко на юге от этой страны. Гидрография султаната Вадаи была в те времена предметом самых смелых высказываний. Все же путешествие предприимчивого сардинца Брён-Ролле дало ощутимый толчок дальнейшим исследованиям Эль-Газаль. Благодаря ему стало известно еще больше названий этой реки — прибавилось несколько новых услышанных от местных жителей; он распространил первые известия об этом своеобразном регионе, где кругом одни болота, озера и протоки, а по берегам живут нуэры и динка. Брен-Ролле продвигался вперед с неимоверными трудностями: «Нам приходилось выдергивать тростник, из-за которого протока была непроходима, а нашим людям — волочить судно и перетаскивать его через различные препятствия, чтобы продвигаться дальше».

Все же им удалось пробиться к озеру народа рек (одного из динка), которое впоследствии назвали Мешра-эр-Рек; оно стало важнейшим местом высадки торговцев слоновой костью на всем протяжении Эль-Газаль — дальше пройти по реке не удалось — из-за противодействия местных жителей и из-за низкого уровня воды в реке. Попытки Брён-Ролле что-либо узнать о водном режиме двух притоков, лежавших выше по течению, ни к чему не привели. Когда же после него на озере Мешра-эр-Рек побывал Хёйглин, он описал это озеро, как «обширный водоем, заросший тростником, незначительной глубины, границы его вообще весьма неопределенные и зависят от количества выпадающих в дождливый сезон осадков: он то увеличивается, то уменьшается, хотя его и питают круглый год некоторые довольно крупные реки».

Лишь Швейнфурт прояснил гидрографические условия этой местности, установил, где находится исток реки Суэ (Джур), которая еще в селении Вау имеет солидную ширину — 60 шагов; он же обследовал Тондж (Бах, Ибба), низовья которого в сезон дождей всегда покрыты водой, и реки эти сливаются с водами Эль-Газаль.

Но вернемся к Брён-Ролле. Он упоминал в своих записках, что все озера и заводи здесь считаются собст-

венностью живущих на их берегах племен, так как лишь там местные жители добывают себе пропитание: рыбу и семена лотоса. С озера Мешра-эр-Рек путешественник послал своих людей в страну народа джур (луо) купить слоновую кость — и они вернулись с богатой добычей. У африканцев (прежде те, правда, убедились в мирных намерениях пришельцев) без труда удалось за бисер и дешевые ткани получить слоновую кость. Тем более, что те никак не могли взять в толк, зачем это белым людям слоновые бивни, из которых местные жители делали ограждения вокруг своих жилищ. Об этом рассказывал еще в 1853 году граф д'Эскейрак де Лотюр: «Турецкий офицер, бывавший в стране динка, уверял меня, что хижины их правителя окружены изгородью из слоновых бивней, причем толстый их конец вкопан в землю, а бивни поставлены так, что наверху они скрещиваются. Правитель имеет слоновую кость в несметных количествах: правда, крепость, подобная той, что он себе устроил, способна скорее привлечь алчного неприятеля, нежели отпугнуть его».

Хейглин также писал о большом количестве слоновой кости: «Я много видел тогда этого ценного товара у жителей на берегах водных пространств: они охотились на слонов, обитающих огромными стадами в болотах и девственных лесах, лишь из-за мяса, а бивни почти не использовали, так что выменять их можно было на несколько пригоршней самого обыкновенного венецианского бисера. Хотя негры и делали из слоновой кости браслеты, дубинки, трубы и даже колья, к которым привязывали коров, но ценностью в их глазах этот материал никакой не обладал, так что они обычно бросали бивни на месте, когда убивали слона».

Запасы бивней заметно увеличивались, потому что в первую очередь народы, жившие к югу от реки Джур, охотились не за одиночными слонами, как динка (те порой целый день загоняли слона в ловчую яму), а сразу за стадом, окружая его кольцом степного пожара. Животные не могли спастись от горевшей, как порох, сухой пятиметровой травы. Слонов, оставшихся в живых, добивали копьями. Швейнфурт участвовал в подобной «охоте», которая из-за постоянно возраставшего спроса на слоновую кость превратилась в настоящую кампанию по уничтожению животных. Он горестно сетовал: «Это прямо-таки бойня — уничтожают и старых и молодых слонов, самцов и самок; но к чему подобное

истребление? Взгляните на все наши набалдашники для тросточек, биллиардные шары, клавиши роялей, гребешки и веера, на бездну тому подобных безделиц — вот вам и ответ. Нечего удивляться, если благородное животное, которое человек мог был применить себе на пользу, еще при нашей жизни перейдет в разряд некогда существовавших на Земле — подобно туру, морской корове и дронту»[1].

Завершив свое путешествие, Брён-Ролле стал утверждать, что нашел истоки Нила. И хотя он плавал по водам и Белого и Голубого Нила, Эль-Газаль показалась ему столь широкой и глубокой, что он не испытывал более сомнения, что это и есть «истинный Нил»! Пусть он ошибался в этом своем предположении, но путешествие открыло богатые земли по берегам Эль-Газаль для хартумских купцов. И здесь немедленно начали эксплуатировать богатые запасы слоновой кости, так что бесстыднейшее разорение и порабощение оседлых племен произошло всего за несколько лет.

После Брён-Ролле на Эль-Газаль появился некий Весьер, французский охотник и искатель приключений, который первым отважился добраться до «пользовавшихся дурной славой» ньям-ньям (азанде), а за ним и Альфонс де Мальзак, в прошлом атташе при французском посольстве, приобретший печальную известность жестокого работорговца. Они намеревались основать так называемые торговые фактории. Интересен отзыв Хейглина о Мальзаке, имя которого было всем известно: «Человек этот с 1857 до 1859 года держал у себя на службе несколько сотен нубийцев из Бербера в качестве охотников за рабами и за антилопами, причем платил он им исключительно рабами. Даже вдали от места его жительства все было разграблено, сожжено, опустошено, любого, кто оказывал сопротивление, тут же убивали, совершая всякого рода зверства».

С той же целью колесили по этим местам братья Жюль и Амбруаз Понсе; итальянец Анджело Кастель-Болоньези добрался через озеро Но до Мешра-эр-Рек, а англичанин Джон Питрик, ставший потом английским консулом в Хартуме, в 1858 году добрался через озеро

[1] Морская корова — крупное морское млекопитающее (длина до 8 метров, вес до 3,5 тонн), обитавшее в районе Командорских островов. Дронт — крупная бескрылая птица (весом до 20 кг), обитавшая на Маскаренских островах Индийского океана и вымершая в XVII—XVIII веках.— *Примеч. ред.*

Но на юг, в страну ньям-ньям. Селение Мундо, куда он дошел тогда, находилось на 3°40′ с. ш.— в то время никто еще не забирался так далеко на юг, к экватору[2].

Как правило, все эти коммерческие предприятия приводили к интересным географическим открытиям: к примеру, знаменитое путешествие Карло Пьяджа в начале 60-х годов прошлого века в земли ньям-ньям проходило в таких широтах, где еще не было ни одного европейца. Наблюдения Пьяджа дополнил маркиз Орацио Антинори, который, пожалуй, первым снял с этих мест карту местности, используя компас и часы. Однако по-настоящему снять карту местности удалось лишь благодаря серьезной научной подготовке Хёйглина.

Уже во время первого своего путешествия по среднему течению Белого Нила и по Кордофану Хёйглину удалось собрать ценные сведения об окружающей местности, и благодаря собственным исследованиям и сообщениям известных путешественников — бельгийца Прюйсенера, англичанина Бейкера, австрийского купца Кляйнчника, а также арабов Абд-аль-Ваххаба и Малем Дауда. В результате родилось предположение о связи Бахр-эз-Зерафа, или Жирафовой реки, и Джура с Белым Нилом. Хёйглин смог также правильно классифицировать Бахр-эль-Хомр, который часто упоминался, но еще не был обнаружен,— это река Бахр-эль-Араб, существовавшая, если выпадали дожди, и получавшая воду через пересыхающее русло Вади-Ибра от массива Джебель-Марра из Дарфура. Но самые важные данные Хёйглина — о ньям-ньям; впоследствии все они почти без исключения были подтверждены Швейнфуртом.

После завершения германской экспедиции, отправленной на поиски Эдуарда Фогеля (1861—1862), Хёйглин вместе с сопровождавшим его Штёйднером от селения Митсива добрался через страну галла в Хартум. Там уже велась спешная подготовка большой экспедиции: в ноябре 1862 года из Гондокоро сюда вернулась голландская путешественница Александрина Тинне в сопровождении матери и тетки. В одном из своих писем в Европу она с некоторым разочарованием писала: «Что касается поисков истоков Нила, то люди здесь смеются над этим. Когда оставишь позади реку Собат, видно, что в Нил впадают сотни небольших речушек. В Гондо-

[2] Швейнфурт в начале 70-х годов XIX века доказал, что Мундо находился на 6° с. ш.: Питрика подвели недостаточно точно выполненные измерения протяженности пути.— *Примеч. пер.*

коро же шесть—восемь месяцев в году идет дождь, хотя и с перерывами, но это такие сильные ливни, что начинает казаться, будто Нилу вообще не нужны никакие истоки. Относительно гор могу сказать, что встречаются отдельные возвышенности и мы их тоже видели вдали — ничего выдающегося они из себя не представляют. Ничто здесь не напоминало какую-нибудь из крупных горных систем в Европе. Горы здесь круто поднимаются из песчаной или же покрытой водой равнины».

И все же она вновь собиралась в путь. Огромное состояние этой голландки позволило снарядить новую экспедицию так, как это выпадало на долю совсем немногим подобным предприятиям. Только за пароход госпожа Тинне́ заплатила его владельцу Халиму Баше 25 тысяч франков. Кроме того, в экспедиции участвовали двухмачтовая дахабийе, три барки-некера, четыре вьючных верблюда, одна лошадь, более двадцати ослов; госпожу Тинне́ сопровождали 65 солдат с мушкетами, десять пехотинцев во главе с турецким офицером, один драгоман, множество прислуги; с собой было взято несметное количество ящиков и тюков с боеприпасами, продовольствием и товарами для меновой торговли из расчета шести—десятимесячного путешествия (в том числе полторы тонны бисера-стекляруса и 12 тысяч раковин каури!). Пароход должен был еще вернуться в Хартум и доставить экспедиции дополнительный провиант. Хёйглин не замедлил с радостью воспользоваться исключительно благоприятной возможностью принять участие в этой экспедиции, и вот 25 января 1863 года они отчалили от мыса Мокрен в Хартуме. Маленькая флотилия без особых происшествий добралась до Эль-Газаль, а затем стала продвигаться вверх по этой реке с не меньшими трудностями, чем суда, незадолго до того доставившие в эти места материал для только что основанных торговых пунктов по добыче слоновой кости. За восемь дней матросам удалось пройти по болотам и через чащу амбача менее пяти миль. Это примечательное растение вошло в научную литературу благодаря Кочи под названием «*Aedemone mirabilis*». Кочи не подозревал, однако, что оно широко известно в Западной Африке. Древесина амбача славилась своей легкостью, вместе с тем его заросли часто легко образовывали плавучие заграждения. Он способен вырасти над водой на 3—4 метра при максимальной толщине ствола 15 сантиметров. Амбач невероятно быстро размно-

жается, разрастается, пуская корни в воде. То и дело от его зарослей отрываются большие куски и движутся под действием ветра и течения, причем они порой настолько забивают протоки и каналы, что практически делают невозможным движение пароходов. В дневнике Хёйглина есть такая запись об амбаче: «Амбадж (*Aedemone mirabilis Kotschy*) растет в довольно глубокой воде, порой совершенно покрывая своими зарослями берега Абьяда и его притоков,— притом неширокими, но густыми полосами. Заросли эти я могу сравнить только с сильно измочаленными метлами. Представьте себе скопище большей частью обломанных серых жердей, совершенно без листьев, высотой футов 20—25, а на жердях этих совсем немного столь же безжизненных, чаще всего горизонтально расположенных ветвей, растущих ближе к верхушке. Среди обломанных трухлявых стволов порой встречается молодой побег со скудными, перистыми, как у мимозы, листьями, а среди них — несколько крупных, оранжево-желтых, похожих на бабочку цветков, да еще короткие толстые шипы на ветвях. Бесчисленные бакланы и змеешейки отдыхают на их ломких, сухих верхушках, и их помет оставляет беловатые следы на раскачивающихся стволах».

Через несколько дней суда вошли в Мешра-эр-Рек. В болотах Эль-Газаль лишь на этом озере, больше похожем на болото, можно бросить якорь. Название свое озеро получило от живших на его берегах бывших «хозяевах» этой болотистой местности: племени рек из народности динка. Зная описания других путешественников, Хёйглин не возлагал больших надежд на это озеро. В самом деле, ширина чистой воды всего 30—40 шагов, дальше виднелся островок с заболоченными берегами и заросшие болотной растительностью протоки. На илистом берегу, в прибрежном камыше, стояли, тесно сгрудившись, более двадцати барок из Хартума, дальше были небольшие огороды, посаженные корабельщиками, которые выращивали на них фасоль и лук, а еще дальше — кусты, заросли мимозы и загоны для скота, мурахи, принадлежавшие динка. Эта заводь в самом центре бесконечных зарослей папируса, в царстве москитов была желанной целью многих устремлений, стольких тщетных попыток пробиться в эти места. За последние годы Мешра-эр-Рек стал важным перевалочным пунктом товаров, которые требовалось доставлять в Хартум из внутренних районов: рабов и слоновую кость.

Хейглин еще до наступления сезона дождей намеревался пройти по Джуру и Понго, он хотел провести сезон дождей «среди жестоких хвостатых ньям-ньям», оказавшихся на поверку «довольно цивилизованными, мирными существами», а дальше добраться до самого озера Чад. С огромными трудностями, которые создавали хартумские торговцы, не желавшие, чтобы «посетили „их владения", где они хозяйничали без зазрения совести», начался поход во внутренние области. Из-за повальных грабежей и убийств, совершаемых жившими в зерибах наемниками, жители окрестностей Эль-Газаль вели себя крайне агрессивно, и это, конечно же, мешало путешественникам. Хёйглин замечал по этому поводу:

«Если при таких обстоятельствах и при существующей системе грабежей и убийств эти бедняги либо стараются избежать встречи с караваном, либо же нападают на него, они не так уж и неправы, хотя страдают от этого одни безобидные путешественники, тогда как так называемые „команды" выступают против туземцев сплоченно и малейший повод со стороны последних используется для проведения прибыльного грабительского налета „*газва*"».

По равнинной местности Каба с отдельными группами растений, кое-где усеянной грандиозными колониями грибообразных термитников, экспедиция добралась в страну народа джур, где они жили бок о бок с динка. (Питрик первым дал весьма образное описание джур.) Хёйглин смог также еще переправиться через реку Джур и дойти до горного массива Косанга (в области Вау, в верховьях Понго), где жили бонго (дор). Изводимый нескончаемыми стычками с владельцами зериб, от которых экспедиция крайне зависела, ослабленный лихорадкой и дизентерией («Все больны и страдают, и я опасаюсь, как бы с нашей потерявшей управление командой не случилось худшего»), Хёйглин, переживший также смерть и матери г-жи Тинне, и Штёйднера, и Шуберта, вернулся вместе с остальными членами экспедиции («последние гнилые остатки путешествовавших») в Мешру, а затем и в Хартум. Судьба уготовила печальную участь также и обеим голландским дамам. Тетка Александрины Тинне́ умерла сразу по возвращении в Хартум. Саму же фрейлейн Тинне́ убили туареги, сопровождавшие ее во время путешествия в 1869 году в Борну, откуда она собиралась добраться до Нила.

Но если многие из участников этой экспедиции умерли, то научный материал в целом благодаря наблюдениям Хёйглина оказался великолепным. Особенно следует отметить богатейшие ботанические и зоологические коллекции, а также описания племен джур и бонго. Еще накануне этой экспедиции Хёйглин записал у себя в дневнике: «Там, вблизи Джура, по моему твердому убеждению, находится брешь, или ворота, через которые можно попасть далеко в глубь страны».

Но лишь Швейнфурту посчастливилось доказать правильность этого утверждения.

В сердце Африки

Швейнфурт, прославившийся своими путешествиями по Африке, оказался лицом к лицу с грандиозной задачей, когда в 1869 году, после Пьяджа и Хёйглина, он добрался до болотистых районов Эль-Газаль. Берлинская Академия наук выделила ему большие средства из фонда Гумбольдта, предназначавшегося для исследования природы и для путешествий,— при этом принимались во внимание как его научные данные, так и наличие одобренного плана исследований. Снабженный множеством официальных рекомендательных писем, Швейнфурт собирался уже в самом начале путешествия присоединиться к хартумским торговцам слоновой костью. Ему было известно, что на Верхнем Ниле авторитет египетского правительства, равно как и ценность выданных им бумаг, практически ничего не стоят: во всех владениях и на всех дорогах распоряжались купцы, а значит, от них зависело количество носильщиков и продовольствия. Путешественник был препоручен хартумскому торговцу слоновой костью по имени Гаттас — сам губернатор возложил на того ответственность за жизнь и имущество Швейнфурта. Однако наибольшее значение для успеха всего предприятия имела встреча с Мухаммедом Абд-эс-Саматом. Этот нубиец, купец и владелец барки, по словам Швейнфурта, был исключением среди дельцов, орудовавших на Верхнем Ниле — ведь все они враждебно относились к путешествовавшим в этих местах ученым. Он неизменно проявлял заботу о безопасности Швейнфурта, снабжал его всем необходимым, всячески поддерживал и помог ему добраться до наименее исследованного района Африки, где находился водораздел Конго и Нила.

Тяжело груженные барки плыли вверх по Нилу, подгоняемые сильным северным ветром, обычно дующим здесь между декабрем и февралем и создающим благоприятные условия для плавания вверх по реке. Берега уже тогда частично обезлесели — заросли акациевого дерева «зунт» свели в связи с потребностью в корабельном лесе. Правда, намного больше лесов исчезло впоследствии в ненасытном чреве топок первых пароходов. Если Швейнфурт писал еще о «практически неисчерпаемом запасе превосходного горючего материала на этих берегах», то с развитием пароходства леса быстро сошли на нет — из-за созданных в большом количестве лесозаготовительных пунктов. Даже англичане, дальновидные, казалось бы, люди, не подумали о восстановлении лесных запасов, и в результате нехватка леса приводила порой к настоящим гонкам, которые устраивали пароходы, чтобы первыми добраться до топливных складов.

25 марта 1869 года, до начала дождливого сезона, когда путешествовать становится невозможно, экспедиция Швейнфурта отправилась из Мешры к главной зерибе Гаттаса. Подобно гигантскому червяку, извивался по болотистой местности, растянувшись на много километров, караван из пятисот человек — впереди несли святое знамя ислама, охраняемое двумястами ружьями от возможного нападения живущих в этой местности динка. Все грузы покачивались на головах носильщиков, поскольку в этих широтах человек — единственно возможное средство их транспортировки: лошади, ослы, верблюды и волы рано или поздно становились жертвами мухи цеце.

Зериба Гаттаса оказалась значительным скоплением хижин, построенных так, как принято у динка: центральная часть окружена высоким частоколом. Вокруг селения расстилались обширные поля, где выращивали сорго, маниок, дыни и плоды бамия; их обрабатывали насильно переселенные сюда динка — в результате эти поля в основном удовлетворяли потребности в продовольствии примерно для тысячи жителей зерибы.

После того как Брён-Ролле и Мальзак открыли эти места, прилегающие к Эль-Газаль, богатые слоновой костью, немало хартумских торговцев и спекулянтов — как «турок», так и европейцев, последовало за ними. Они сделали свои фактории складами слоновой кости, боеприпасов, продовольствия, товаров для меновой тор-

говли, а впоследствии и рабов. При этом о судьбе местного населения никто и не думал. Вождей ставили в полную зависимость от купцов, а остальных принуждали отдавать белым продукты и служить носильщиками.

Хозяином в зерибе был управляющий, опиравшийся на подкупленных лиц из числа местного населения. Он же мог сместить старейшину в селении, если тот отказывался подчиниться его приказаниям. Он же произвольно устанавливал размер дани и назначал на работы. Со временем даже выработалось своего рода «зерибное право», которое по возможности соблюдалось всеми соперниками, дабы не допускать вооруженных столкновений, имевших тяжелые последствия — разумеется, отражалось все это в первую очередь на местном населении. Территория страны оказалась поделена между владельцами зериб, и каждый из них претендовал на определенную местность, считая ее своим «владением». Там он и предпринимал свои грабительские вылазки. Дороги, ведущие в глубь страны, можно было использовать лишь с разрешения владельцев зериб. Соответственно практически лишь «владельцы» конкретных территорий могли осваивать новые рынки в глубинных районах — остальным же приходилось уважать право такого «феодала» на эти рынки.

Каждый год управляющие зерибами совершали разбойничьи набеги на скотоводческие хозяйства динка, которые не дали себя поработить в отличие от своих соседей — джур, бонго и митту. Но и здесь каждая зериба ревниво охраняла свое «право на угон скота!» Вот как Швейнфурт описал события, происшедшие после того, как на заре был окружен мурах, где, по его оценкам, в одном загоне было согнано до трех тысяч голов скота: «Вдруг поднялась невероятная суматоха, и, боясь попасть друг другу по ногам (а именно таков обычный итог их стрелкового мастерства), солдаты огласили воздух звуками нескончаемой, бесцельной пальбы — с целью напугать осажденных. Этого обычно достаточно, чтобы нагнать страху на туземцев, и те уже рады воспользоваться проходом, который осаждающие милостиво оставляют специально для них. У динка, если только их никто не предупредил заранее, вместе со стадами находится лишь столько работников, сколько требуется для ухода за скотом. Женщины и дети живут в хижинах вдали отсюда и редко попадают в руки разбойников».

На этот раз у реки Тондж Гаттасу досталась незначительная добыча — 40 голов скота, а ведь за год до того его людям удалось захватить до 8 тысяч голов! Но тут динка сумели вовремя уйти в недоступные болота вместе со стадом и с членами своих семей. Гаттасу пришлось под насмешки окружающих покупать награбленный скот в других зерибах. На год нужно было примерно 2000 голов скота — чтобы прокормить всю эту разношерстную компанию, отребье, собравшееся в зерибе.

«Гнусные пособники, сводники и укрыватели краденого в этой преступной торговле — это джелябы, профессиональные работорговцы, которые находят себе приют в любой зерибе, и, подобно ленивым трутням, питающимся тем, что добыто в поте лица другими, они потребляют на правах сотрапезников все, что отнято у негров. Торгуют эти джелябы хлопчатобумажными изделиями, мылом, красными фесками, ружьями, зеркальцами, сушеными луковицами, медными кольцами и бисером, изречениями из корана и амулетами, а то — рабами и рабынями, молодыми и старыми, и, наконец, скотом, козами и овцами — короче, всем, в зависимости от предоставившегося случая».

Уже давно похищение людей и торговля рабами стали здесь самым доходным делом. Хотя нередко каждой зерибе «принадлежала» территория площадью до 200 квадратных миль, доход от реализации слоновой кости все больше и больше отставал от затрат на ее приобретение: ведь вознаграждение за труд охотников, плата за перевозку слоновой кости в Хартум и содержание зериб, а также постройка новых поглощали неимоверные средства. Торговцам, жившим только с доходов от скупки слоновой кости у населения или зависевшим от все более усложнявшейся охоты на слонов, вскоре пришлось уйти из этих областей, они не выдержали конкуренции со стороны тех, кто не гнушался ни кражей скота, ни главным образом торговлей рабами, которая оправдывала себя с точки зрения доходов.

Внутри зерибы раб также считался средством платежа. В интересах своего хозяина управляющий зерибы платил солдатам уже не деньгами, а захваченными рабами, которых те, в свою очередь, с прибылью продавали джелябам. Вырученные деньги затем через посредство товаров, приобретенных в зерибе, возвращались в руки ее хозяина. В 1863 году Хёйглин сообщал: «Мзда

участникам отрядов в зерибах очень возросла, а ведь есть такие торговцы, которые содержат на службе до трехсот „солдат" и слуг. Им, однако, вовсе не платят деньгами или же платят очень редко, но зато хозяин отдает им рабов и товары для меновой торговли, которую они вольны вести в небольшом объеме по своему усмотрению; он же продает им одежду, украшения для рабынь, табак, башмаки, фески, водку, соль, рис, кофе и тому подобное — и все по совершенно невероятным ценам и в кредит, причем чем больше, тем это выгоднее для предпринимателя: когда приходит время расчета за год, солдат обычно остается в очень большом долгу перед своим патроном и практически вынужден оставаться служить тому еще сезон».

Такие условия не могли, естественно, не привести к глубоким изменениям в социальной структуре отдельных племен. Так оно и случилось в районе вокруг зерибы Гаттаса, к юго-востоку от Вау, в пограничном районе между народами бонго, джур и динка. Если во главе последних стоял вождь и они смогли оказать нубийцам ожесточенное сопротивление, то эти непрошенные гости без особого труда сумели разбить земли бонго на зерибы и подчинить себе народ: ведь одиночное сопротивление легко можно сломить. Подобная судьба постигла и соседние народы джур, митту и другие. Затем началось массовое бегство населения из этих мест, так что численность его сократилась здесь почти на две трети. Этот процесс миграции народов и даже их полная ликвидация, хотя это и было вызвано появлением здесь европейцев и арабов, служил обоснованием тезиса о неспособности местных народов к самостоятельному управлению; впоследствии он использовался для претворения в жизнь колонизаторских планов.

Хейглин и Швейнфурт дали подробные описания народов этого региона. О джур, которые, как и шиллуки, принадлежат к северным луо, они сообщали, что те жили исключительно за счет мотыжного земледелия и лишь немногие из африканцев имели кур и коз. Хотя динка презрительно называли их «джур» (это означает «дикие» — сами же джур называли себя «луо»), что указывало на отсутствие у них больших стад крупного рогатого скота, тем не менее пастухи-динка в известной степени зависели от них. Во многих местах на поверхности, в скапливавшемся красноземе были сильные вкрапления бурого железняка, который джур до-

бывали в ямах глубиной до трех—пяти метров. Давняя традиция получения железа в простейших глиняных печах, передававшаяся из поколения в поколение, принесла джурам славу прекрасных кузнецов. Динка получали от них наконечники копий и небольшие лопаты — и для непосредственного использования, и в качестве своеобразных денег; они имели широкое хождение у нилотов Верхнего Нила. Но теперь требовалось ежегодно поставлять определенное количество этих изделий и владельцам зериб.

Высшего совершенства достигло кузнечное искусство у бонго. Печь была снабжена воздуходувным мехом, однако отжиг древесного угля на костре и дальнейшее его использование для раскаливания печи были кузнецам-бонго так же неизвестны, как и кузнецам-джур. Хейглин подробно описал применяемый ими процесс получения железа: «Кузнечным ремеслом они начинают заниматься обычно уже после окончания полевых работ. Во всей стране земля богата рудой; работники, занимающиеся выплавкой железа, в первую очередь собирают на поверхности те кусочки железистой глины, которые полая вода несколько отмыла от земли: их можно найти в низинах, заводях, на отмелях, куда река приносит их вместе с перегноем и обычной глиной. Такие куски железистой глины обычно имеют округлую форму величиной с яйцо или с горошину.

Способ получения железа сам по себе довольно прост, примерно такой же, как у каталанских кузнецов в Испании. В земле выкапывают яму глубиной 2—3 фута и диаметром 2 фута, обмазывают глиной и дают ей высохнуть. Потом кузнец наполняет яму углем из дерева твердой породы, предварительно обожженного в другой глиняной яме, а сверху, на очищенную руду, он кладет добавки — известняк или кварц, которых, кстати, в этих местах вообще нет. Над очагом, если так можно назвать эту яму, устанавливают горн высотой 3—5 футов в виде раструба, также сделанного из обожженной глины. В печи от 4 до 6 наклонных, специально проделанных отверстий, куда вводят глиняные трубки, или фурмы. После того как горн установлен над печью и глина, которой промазан шов, высохла, снизу разводят огонь. На каждой фильере укреплен кожаный мешок, служащий вроде меха.

Примерно за час все, что положено в яму, эта своего рода „шихта“, сгорает, и на дне ямы остается железо,

несколько загрязненное шлаками и прочими примесями, его затем куют на каменной или железной наковальне и превращают в круглые диски, уже описанные нами „мело́“, или же в копья. Часто, однако, железо получается не чистым, содержит еще слишком много углерода. В этом случае, особенно когда требуется изготовить более тонкие изделия, делают что-то вроде восстановления (обезуглероживания). Это осуществляется в яме менее глубокой, меньшей по размеру и без горна.

В этой восстановительной печи тоже есть две расположенные друг против друга двойные фурмы, наклоненные несколько к центру очага. Железо, которое надлежит восстановить, обкладывают со всех сторон углем, разводят огонь и с помощью ручного меха создают постоянный ровный приток воздуха — и так до тех пор, пока не произойдет обезуглероживание и железо не начнет плавиться. Количество ковкого железа, получаемое зараз, по весу не больше нескольких фунтов, ведь в руде содержится едва ли больше 15—18 процентов металла. Продукт сам по себе весьма красноломкий, но работа производится тем не менее весьма чисто».

Изделия из железа у бонго, как и у джур, использовались как платежное средство, причем прежде всего в качестве денег считались «мело́», то есть заготовки так называемого *ло́гго ку́ллути* (лопаты).

Члены этого племени — правда, исключительно женщины — изготавливали еще большие горшки и маленькие миски, кувшины и изящные чубуки для курительных трубок, которые раскрашивали, а иногда и глазуровали. Бонго ловко плели циновки, сети для охоты, а также набедренные пояса из соломы и из размятых волокон гибискуса, «которые часто очень изящны. Они делают корзины, по форме напоминающие сплющенный колокол, которые не пропускают воду,— их делают из гладких, тонких ветвей, а щели аккуратно промазывают смесью земли с навозом. Кроме того, им удается скрепить большие листья в шар, и притом настолько плотно, что в таких шарах переносят на большие расстояния зерно»,— писал Хёйглин.

В сухое время года люди загоняли дичь в сети — когда сами, когда поджигая траву. Добычу распределяли между всеми. Такие животные, как крысы, ящерицы, саранча или цесарки также служили для пропитания.

Но наибольшее значение для джур и бонго имело земледелие. Образ жизни, обусловленный обработкой земли, не требовал от крестьян селиться большими сообществами или деревнями — из-за этого зерибы и смогли так легко подчинить себе эти народы. Мы уже говорили, как возникала зависимость старейшины какой-либо местности от пришлых торговцев и как это приводило к ломке имевшихся отношений: теперь место уважаемого всеми человека, наследовавшего свое звание от предков, обычно занимал поставленный агентом зерибы шейх, который не пользовался авторитетом у соплеменников, и его в любое время могли снять с этой должности.

Продукты земледелия в зоне саванн — как прежде, так и сейчас — довольно разнообразны. Кроме *дурры* (*Sorghum durra*), которую Швейнфурт называл «древнейшей африканской зерновой культурой» и размеры и формы которой весьма разнообразны, возделывают также и духн (или дохн, *Penicillaria spicata*), и еще одно растение с небольшими темными зернами (*Eleusine coracan*). Из муки этих зерновых замешивают тесто, заворачивают его в листья и запекают в горячей золе. Рис не возделывали даже в зерибах, хотя Швейнфурт повсюду к югу от Эль-Газаль находил его дикорастущую разновидность (*Oryza punctata*).

Еще здесь выращивали различные сорта бобовых, сезам, завезенный из Америки арахис, ямс (*Dioscorea alata*), мощные, узловатые клубни которого весят по 50—80 фунтов, батат, маниок (*Manihot glaziovii*), тыкву, огурцы, бамию (***Hibiscus diversifolius***) и редьку. В самые отдаленные области проник тогда виргинский табак; бонго в невероятных количествах жевали и курили листья вида, имевшего местное название «машипр» (*Nicotiana rustica*). Кайеннский перец (*Capsicum*) бонго использовали, как это ни странно, как яд. Швейнфурт сообщал об этом: «К великому удивлению местных жителей, которые окунают наконечники в кайеннский перец, как в отраву (вот, на мой взгляд, еще одно доказательство того, что во многих частях Африки страх перед отравленными стрелами зиждется на мистификации), нубийцы взяли эти ягоды и бросили в свои миски с едой. Против людей, поглощающих отраву ложками, разумеется, нельзя было сражаться, а потому все сдались им без сопротивления».

В каба * большое значение для местных жителей

имеет масляное дерево (*Vitellaria paradoxa, Butyrospermum*), или «бассия».

«Мне принесли зерна его плодов, а также бутыль с приготовленным из них экстрактом. Дерево это очень высокое и довольно похоже на сикомору: здесь называют его „рак"»,— писал Брён-Ролле.

Грандиозные заросли этих деревьев были по берегам Горного Нила, а также Эль-Газаль. В апреле появляются мясистые зеленые плоды, в круглой косточке которых невероятно много масла. Хёйглин пишет о плоде этого дерева (арабы называли его «шетр-эль-лулу»): «Желтая мясистая мякоть окружает одну—две нежные, разные по размерам косточки, которые по цвету и форме похожи на каштаны; их жарят, толкут и, облив холодной водой, отжимают, чтобы в результате получить немалое количество приятного на вкус растительного масла, застывающего уже при 20° по шкале Реомюра».

Для Швейнфурта пребывание у бонго было лишь очередным этапом на его пути на юг, куда он и отправился 17 ноября 1869 года из зерибы Гаттаса вместе с караваном Мухаммеда Абд-эс-Саммата, состоявшим всего из 250 человек. Перед ним лежали таинственные земли, которые до него видел только итальянец Пьяджа; именно они нередко возбуждали фантазию географов, заставляя их делать фантастические предположения — эти земли называли «родиной людоедов и хвостатых людей...»

Людоеды и пигмеи

Древние легенды, дополненные в эпоху средневековья в Европе картографами, которые изображали на картах «дикарей» невероятного вида, казалось, нашли себе подтверждение в рассказах арабов. Правда, и для арабских путешественников IX—X веков Африка оставалась еще загадочной страной, полной всевозможных чудес и необычных явлений. Сведения из вторых и третьих рук давали богатую пищу для воображения, ими воодушевлялись и бывалые люди и сказочники, как в Судане, так и, пожалуй, на всем Арабском Востоке. Не стоит забывать и еще одно обстоятельство: арабские купцы, охотившиеся за рабами и торговавшие ими, были исключительно заинтересованы в том, чтобы жители верхних притоков Эль-Газаль слыли людьми дики-

ми и опасными — это, с одной стороны, отпугивало конкурентов, а также европейских путешественников от этих мест, а с другой — оправдывало в собственных глазах их гнусное, человеконенавистническое ремесло. Особенно всех взволновали сообщения путешественников о людоедстве этих народов — что приводило к целому ряду преувеличений. Так, по сведениям арабских торговцев, народ ньям-ньям (азанде) походил отчасти на людей, отчасти на собак и питались они исключительно человеческим мясом. И вот Пальме в 1838 году уже сообщает об одном таком «народе, совершенно диком в своих обычаях и воинственном; это первые враги для всех граничащих с ними негритянских народов, просто напасть. Кожа у них белая, как у арабов в Египте, глаза большие голубые, черты лица правильные, а роста они изрядного; негры называют их банданьямньям (людоеды)».

И позже, в различных описаниях упоминалась эта «белая» кожа. Действительно, для африканского народа кожа была сравнительно светлая: по сообщению Швейнфурта, у народа мангбету она — «цвета кофе». Но ни один из путешественников не был у этого странного народа, никто не мог подтвердить правдивость тех фантастических историй, что рассказывали о нем и что слышал Верне во время второй нильской экспедиции: «Живущие на этих горах людоеды, которых здесь, однако, не знали под именем ньям-ньям, уже давно сделались предметом разговоров среди команды нашего судна. Как мы слышали от людей, живших ниже по течению, у этих обитателей гор, пользующихся дурной славой, даже головы собачьи, а ходят они на четвереньках, и может быть, из-за того, что не сразу все это поняли, рассказывавший повторил то же самое еще и на языке бари. Селим-бимбаши, человек отнюдь не робкого десятка, еще в Хартуме крайне опасался встречи с этими так называемыми „ньям-ньям"... теперь же страх его усилился, совсем как у ребенка, поскольку он был самый толстый. Он так и представлял себе, как его первого изжарят дикие жители гор: при первом же удобном случае они стащат его с низкого борта плохо охраняемого судна для своей праздничной трапезы...

Лаконо (правитель бари.— *В. Б.*) объяснил нам после подробных расспросов, в чем суть зловещих слухов о людоедах с собачьими головами; он сказал, что у этих дурных людей голова такая же, как у любого дру-

того человека, хотя когда они пожирают свою жертву, то скалят зубы и становятся на четвереньки. В открытую схватку с жителями страны бари они не ввязываются, но подкрадываются, подобно собакам, к их жилищам и утаскивают людей, чтобы их потом съесть».

Брён-Ролле узнал от динка и джур еще бо́льшие мерзости об их соседях, обитавших далеко на юго-западе: те либо поедали своих занемогших сородичей, либо же вели войны ради добычи пленных: «После того как уводят пленных, причитающихся вождю, они отбирают десятую часть самых молодых и самых красивых пленников для своей отвратительной торжественной трапезы, которую они справляют в лесу невдалеке от своей деревни. Каждый отправляется туда в условленный день с сосудом, наполненным пивом, и напивается допьяна. Тут же затеваются воинственные песнопения и страшные танцы вокруг костра, на котором жарятся их жертвы».

Миссионер Морланг сумел во время своего путешествия в верховьях Нила в 1859 году получить сведения о людоедах, которых здесь называют макарака (восточные азанде): «Они якобы любого незнакомого человека разрезают на куски, поджаривают на костре и поедают. У некоторых на затылке приделан своего рода железный рог, на него они подвешивают взятых в плен детей и уносят с собой. Как только они завидят слона или какого-нибудь чужого человека, сразу же радостно кричат: „Йди, йди" — и требуют, чтобы несли ножи для разделки туши».

Правда, во всех этих в высшей степени ужасающих сведениях, помимо полной ерунды, содержались крупицы истины, которые впоследствии удалось подтвердить или же подправить. Уже в 1860 году Антинори смог сообщить довольно верные сведения о темных (азанде) и «белых ньям-ньям с длинными волосами и бородами» (мангбету). Что же касается упоминавшихся в рассказах людей с хвостами, то он уверял, что хотя в 1851 году у одного работорговца своими глазами видел человека с удлиненным позвоночником, походившим на своего рода рудиментарный хвостовой отросток, однако там речь шла о явном атавизме. Некоторые ученые, такие, как англичанин Кларк или же известный французский естествоиспытатель Кастельно, к сожалению, приняли за факт эту выдумку, основанную на рассказах рабов. Лишь Брён-Ролле дал объяснение, которое

способствовало раскрытию тайны: «Эти люди завертывают свой мужской орган в своего рода мешочек из шкур; сзади его укрепляют таким образом, чтобы два-три дюйма хвоста того животного, чью шкурку они использовали, свисало в виде украшения».

Швейнфурт впоследствии установил, что одежда азанде состоит из красивых пестрых шкур, «чаще всего шкур генетт или обезьян-колобусов, а длинный черный хвост гверецы обычно свисает с определенной части тела». Но лишь уже упоминавшемуся раньше Пьядже удалось продвинуться дальше остальных исследователей: он целый год прожил среди азанде; к сожалению, его сведения оказались сравнительно скудными. Хёйглин собрал все имевшиеся сообщения об этом народе и поведал об их государственном и общественном устройстве, о мастерстве их ремесленников, а также об одном из могущественных царей — Мофио.

Когда Швейнфурт 1 февраля 1870 года в верховьях Тонджа вступил на землю азанде (на широте 5°30′), на его долю выпала задача «обеспечить переход из эпохи легенд в эпоху конкретных знаний»; через месяц он мог сказать следующее: «После Линдуку (небольшого притока в верховьях реки Суэ.— *К.-Х. Б.*) я сказал „прощайте" нильским землям; я был первым европейцем, которому удалось по пути с севера, 2 марта 1870 года пройти „водораздел Нила", а ведь сколь многие только ради этого и отправлялись в путешествия — чтобы найти caput Nili (исток Нила)».

Ему удалось также установить, что исток реки Суэ находится на горе Багинзе (высота 1067 метров) и река эта несет свои воды ниже по течению уже под названием Джур и впадает в Эль-Газаль, а следовательно, и в Нил. «Это был первый настоящий исток одного из важнейших притоков Белого Нила, который обнаружил европейский путешественник».

В наши дни по этому естественному водоразделу — горе Гензе проходит граница между Республикой Судан и Заиром.

Люди народа ньям-ньям сами называли себя азанде (Швейнфурт записал это как «а-зандех»). Динка дали им имя ньям-ньям, то есть «пожиратели», имея в виду их каннибализм. Среди арабов Судана именно это название и стало употребительно. Их восточные соседи, митту, называли их макарака. Это наименование было даже приведено на картах для обозначения всех во-

сточных родов народа азанде и принадлежащей им территории. Правда, словом «ньям-ньям» называли и другие народы, которые вовсе не относились к азанде, но у которых также существовал каннибализм — например, пришельцев а-бангба и мангбету (мангбатту или монбутту). Вообще же этническая обстановка в верховьях западных притоков бассейна Нила и по ту сторону водораздела Нила и Конго оказалась достаточно сложной. Непрестанные миграции народов, распад государств из-за столкновений в борьбе за верховную власть, рассеяние или полное поглощение одних племен другими — все это и до времени путешествия Швейнфурта приводило к исчезновению целого ряда небольших народов. В то же время образовывались новые народности. Швейнфурт оказался одним из немногих европейских ученых, кто видел эти народы еще до той этнической и социальной катастрофы, которую спровоцировала торговля рабами. Он слышал кое-что о мангбету еще до путешествия, однако теперь ему первому удалось познакомиться с этим народом, у которого было развитое земледелие. Он обнаружил государственную организацию, напоминавшую о легендарных, давно исчезнувших, крупных «негритянских царствах»; во главе этого народа стоял всемогущий правитель. Вот его описание царя народа мангбету, «наиболее примечательного из всех народов Африки», обитавшего на реке Уэле, среди ландшафтов неземной красоты: «Мунза — человек лет, пожалуй, сорока, довольно видный, высокого роста, явно обладающий недюжинной силой; молодцеватый, с гордой осанкой, как у всех мангбету... На руках и ногах, на шее и на груди много цепочек и браслетов, а также разнообразных украшений необычной формы, впереди на темени большой полумесяц — все это начищено до блеска и отшлифовано, так что от тяжелого медного наряда властелина исходило золотистое сияние, как от кухонной посуды; правда, по нашим понятиям, эта парадная одежда показалась бы недостойной королевской персоны; она слишком напоминала набор кухонной посуды у зажиточного мелкого буржуа. Вид он имел между тем донельзя экзотический, поскольку все, что было на нем надето, выставляло напоказ «моды» Центральной Африки, где лишь собственные произведения искусства почитались за единственно [illegible] служить украшением Его величеству царю в[illegible] мангбету».

Прием в честь Швейнфурта происходил в огромном зале, построенном из бревен и имевшем размеры до 100 метров в длину, 50 в ширину и 12 в высоту; крышу держали пять рядов столбов. Чудом казалось, каким образом эта огромная конструкция могла выдержать напор бурных ливней в период дождей.

Власть этого правителя, который столь доброжелательно и с интересом отнесся к Швейнфурту, распространялась на целую когорту младших вождей и вождей второго разряда, а также на старейшин в самых дальних уголках его государства. Его всегда окружали советники, повсюду его сопровождали телохранители, а также шумная толпа музыкантов, барабанщиков и трубачей. Кроме монополии на торговлю слоновой костью верховный правитель мангбету претендовал на оброк, который ему платили сельскохозяйственными продуктами. Они были ему весьма кстати: он обязан был кормить и доставшихся по наследству жен своих покойных родственников — отца и брата. Вместе с его собственными женами получалось солидное число женщин.

В ремеслах мангбету проявляли себя искусными умельцами, особенно в строительстве жилищ и сооружении парадных залов. Кузнецы-мангбету превосходили своей искусностью даже бонго, и изготовленные ими серпы, жезлы, кинжалы, наконечники стрел и копий не знали себе равных. В искусстве резьбы по дереву (они делали скамейки, литавры, щиты для воинов), и в гончарном деле (изготовляли горшки, кувшины для воды) мангбету также превосходили соседние народы. Дубление было им неизвестно, но из луба фикуса они изготавливали материю; ею, правда, пользовались только мужчины. Женщины носили лишь пояс с привязанным к нему пучком листьев. Однако было бы неверно на этом основании сделать вывод о приниженном социальном положении женщин — именно у мангбету женщины обладали бóльшими правами, чем у других народов Африки.

Проведенные впоследствии исследования подтвердили, что азанде создали такую систему сельского хозяйства, которая наилучшим образом соответствует географическим условиям в переходной зоне от влажной саванны к тропическим лесам — прекрасно продуманная система севооборота и смены полей еще и сегодня вызывает большой интерес специалистов-агрономов.

Высказывания Швейнфурта и других исследователей свидетельствуют о том, какое впечатление производил на путешественников-европейцев каннибализм, воспринимавшийся ими как чудовищная аномалия. Это явление (давно уже исчезнувшее здесь) действительно существовало, однако оно встречалось в истории целого ряда народов и на других континентах; однако суть каннибализма и его причины в то время были еще совершенно не осознаны, а потому при чтении дневников путешественников прошлого можно сделать совершенно неверный вывод об аномальной, извращенной природе этих народов. Швейнфурт писал об азанде: «... если кто-либо занимается людоедством, то делает это открыто и без смущения, стремится к этому любой ценой и при любых обстоятельствах. Людоеды перед всеми похваляются своим диким пристрастием, демонстративно носят на шее, как ожерелья, нанизанные на веревки зубы людей, а на столбах, что изначально предназначались для вывешивания охотничьих трофеев, они выставляют около своих жилищ черепа своих жертв».

В другом месте говорится: «Черепа всевозможных антилоп, мартышек, павианов, диких свиней, шимпанзе, а также человеческие черепа в полном беспорядке надеты на сучья молитвенных шестов... Вблизи жилых хижин, на кучах всяческих кухонных отбросов — человеческие кости со всеми признаками их обработки ножами и топорами, а на сучьях деревьев по соседству то тут, то там подвешенные руки и ноги».

О самих мангбету он писал: «Людоедство среди мангбету превосходит все, что известно об остальных народах Африки. Поскольку вокруг территории их расселения живут народы, стоящие на более низкой ступени развития, а посему ими презираемые, это дает им желаемую возможность посредством военных походов и разбойничьих набегов обеспечивать себе достаточно большие запасы человеческого мяса, которое они ценят превыше всего».

Другие исследователи, например Юнкер (1879), равно как и герцог Мекленбургский (1911), подтвердили, что людоедство существовало и в более поздние годы. Попытки объяснить каннибализм столь же древни, как и знание о существовании этого явления. Аристотель высказывал предположение, что причиной этому — «животная дикость». Религиозные представления и суеверия — эти причины столь же часто использовались, что-

бы объяснить это явление, как и наследственность, или же вера в то, что якобы можно взять от убитого присущую тому силу. Долгое время господствовало мнение, будто людоедство коренится в тяжелых условиях существования, то есть его вызывают голод и нужда. Сегодня ясно, что никак нельзя объяснить антропофагию недостатком продовольствия. Ведь именно народы — приверженцы людоедства в рассматриваемом нами регионе, то есть азанде, мангбету и маньема, жили в такой растительной зоне, где им было обеспечено достаточное количество продовольствия. Именно у мангбету земля рождала в изобилии и клубнеплоды, и фрукты. Корни людоедства скорее следует искать в древних религиозных представлениях, сводящихся к тому, что физические и душевные силы убитого и съеденного врага переходят к победителю. Каннибализм почти нигде не охватывал народ в целом — он почти всегда сосредоточивался в конкретных группах или объединениях, связанных друг с другом определенными религиозными представлениями и обычаями.

Юнкер в этой связи писал: «... самые темные суеверия руководят этими людьми, законы, унаследованные от их предков, а вокруг себя, поблизости, они не знают никого из людей, думающих и воспринимающих жизнь иначе, у них нет положительных образцов. Потому я и задаюсь вопросом, не стоит ли скорее прощать таких дикарей, чем тех убийц в цивилизованных странах, которые, невзирая на все свое воспитание и будучи окружены благовоспитанными людьми, совершают самые подлые убийства и гнуснейшие преступления, и притом по хладнокровному расчету».

Именно таким был поступок, за который уже в 1873 году правитель Мунза стал жертвой пули наемного солдата-негра, когда а-бангба напали на мангбету. Арабы и нубийцы всегда исходили из принципа: чтобы укрепиться в стране, надо лишить ее могущественного правителя. На место Мунзы был поставлен Ниангара из а-бангба, а восточную часть территории мангбету отдали во владение послушного арабам Гамбари, бывшего драгомана. Когда Юнкер посетил эти земли всего десять лет спустя, единство народа мангбету было уже разрушено, господствующий класс составляли «услужливые раболепные твари», а бежавшие из этих мест сторонники Мунзы пытались найти себе новую родину в других землях. В результате азанде с

северо-восточной части территории их расселения и мангбету были включены в состав Экваториальной провинции, находившейся под египетским управлением — здесь везде были созданы военные форпосты.

Достопримечательное трехлетнее путешествие Швейнфурта принесло для науки еще два значительных открытия: географическое — удалось достичь реки Уэле, крупного загадочного потока, несшего свои воды на запад, а значит, не принадлежавшего к системе Нила; и этнографическое — было получено доказательство существования пигмеев: малорослых охотничьих народов, многократно упоминавшихся еще в древности.

Около 2500 года до нашей эры египтяне считали пигмеев сказочными созданиями из далекой страны, расположенной за горизонтом. Гомер повествует о сражении пигмеев и журавлей. Пусть все это скорее относится к неисчерпаемому миру легенд, однако они тем не менее доказывают тот факт, что в самый ранний период существования греческой литературы уже было известно о существовании малорослых народов. Мозаика на стене в засыпанных пеплом Помпеях изображает пигмея среди кур — это действительно единственный вид домашних животных, который они держат. Еще удивительнее то, что Аристотель считал родиной пигмеев (по-гречески «пигмей» означает «рукавичка») истоки Нила, где впоследствии Швейнфурт, Юнкер, Стэнли и другие путешественники действительно обнаружили их: точнее, к западу от озер Альберт и Эдуард. Здесь, на реке Итури, и сегодня еще охотятся и занимаются собирательством около 30 тысяч представителей довольно-таки сильного племени бамбути, к которым относятся и пигмеи ака. Именно пигмея ака по имени Адимоку в 1870 году Швейнфурту удалось обмерить — в качестве, так сказать, первого живого героя древних легенд: «Наконец-то мне удалось насладиться видом существа, подтвердившего во плоти тысячелетнюю легенду — я смог зарисовать этого человека и расспросить его».

Название ака, судя по всему, с самого раннего времени, когда оно появилось в заметках путешествующих по Африке, приводилось в связи с пигмеями: уже португальские путешественники XVII века сообщали о народе бакка-бакка. Даппер в своем «Описании Африки» 1670 года пишет: «Негры рассказывают, что только в одной местности, в глухих зарослях, обитают карлики, которые, однако, как правило, убивают больше всех

слонов. Их обычно называют бакка-бакка или еще — мимос».

И там же дальше говорится об области великого Макоко к северу от реки Заир: «Эти человечки, как повествуют охотники, умеют с помощью колдовства делаться невидимыми, а значит, им удается с меньшим трудом убить слона: мясо его они едят, зубы же продают охотникам; те, в свою очередь, обменивают их у мавров на соль, которую подневольные несут в циновках от самого Лованго до Бокке меале».

У народов Центральной Африки первоначально была в употреблении лишь соль из золы, однако от Мунзы Швейнфурт узнал, что тот получает от акка дань в виде настоящей белой соли. Впоследствии ее происхождение было определено: соляные поля в Катве, вблизи озера Эдуард.

Все неизменно превозносили пигмеев за исключительное умение убивать слонов: благодаря своему малому росту они могли пробраться к слону под брюхо и нанести ему смертельные раны своими копьями. Так же действовали и пигмеи ака (или тикки-тикки, как называли их арабы), получившие разрешение охотиться на слонов на территории государства Мунзы — мангбету извлекли свою выгоду от их охоты. Они не только терпели присутствие воинов, но даже наоборот, часто привлекали их для нападения на соседей — пигмеи слыли прекрасными стрелками из лука, ловкими воинами.

В темных глубинах вечнозеленых тропических лесов у пигмеев практически сохранились привычки, ведущие свое начало еще со времен каменного века. Живут пигмеи семейными группами. Лесные плоды собирают преимущественно женщины; мужчины же бродят со стрелами и луком по своим охотничьим угодьям. С помощью отравленных стрел или сетей и ловушек пигмеи убивают кабанов, окапи, антилоп и обезьян. Дополнительный источник питания — гусеницы, термиты, змеи и личинки. Мужчины и женщины вносят примерно одинаковый вклад в добычу пропитания, и они в значительной мере равноправны. Экономическая ячейка общества, род, состоящий из нескольких семей, находится под началом одного человека, умудренного опытом старейшины. Каждый род называет себя именем своего тотемного животного, якобы сыгравшего большую роль в истории возникновения именно этой группы. Кроме того, пигмеи

почитают духов, которых они всевозможными магическими ритуалами пытаются расположить к себе.

Сейчас пигмеи ведут постоянный обмен с соседними бантуязычными крестьянами. Они выменивают кокосовые орехи, сахарный тростник, маис, бананы, наконечники копий, а с недавних времен также одежду, спички и тому подобные товары. Швейнфурт считал, что пигмеи — это «распавшиеся остатки вымирающего древнего населения Африки», и впоследствии он выступал против высказываний многих антропологов (будто это «выродившиеся потомки прочих народов»), а также и Стэнли (он считал их «давно разыскиваемым звеном между современным человеком и его — по Дарвину — предком» или типом человека «крайне низкого роста, почти выродившегося в животное»). Сейчас ученые склоняются к тому, чтобы считать пигмеев ответвлением негроидной расы, представители которого наилучшим образом приспособились к условиям существования в тропическом влажном лесу.

На родине молотоглава

Швейнфурт в начале своего путешествия подробно описал жизнь народов, обитавших в области Эль-Газаль (где встречается довольно странная на вид птица, которую арабы называют «абумаркуб», то есть «отец туфли»); но основы их социальной жизни были уже изменены, а то и разрушены всего за пять лет существования здесь жестокой системы зериб. Перед ученым вставали картины насилия и зверств, которые никак не соответствовали древним формам взаимосвязей между африканскими народами. Этот кризис, порожденный внешним, чужеземным вмешательством, вскоре захватил и те народы, которые Швейнфурт застал еще в их традиционных условиях обитания. Юнкер, путешествовавший здесь спустя восемь лет после Швейнфурта, обнаружил, что ситуация коренным образом изменилась. Продвижение торговцев рабами в районы, прежде считавшиеся мирными, спокойными, привело к возникновению там вражды между вождями и разрушило равновесие, веками существовавшее между народами и их правителями. Границы обитания народов теперь стали неопределенными, старые законы потеряли свою силу.

Однако следом за работорговцами и искателями приключений к Верхнему Нилу отправились также и египетские войска якобы с целью сдерживать их постыдные устремления. В результате хедив объявил собственностью Египта все аннексированные территории. Так для местных жителей началась эпоха новых насилий и унижений — они теперь «принадлежали» египетскому правительству и это породило новое самоуправство прежних владельцев зериб. В 1870 году торговля в области Верхнего Нила была объявлена монополией государства. Правительственную власть олицетворяли здесь военные поселения и армия вице-короля Египта, в которую были включены также и банды наемников из зериб. Вместо того чтобы заняться искоренением работорговли, армия сама провоцировала волнения и беспорядки. Паши, верхние слои общества и прежде всего сама армия по понятным причинам противились отмене рабства: бо́льшая часть египетской армии состояла из так называемых «освобожденных рабов», которые поступали в результате «перехвата» караванов работорговцев. Власти смотрели на все сквозь пальцы, а рабов транспортировали в Хартум даже на правительственных судах. Швейнфурт писал об этом так: «Нигде на свете не увидишь более ревностных работорговцев, чем военачальников небольших египетских военных отрядов. Когда они передвигались по стране от зерибы к зерибе, за ними следом тянулся грандиозный хвост „черного товара", и после каждой остановки он лишь увеличивался». А дальше ученый пишет, что имевшиеся у них предписания «способствуют тому, чтобы страна, которая и без того сильно пострадала от работорговли, теперь уже была окончательно обескровлена; чтобы она вообще пришла к полному разорению, если только осталось еще, что разорять».

По его оценке, около 190 тысяч местных жителей вокруг хартумских зериб на Эль-Газаль принуждены были кормить войско, состоявшее из 55 тысяч человек. Эмин-паша, ставший с марта 1878 года мудиром Экваториальной провинции, в 1881 году познакомил Швейнфурта с бумагой, которая характеризовала положение лишь в округе Амади; это был следующий список:

«1. Данагла *, находящиеся на службе у губернатора... 40
2. Местные данагла, не находящиеся на службе (факиры, менялы, люди без определенных занятий и т. п.) 96

3. Так называемые драгоманы, негры-наемники и т. п. 319

Итого: 455 человек

Сюда же включаются жены, наложницы, дети, оруженосцы, рабы — всего около 3000 человек нетрудового населения в местности, где проживает примерно 10 000 местных жителей — негров».

Однако все они (исходя хотя бы из собственных интересов) отнюдь не охраняли местных жителей, производивших сельскохозяйственные продукты,— нет, они постоянно грабили их и целыми толпами продавали в рабство. Правда, в 1877 году были предприняты первые шаги к пресечению торговли рабами — решение приняло правительство хедива по договоренности между Великобританией и Египтом; однако дело ограничилось лишь проверкой судов на Верхнем Ниле, так что даже через много лет после этого в окрестностях Эль-Газаль ничего не изменилось.

Особенно интенсивной оставалась транзитная торговля через Кордофан, который получал рабов из неисчерпаемого резервуара Дар-Фертита, одного из древнейших оплотов работорговли. Путь по Нилу был закрыт, но это лишь означало, что теперь рабам приходилось преодолевать весь путь до места назначения под палящим солнцем через саванны, испытывая нечеловеческие страдания. Конфискованные на нильских судах рабы поступали в распоряжение чиновников, но те никогда не отправляли их домой. «Взрослых брали в армию, а мальчиков и девочек по своему усмотрению раздавали чиновникам и гарнизонным солдатам. Правда, всякий раз это делалось под расписку, которую получатель давал для проформы, и владельцам невольников благодаря этому почти всегда удавалось разыскать свою „собственность“ и забрать за определенную мзду»,— писал Швейнфурт.

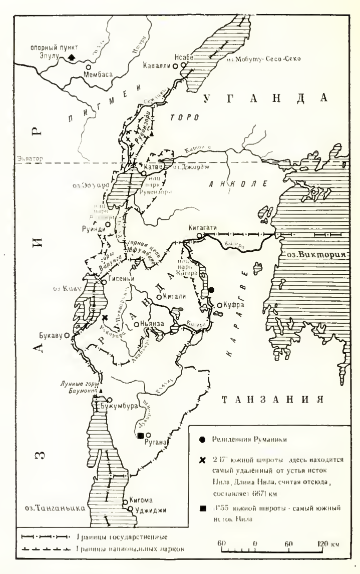
Лишь военный поход, предпринятый Джесси по поручению египетского правительства и длившийся целых полтора года, смог положить конец гнусным махинациям джелябов: поход был направлен против могущественного арабского работорговца Сулеймана Зубейра, который, подняв восстание в большей части провинции Бахр-эль-Газаль, создал угрозу власти хедивов. Среди захваченных у него трофеев оказались пушки, гранаты и патроны — все свидетельствовало о том, что пра-

вительственные чиновники сами поддерживали мятежников, переправляя им оружие. Эмин-паша также пытался бороться с работорговлей в так называемой Экватории (Экваториальной провинции), где она приняла невиданные масштабы. Только спустя четыре года после начала его деятельности был положен конец позорным действиям работорговцев и безответственности комендантов военных поселений. Он в равной степени достиг успеха в организации как органов власти, так и медицинского обслуживания. Он верил в возможность освоения Африки и ее «цивилизации в европейском понимании», однако, как он выражался, «без всякой сентиментальности, без желания осчастливить негров, лишь переведя для них Новый завет».

Однако все эти незначительные успехи никак не могли изменить положения дел при существующем колониальном режиме, рождавшем злоупотребление властью и ограбление населения. Лишь махдистское восстание смогло покончить с этим периодом египетского господства в Судане.

Глава VIII

ПОД СЕНЬЮ ЛУННЫХ ГОР

Истоки Нила в Межозерье

На Лунных горах... люди вовсе не живут, ибо нет там ничего, кроме голых каменных глыб, покрытых вечным льдом и снегом. Некоторые известные сочинители пытаются убедить нас, будто Нил берет свое начало в этих горах.

Даппер

В срединной части Центральноафриканского разлома таятся не только самые фантастические, самые грандиозные ландшафты всего Африканского континента, но и наиболее значительные объекты физической и исторической географии. Здесь озера с глубокими темными водами окружены высокими горными хребтами. Горные ручьи и реки стремительно несутся вниз по скалистым порогам, а потом в низинах замедляют свой бег. Ледники на вершинах гор ослепительно сияют над девственным дождевым лесом, в сумраке которого с причудливых цветов орхидей скатываются тяжелые капли, порожденные густым влажным воздухом. В недрах черных островерхих вулканов клокочет жидкая лава; по глухим папоротниковым лесам на их склонах бродят гориллы. Этот причудливый мир огня и льда, эта колыбель великих рек и озер, которая почти две тысячи лет будоражила фантазию людей, всегда была загадочной, отрезанной от остального мира. Здесь в конце концов и были найдены те легендарные Лунные горы, на поиски которых непреклонная воля и неистребимая жажда открытий звали в путь столь многих путешественников!

Восточную границу Центральноафриканского разлома образует горная страна Руанда — Бурунди (водораздел между Нилом и Конго), причем местность к северу от Кигомы неуклонно поднимается, а по ту сторону вулканов Вирунга вдоль озера Альберт до самой долины Нила идет крутая складка. Озера в грабеновом разломе образовались только в третичном периоде. Здесь, в Центральноафриканском грабене, между озерами Альберт и Эдуард, поднимается сложенный из кристаллических пород невулканического происхождения массив Рувензори, а между озерами Эдуард и Киву находится удивительный, своеобразный мир вулканов Вирунга; оба массива расположены на небольшой территории, можно сказать, друг против друга, и, хо-

тя они очень различны, есть у них и нечто общее — ведь именно здесь находятся истоки великого Нила!

Граница снегов в этих широтах находится примерно на высоте 4500 метров над уровнем моря, редко опускаясь до 4200 метров, поэтому горный массив Рувензори протяженностью в 100 и шириной 50 километров покрыт ледниками и снегом, доходящим до альпийских лугов. Скалистые гребни хребта и остроконечные вершины говорят о кристаллическом характере пород, из которых он сложен; это проявляется в равномерном чередовании гнейсов и кварцитов (до 3500 метров), слюдяных сланцев и кварцитов (выше 3500 метров) до вершины, сложенной из амфиболитов, диоритов и диабазов.

Подобно другим высокогорным районам Земли, Рувензори в ледниковый период был больше покрыт ледниками — это однозначно доказывают и хаотические завалы огромных глыб, и древние морены в долине Мобуку, и скалы, срезанные древними ледниками при их движении. Однако в отличие от ледников в высокогорьях Европы или Азии, здесь у глетчеров нет зоны питания; они лежат сплошными ледяными шапками на самых высоких горах, и в силу особенностей атмосферных условий района Рувензори выпадающий снег на всей вершине превращается в лед. Ледники на этих горах необычны: мощные фирновые карнизы, украшенные колоннадой огромных сосулек, соседствуют с кристально чистыми озерцами талой воды. На высоте примерно 3000 метров горный массив окружен поясом болотистой грязи, где растут густым ковром пушистые мягкие мхи и лишайники. Восхождение на Рувензори в связи с этим весьма трудно. Пик Маргарита горы Стэнли (5119 метров) — самая высокая точка этого массива, а после Килиманджаро и Кении — третья по величине вершина Африки. Еще две крупные вершины — Спик (4901 метр) и Бейкер (4872 метра) — названы именами самых известных исследователей этого региона, так же как и другие — Эмин, Джесси, Луиджи Савойского.

В 180 километрах к юго-западу от Рувензори, у подножия резко обрывающегося нагорья Руанда, сложенного кристаллическими породами, высятся древние вулканы горной цепи Вирунга. Пожалуй, это наиболее внушительный по своим масштабам вулканический массив на Земле: здесь на протяжении всего 65 километров находятся восемь больших и два малых вулкана, при-

чем высота их достигает 4500 метров (для сравнения: высота Этны 3370 метров, а Везувия — 1277). Для вулканов Вирунга, так же как и для массива Рунгве и плоскогорья гигантских кратеров, характерны резкие очертания — это «предохранительный клапан», образованию которого немало способствовали две пересекающиеся трещины в земной коре вдоль разломов. Но если две первые из названных вулканических зон давно уже находятся в спокойном состоянии, вулканы Вирунга относятся к действующим — они в любую минуту могут излить огненную лаву в окрестные долины. Похоже, что восточные вулканы этой группы уже потухли, но извержение западных — Ньирагонго и Ньямлагира — происходило недавно. Эти извержения, сопровождавшиеся выделением огромного количества газов и пепла, происходили через небольшие конусы-сателлиты у подножия вулканов-гигантов — мельчайшие частицы вулканической пыли обнаружены в 150 километрах от них на территории Заира; сюда их принесли пассаты.

Из этих небольших кратеров в озеро Киву не раз стекала лава, заполняя бухту Китуале: в 1904 году извержение произошло из кратера Адольф-Фридрих, в 1905 году — из кратера Канамахараге, а в 1912—1913 годах — из кратера Катеруси (или Нтсуро). Жители побережья после этих извержений вылавливали из озера заживо сваренную рыбу. До самых последних лет вулканическая деятельность здесь не прекращалась, причем это касается и центрального жерла обоих крупных вулканов. Все вулканы Вирунга относятся к стратовулканам, о чем можно судить хотя бы по их конусообразной форме, а также по очень красивым обнажениям горных пород — на некоторых вулканах. Все они, за исключением Карисимби и Ньирагонго, вулканы классического простого типа. По расположению вулканы делятся на три группы: восточную (цепь потухших вулканов Муфумбиро или Мфумбиро), к которой относятся Мухавура (4127 метров), Мгахинга (3474) и Сабиньо (3674); среднюю, куда входят великолепный Карисимби (4507), главная вершина всей цепи вулканов, Микено (4437) и Височе (3711); и западную с двумя действующими вулканами Ньирагонго (3470) и Ньямлагира (3056), а также двумя крупными кратерами-сателлитами Адольф-Фридрих (1827) и Катеруси (1700 метров). Все эти большие конусы окружены многочисленными боковыми конусами, связывающими их в цепь, холмами и вул-

каническими наносами толщиной до 600 метров, которые весьма влияют на гидрографическую сеть из-за собственного многообразия. У подножий вулканов образовались большие и малые озера, а к востоку от вулканической цепи Мфумбиро расположены крупные озера (Лухондо, Мвулеру, Буньоньи, Мутанда и др.), возникшие после перекрытия долин лавовыми потоками. По всему региону вокруг вулканов разбросаны бесчисленные озерца, то с прозрачной водой, то заболоченные, чуть ли не солончаковые трясины — нередко это бессточные водоемы, возникшие в потухших кратерах или в котловинах. Самое крупное озеро этого региона — Киву, площадью 2700 квадратных километров, причем около 300 из них занимают острова; примечательно, что в этом районе нет ни комаров, ни москитов, ни крокодилов. Майер, который, прежде чем попасть в эти края, занимался вулканологическими исследованиями Килиманджаро и совершил путешествие в Эквадор, так описывал это самое высокогорное озеро Африки (он побывал здесь в связи с исследованиями вулканов Вирунга): «Глубоко погруженное в Центральноафриканский разлом, словно втиснутое в сеть разломовых линий, обрамленное разнообразнейшими по виду горными хребтами и вершинами высотой 2000—3200 метров, усеянное островами и полуостровами, поросшими лесом, расчлененное врезающимися в глубь суши, похожими на фьёрды заливами („утонувшими" устьями долин), это озеро, несомненно, самое красивое в Африке».

Когда в третичном периоде возникли вулканы Вирунга, условия стока рек и озер внутри грабена и по его краям резко изменились. Существовавшее прежде «древнее озеро Киву» имело сток прямо на север — через озеро Альберт в Нил. Когда же непреодолимым препятствием выросли вулканы, воды в озере накапливались до тех пор, пока не нашелся сток через относительно низкий южный край озерной чаши. Сейчас эта дикая горная река Рузизи, прежде чем попадает в озеро Танганьика, лежащее на целых 700 метров ниже, вращает турбины электростанции «Рузизи» близ Букаву.

Жесточайшие споры велись некогда вокруг того, какому из двух горных массивов — Рувензори или Вирунга — следовало бы отдать известное из легенд название Лунные горы. Громоздились доказательства, сталкивались мнения. В конце концов решили, что Лунные горы — это Рувензори. Однако удивительно то, что обе

эти горные системы по праву являются родоначальниками великой реки. Вся вода, стекающая с них, попадает в Нил — либо непосредственно через связывающие их озера, либо после грандиозного, кружного пути в сотни и сотни километров.

Сегодняшняя точка зрения (подводящая итог злосчастным спорам о множестве истоков Нила) различает две дренажные системы — сеть озера Виктория и сеть озера Альберт. Воды первой берут начало на восточных склонах вулканов Вирунга, а затем через реки Ньяварунгу, Кагера и озера Виктория и Кьога попадают в озеро Альберт. Рихард Кандт в августе 1898 года обнаружил исток Рукарары, «небольшую влажную ложбину в конце узкого, тесного ущелья» на высоте 2440 метров. Координаты этого истока — 29°20′ в. д. и 2°17′ ю. ш. Протяженность Нила отсюда до его впадения в Средиземное море 6671 километр: это самая длинная река планеты! А всего в нескольких милях от истока Рукарары находится исток крошечной речушки Калундуры, которая несет свои воды в озеро Киву, а оттуда, через озеро Танганьика, в Конго. Иными словами, истоки двух величайших рек Африки находятся в самой непосредственной близости друг от друга. К системе озера Виктория относятся и потоки на плоскогорье Бурунди. Далеко на юге страны, неподалеку от городка Рутана помечен сейчас на картах самый южный исток Нила (29°51′ в. д. и 3°55′ ю. ш. на высоте 2050 метров над уровнем моря). Здесь берет начало ручеек под названием Касумо, воды которого попадают в Кагеру через реки Лувиронза и Рувуву. Буркхард Вальдеккер, обнаруживший этот исток Нила, соорудил в 1938 году небольшую каменную пирамиду «в честь всех неустанных исследователей, кто еще со времен Древнего Египта искал истоки Нила».

Система озера Альберт, чья водосборная площадь равна 40 000 квадратных километров, получает воды, стекающие с массива Рувензори и горной цепи Вирунга. Воды северной стороны вулканов поступают в реку Ручуру, которая впадает в озеро Эдуард, находящееся в 60 километрах от ее истока; в него же поступают воды, стекающие в озеро Джордж. Водораздел между отдельными частями системы бассейна Нила внутри Центральноафриканского грабена создают вулканы Вирунга. Рувензори собирает влагу подобно губке. Поскольку горная цепь Рувензори окружена низ-

менностью, по которой все воды поступают с гор в озеро Альберт, то любые воды, будь то с западной, восточной, южной или северной стороны этого горного массива, попадают в него через медленно текущую в девственном тропическом лесу реку Семлики.

В описываемом регионе Центральноафриканского разлома господствует климат саванн, который характеризуется повышенной солнечной радиацией и наличием двух сухих и двух влажных сезонов в год. В горах выпадает более 1800 миллиметров осадков ежегодно. Рувензори относится к районам Земли, наиболее богатым осадками, благодаря своему положению между заболоченными пространствами Уганды на востоке и жаркими влажными тропическими лесами бассейна Конго. Вершины «Серебряной горы» (как называл ее Аристотель) всегда окутаны низкими дождевыми облаками; выпадают дожди неравномерно, но практически каждый день (до 5000 миллиметров в год). Вблизи вершин осадки выпадают в виде снега. От них зависит судьба и самого Нила, и тех 40—50 миллионов человек, что живут на его берегах. Именно Рувензори дает Нилу ту силу, которая впоследствии позволяет ему самому стать источником жизни — особенно тогда, когда он не может рассчитывать на поддержку своего брата — Голубого Нила, чье полноводье зависит от силы муссонов.

Растительный мир этого региона столь же многообразен, как и его рельеф. Открытые саванны (эуфорбиевые саванны) с отдельными перелесками и каменистыми склонами сменяются тропическим лесом. Поднимаясь все выше в горы, можно наблюдать, как происходит постепенная смена зон растительности — естествоиспытатель Франц Штульманн еще в 1900 году дал великолепное описание этого.

Зона травы от подножья горного массива доходит до высоты 2000 метров, определяя и границу расселения людей. Древнее, выветрившееся лавовое поле у подножья вулканов способствует образованию гумуса, создающего плодородную почву. «...И местное население пользуется этим вовсю. Одно за другим расположены поля-шамбы, на которых выращивают бананы, африканское просо (мтама), сладкий картофель, маис, горох и бобы»,— писал герцог Мекленбургский.

Начиная с 1900—2000 метров склоны гор покрыты густым дождевым горным лесом, где встречаются разнообразные породы деревьев, в том числе и такие ценные,

как деревья подо (*Podocarpus*), кедры (*Cedrus*), мвуле (*Chlorophora excelsa*), а кроме того, дикорастущие бананы, драконовое дерево и могучие древовидные папоротники. Здесь чудесный мир лиан и эпифитов, здесь увидишь огромные подушки зеленых, коричневых, серых мхов и похожих на бороды лишайников, здесь обитают бесчисленные антилопы-бушбоки, обезьяны, львы и леопарды. Вслед за дождевым лесом до высоты 3000 метров простирается зона гигантского горного бамбука, который получает на пологих склонах предостаточно влаги. Стебли горного бамбука (*Arundinaria alpina*) достигают 17 метров высоты. В этих зарослях вплоть до 3400 метров встречаются слоны.

Выше бамбуковой зоны, до высоты 3750 метров, простирается зона высокогорных лугов, это «величайшее пастбище на свете», заросшее вересковыми травами. Таинственный, призрачный лес из древовидного вереска (*Erica arborea*), густо заросший длинными косматыми лишайниками, удается пройти лишь с невероятным трудом. На горе Карисимби после зоны бамбуков идет зона гигантских древних деревьев хагений (*Hagenia abyssinica*). «Стволы их, окружностью до 6,45 метра, напоминавшие каменные глыбы, невысоко от земли разделяются на огромные развесистые суки, которые покрыты толстыми коврами мхов»,— писал герцог Мекленбургский.

В огромных плоских котловинах, ниже вершин Рувензори (а у группы вулканов Вирунга — уже начиная с 3400 метров, так что на склонах вулкана Карисимби они занимают полосу в тысячу метров) произрастают, пожалуй, самые причудливые растения, какие вообще встречаются в горах на такой высоте и которые типичны для самых высокогорных районов африканского континента. Речь идет о зоне гигантских растений — лобелий и крестовников, покрывающих склоны до высоты 4200 метров; они либо растут отдельными группами, либо образуют целые леса. На Карисимби лобелию обнаружили даже «на самой вершине, между снежными полями и осыпями, где ревут штормовые ветры и лавовые поля усеяны ледяными кристаллами». Крестовники (в данном случае это *Senecio johnstonii*) представляют собою мощные, широколистные, канделяброобразные растения высотой со средние деревья (до шести и даже до десяти метров высотой). Ствол толщиной до 20 сантиметров окружает толстая, пуши-

стая манжета из листьев табачного цвета, а наверху растение увенчивает зеленая розетка листьев (потому их еще называют розетколистными растениями), из которой поднимается розовый цветок высотой 1,2 метра. Гигантские стебли лобелий (*Lobelia wollastonii, Lobelia bequartii, Lobelia lanuriensis* из рода колокольчатых) похожи на огромные «банники», которыми прочищали дула пушек. Они тоже достигают высоты 5—6 метров, причем соцветия желтого, голубого и розового оттенков достигают высоты 2—3 метров. Почву между отдельными растениями крестовников и лобелий покрывает сплошной мягкий ковер из мха и лишайников; лишь кое-где встречаются полукустарниковые *Alchemilla cinera*, кустики филиппии и еще *Helichrysum* (бессмертчики); этот яркий ковер доходит до самой границы снегов — собственно говоря, это и есть здешняя зона альпийских лугов.

Руанда и Бурунди, расположенные в районе между озерами, входят также в бассейн Нила, поскольку именно здесь, как уже говорилось, находятся самые отдаленные от устья истоки этой великой реки. Государство Руанда лежит на холмистом нагорье высотой до 1500 метров, а Бурунди расположено на высокогорном плато (около 1700 метров над уровнем моря), причем территории обоих государств поднимаются к западу, к Центральноафриканскому грабену. Тропический горный лес из древовидных вересков, произраставший прежде и в низких долинах, теперь раскорчеван под пастбища и пахотные земли, так что в Бурунди, например, сохранились лишь его незначительные остатки. Земледелием здесь занимаются вплоть до высоты 2500 метров, но особенно в плодородной области у подножия цепи вулканов Вирунга. Большие площади заняты высокогорными пастбищами, которые и в Руанде и в Бурунди составляют основу довольно значительного животноводческого хозяйства: здесь содержат большие стада крупного рогатого скота, а также коз и овец.

Описанный регион вокруг горного массива Рувензори, вулканической цепи Вирунга, в Руанде и в Бурунди заселен различными народами, чье распространение и раздробленность следует отнести за счет их расселения в ходе миграции между рифтовыми долинами. В Республике Уганда — это говорящие на языках банту ньянколе (их всего 520 тысяч) и торо (208 тысяч); они населяют плодородные земли на юго-западе страны и за-

нимаются мотыжным земледелием. К западу от Буганды, очевидно еще в XV веке, в район Межозерья мигрировали хима, которые создали государства Анколе и Торо, а затем продвинулись дальше в Руанду и Бурунди. Живущие сейчас в Уганде хима (их 74 тысячи), как и прежде, занимаются преимущественно скотоводством. По отрогам Рувензори, вдоль рек Итури и Семлики, на территории Уганды, в бескрайних лесах живут группы пигмеев бамбути. В Руанде и Бурунди банту-язычные хуту занимаются мотыжным земледелием. Хуту, как считают ученые, обитают в районе Межозерья не менее полутора тысяч лет. Остальную часть населения — около 10—15 процентов — составляют исключительно высокорослые тутси, в прошлом кочевники-пастухи — они пришли в эти места, вероятно, в XII—XIII веках; около же одного процента населения составляют пигмеи батва — возможно, потомки исконного населения этих мест. Вторгшиеся сюда кочевники в XV—XVI веках создали здесь свои собственные государства (у тутси, например, это были государства Кизиба и Руанда), а некоторые из них за четыре столетия правления создали и династии правителей, и местную «аристократию». Они подчинили себе отчасти крестьянское население и установили систему налогообложения, однако впоследствии, особенно в Бурунди, они смешались с местными хуту, поэтому аристократия там не ограничивалась представителями одних лишь тутси.

События в Бурунди напоминают ход истории в соседнем государстве Руанда, но здесь кроме тутси обитали еще и пришлые хима. В этническом отношении это близкие родственники тутси, однако считается, что появились они здесь позже. В этих плодородных странах Межозерья самая большая плотность населения в Африке. Впереди всех по плотности населения идет Руанда (144 человека на квадратный километр), потом Бурунди (129 человек); что же касается провинции Кигези в Уганде, то там сейчас проживает также больше 100 человек на квадратный километр.

Древняя легенда о Лунных горах

Еще в 1825 году географ Маннерт писал, что познания древних о внутренних районах Африки были богаче, нежели познания его современников,— в его время географы-исследователи по большей части подтвержда-

ли уже известное древним авторам и лишь изредка открывали неизвестное. На протяжении почти двух тысяч лет, прошедших после «единственной запланированной исследовательской экспедиции древности» — похода двух центурионов во время правления Нерона, предпринятого с целью открыть истоки Нила,— не произошло ничего значительного, что расширило бы географические познания об этой реке. Уже в «Пуранах», восемнадцати священных книгах древних индусов, появившихся в I тысячелетии до нашей эры, упоминаются река Кали, или великого Кришны (то есть Нил), озеро Амара, или же Озеро богов (центральноафриканские озера) и еще Сома Гири — Лунные горы.

«География» Клавдия Птолемея, несмотря на все имевшиеся в ней ошибки, считалась одним из важнейших источников сведений об Африке. Однако нельзя не отметить тот положительный факт, что Птолемей, как и его предшественник Марин Тирский, сумел соотнести с системой географических координат направления и расстояния между отдельными пунктами, о которых он узнавал из более или менее достоверных рассказов путешественников и мореплавателей. К тому же в его распоряжении было очень мало результатов астрономических наблюдений, а из рассказов путешественников удавалось лишь весьма приблизительно определить координаты опорных точек, поскольку путешествовали тогда еще без компаса и хронометра. По этой, а также по другим причинам нельзя буквально пользоваться широтами и долготами, указанными в «Географии» Птолемея, когда, например, он утверждает, что «на 12°30′ ю. ш. и между 57 и 67 градусом в. д. поднимаются Лунные горы, от снегов которых питаются озера, откуда проистекает Нил».

Назывались эти озера Крофи, или Водопадное озеро, и Мофи, или Крокодиловое озеро, и вытекающие из них реки после слияния образовывали главное русло Нила в стране пожирателей слонов.

Если не принимать во внимание указанные Птолемеем координаты, остальное поразительно точно соответствует географическим реалиям в верхнем течении Нила, что подтвердили и географические исследования за последние 120 лет. Из этого можно сделать вывод, что до Птолемея доходили вести и с восточного побережья Африки, куда плавали греческие мореплаватели, поскольку там находились важные торговые цент-

ры. (Птолемей писал: «Озера, из которых берет свое начало Нил, находятся не поблизости от побережья, а далеко в глубине страны»!)

Хью Мэррей, собравший в своей книге «Исторический обзор открытий и путешествий в Африке» все доступные сообщения за последние 20 столетий, писал: «Географическая школа Птолемея была столь же известной, как географическая школа Эратосфена. Она свидетельствует уже об увеличении реального объема знаний, что, правда, не всегда говорило о непредвзятости мнений относительно неоткрытых территорий. Птолемей был, судя по всему, первым, кто составил правильное представление обо всем течении Нила и кто указал место его истоков в огромной горной цепи Лунных гор».

Арабские географы древности хорошо понимали, где находятся оба озера, бывших истоками Нила. Дополнительная информация, полученная ими с восточного побережья Африки, позволила им нанести на карты уже упоминавшееся озеро Кура. После ожесточенных дебатов, после выдвижения всевозможных доводов «за» и «против» географы через несколько столетий сошлись на том, что этими двумя знаменитыми озерами следует считать озеро Виктория (восточное озеро) и либо озеро Альберт, либо озеро Эдуард (или же оба — как западное озеро). Новое, третье озеро некоторые ученые (например, Теодор Лангенмайер) переносили в заболоченные пространства озера Но, другие считали все же, что это — озеро Альберт.

Расположение обоих Птолемеевых озер ставило на повестку дня, разумеется, и непосредственно связанный с ним вопрос о местонахождении Лунных гор. Где следовало искать горы, которые Птолемей указал недостаточно точно? И о чем на самом деле шла у него речь: о горах Эфиопии, о вулканах Вирунга, расположенных в Межозерье, о покрытом ледниками массиве Рувензори или же о восточноафриканских гигантских вулканах Килиманджаро и Кения?.. Все эти мнения соответствовали теориям, высказанным в спорах разными исследователями и учеными.

Брюс считал, что Лунные горы находятся около озера Тана. После открытий Крапфа и Ребманна проблема решалась в пользу Килиманджаро, но Спик поместил их у озера Танганьика и у горы Мфумбиро. У арабских географов, по словам Стэнли, было напи-

сано следующее: «Абу-эль-Фадель, сын Кадамы[1]... далее сказал: „Что касается Нила, то он берет начало в горах Кумр (Камар), по ту сторону экватора, из источника, откуда вытекают десять рек, которые, в свою очередь, по пять впадают в два озера; из этих двух озер вытекают по две большие реки, а уже эти четыре реки объединяются в большое озеро, из него и вытекает сам Нил“».

В рукописи неизвестного автора 1686 года название «Лунные горы», которое до самого недавнего времени занимало умы географов, понималось иначе. Дело в том, что: «Относительно происхождения слова „кумр“ существуют различные мнения. Одни считают, что произносить его надо как „камар“ (то есть „луна“), однако путешественник Ти Фаршти утверждает обратное: гору назвали так потому, „что глаза слепит яркое сияние, исходящее от нее“».

Аристотель говорит о «Серебряных горах», арабы называют их «Белые горы» или «Лунные горы». Арабский географ Шихаб-ад-дин[2] описал в 1400 году «исток той великой реки, которой на земле нет равных. Течет она от Лунных гор, находящихся по ту сторону экватора. Многие потоки стекают с тех гор и все впадают в большое озеро, откуда и берет начало Нил, величайшая и прекраснейшая река мира».

Описание это на удивление подходит к Рувензори, все ручьи и речушки которого попадают в озеро Эдуард. Да и какие же еще горы могли бы лучше соединить в себе легенду и правду, чем Рувензори, то есть «Повелитель облаков»? Только здесь можно осознать эпитет Эсхила «Египет, вскормленный снегами»; это здесь «озеро тьмы», «медные горы», перед чьими вратами «Александр и Цезарь желали молиться богам». Все говорит за это: редкое, внезапное появление горных вершин из мрачных облаков, величественные вершины, увенчанные ледниками, блеск льда лунной ночью и, конечно же, тысячи неутомимых ручьев, которые действительно делают эти горы главным истоком Нила.

[1] «Абу-эль-Фадель...» — по-видимому, имеется в виду арабский географ X в. Абу-л-Фарадж Кудама ибн Джафар, автор «Книги о поземельном налоге» (Китаб ал-харадж); разделы этого труда, касающиеся истоков Нила, до нашего времени не дошли.— *Примеч. ред.*

[2] Шихаб-ад-дин Абу-л-Аббас Ахмед ибн Али ал-Калкашанди (1355—1418) — автор одной из средневековых египетских энциклопедий.— *Примеч. ред.*

Во все времена стойко держалось убеждение, что исток Нила находится в больших озерах, питаемых высокими, покрытыми снегом горами. И хотя никто не мог доказать это предположение, оно продолжало существовать более 2400 лет в манускриптах и путевых заметках и всякий раз по-новому возникало на географических картах — будь то из-за «прогрессирующей глупости картографов» (как выражался Стэнли) или же в связи с появлением новых, достоверных сведений.

Особенно сильным было убеждение, что истоки Нила расположены на покрытых снегом горах, на восточном побережье Африки, на Занзибаре — скорее всего благодаря сведениям, доставлявшимся туда с караванами работорговцев или же торговцев слоновой костью, приходивших из глубин континента. Но лишь в 1887—1889 годах, во время третьей экспедиции Стэнли, предпринятой с целью «найти и спасти Эмин-пашу», были открыты горы Рувензори.

Огненные горы великого Гонго

28 ноября 1861 года, совершая свое знаменитое второе путешествие, Спик первым из европейцев увидел вдали восточные вулканы Вирунга, которые ему представили как Лунные горы, или Мфумбиро. Спик перенес на все эти вершины название Мфумбиро, или «Дымящиеся»: так местные жители называли усеянное кратерами плоскогорье вокруг вулканов, где из недр земли постоянно прорывались на поверхность газы и водяные пары.

«Вернувшись к палаткам, когда солнце окрасило небо алым сиянием, я стал наблюдать за горами; мое внимание привлекли некоторые крутые, смело вздымающиеся в небо конусы вершин в стране Руанда, и тут в моей памяти всплыло воспоминание об одном сообщении арабов о чудесной, вечно закрытой облаками горе, на которую всегда падает снег или град... Вершины Мфумбиро в Руанде высотой, как я полагаю, около 10 тысяч футов, пожалуй, самые высокие из Лунных гор».

«Мфумбиро» Спика — наверняка группа гор вокруг Мухавура. Поскольку вершины вулканов, а особенно вершина Карисимби, расположенного поблизости, нередко покрыты снегом, то было решено, что наконец обнаружены Лунные горы.

Рассказы о больших озерах и покрытых снегом горах (Килиманджаро и Кения) уже давно ходили на побережье, но где именно находятся эти горные вершины долгие века никто не знал. А ведь они, казалось, должны были возбуждать фантазию людей не только своими размерами, многочисленностью, но и прежде всего время от времени проявлявшейся вулканической деятельностью. Однако тому была причина — изолированность государства Руанда, отсутствие связей с окружавшим его миром. Ни один из арабских торговых караванов, добиравшихся через Карагве до Кафуро (Куфро), не мог вступить на территорию Руанды, не то что противостоять военным отрядам правителя этой страны. Таким образом, народ ньяруанда, как и масаев, миновала злосчастная судьба — стать жертвой охоты за рабами, которая между тем развернулась уже и на берегах Конго. Даже Стэнли с его хорошо вооруженным отрядом пришлось на пути к реке Конго обойти государство Руанда с востока (это произошло в 1875 году). Он писал: «Руанда начинается за линией, проведенной с запада на юго-запад, и правит там царь Кигери... Население, как рассказывают, там многочисленное и воинственное; чужеземцам не разрешают вступать на территорию страны, а если они попадут туда, их немедленно заставляют уйти».

Стэнли вторым из европейцев увидел конусы гор вдали, однако он не понял, что это — вулканы. Как и его предшественник Спик, он узнал при дворе правителя Руманики немало интересных географических подробностей относительно рек Кагера, Аканьяру и Рувуву, к верховьям которых через 16 лет смог добраться австрийский путешественник Оскар Бауманн — первый европеец, попавший в Руанду и Бурунди. Его экспедиция, подобно многим другим в пору, когда европейские державы уже стали завоевывать Африку, преследовала конкретные колониально-политические цели. Задачей таких экспедиций было «провести экономическое и географическое обследование крупных, неизвестных территорий в северной части сферы германских интересов». Однако прежде всего требовалось провести трассировку местности по заданию Железнодорожной компании Германской Восточной Африки, которая собиралась строить железную дорогу из Танги.

В Бурунди Бауманн был торжественно встречен фанатичной толпой, которая видела в нем давно пропав-

шего, жившего согласно легенде на луне, а теперь вернувшегося на землю *мвези* (короля) Макисаво (Бледнолицего). Пройдя вверх по Рувуву, он обнаружил ее исток — здесь два широких ручья соединялись в одном русле, «...мы стояли у истоков Кагеры, самой крупной реки, впадавшей в Викторию-Ньянза; англичане называют ее Александра-Нил, поскольку она одновременно является источником воды в Ниле, то есть мы стояли и у истоков Нила. Древняя проблема, на которую впервые пролил свет прославленный Спик, была нами окончательно решена; цель, к которой Стэнли тщетно стремился в 1874 году, была достигнута».

На высокой, поросшей травами горе Гансо-Кулу, между двумя ущельями, где был исток обоих ручьев, местные жители некогда хоронили своих царей (*мвези*), из-за чего эти горы получили название Мисоси-я-Мвези. Бауманн перевел его как «Лунные горы»!

В последующие годы сведений о горной цепи Вирунга поступало все больше — и от ученых и исследователей, и от офицеров немецких колониальных войск, чиновников из Бельгии и Великобритании, а также католических миссионеров. Особенно же от немецкой научной экспедиции в Центральную Африку в 1907—1908 годах под руководством герцога Мекленбургского: она имела своей целью «систематическое изучение северо-западного участка Восточноафриканского протектората Германии». Эта экспедиция была организована на средства Императорского колониального ведомства, Общества германской колонизации и влиятельных промышленных магнатов, что также подчеркивает политическое значение экспедиции. Однако благодаря поддержке Академии наук и участию известных ученых она принесла также ценные научные результаты.

В зоне вулканической деятельности провели тщательные вулканологические исследования, многие горы были впервые покорены. О почти идеально круглом кратере вулкана Ньирагонго (впервые его посетил в 1894 году граф Гётцен, во время извержения вулкана, теперь же он был «совершенно мирным») герцог Мекленбургский писал следующее: «Внутренние стенки кратера совершенно отвесны, а в центральной части плоского лавового дна образовались два расположенных рядом жерла вулкана, выглядевших подобно сплющенной огромной „восьмерке“... Диаметр кратера равен 1251 метру, его глубина — 155, а диаметр обоих вулка-

нических жерл равен соответственно 336 и 453 метрам. Вид этого огромного жерла грандиозен!»

Когда Майер в 1911 году поднялся на вершину этого вулкана, из одного из жерл вылетали, «слегка шипя, облака водяного пара», а в 1918 году «оба жерла в кальдере соединились в одно после неоднократных извержений».

В 1924—1926 годах вулканическая деятельность здесь совсем прекратилась, а некогда кипевшая масса расплавленной породы застыла, образовав нижнюю платформу. Но в последующие десятилетия гигантский вулкан вновь проснулся, зажил новой опасной для людей жизнью: выбрасывал фонтаны газа с температурой 900°С, а потом, примерно на глубине 200 метров, под внутренней платформой, образовал новое кипящее лавовое озеро площадью 40 000 квадратных метров. Местные жители считали, что гора эта — «вазиму», то есть заколдованная, поскольку в ней, по их представлениям, жил Гонго — старший из всех духов. Ньямлагира и Микено считались сыновьями великого Гонго, но Микено прогнал его, «потому что он принес огонь и уничтожил всю имевшуюся на горе воду».

В ноябре 1907 года члены экспедиции герцога Мекленбургского были свидетелями выбросов водяных паров из плоского щитового вулкана Ньямлагира, обладающего мягкими очертаниями склонов и огромным, почти два километра в диаметре, кратером, который образовался некогда в результате взрыва. Когда в 1894 году граф Гётцен и Керстинг обнаружили этот вулкан, на юго-восток от него стекал грандиозный лавовый поток длиной 25 километров.

Однако впоследствии при извержениях, повторявшихся каждые два-три года, вулкан выбрасывал из своего жерла только водяные пары и газы, правда, в гигантских количествах. Свидетелем такого крупного извержения был геолог Эгон Кирхштейн; в ноябре 1907 года он записал: «Под яростный рев и содрогания, которые напоминали то усиливающееся, то ослабевающее гудение невидимого гигантского горна, в кратере беспрестанно возникали белые облака пара, наподобие огромных кочанов цветной капусты, и они собирались у нас над головами в одно мощное, расширяющееся кверху подобно вееру облако... Вдруг из жерла вылетел широкий раскаленный фонтан, за ним — второй, третий... Словно гигант усердно выкидывал из глубин

кратера бессчетное число ведер с раскаленным шлаком. Тут же из облака дождем посыпались мелкие обломки лавы, выброшенной при извержении». Это облако, формой напоминавшее пинию, достигло 9 километров в высоту и 19 в ширину.

Когда 5 декабря 1907 года этот ученый спустился в кратер действующего вулкана, он и его спутники-африканцы едва избежали гибели: сильный подземный гул возвестил о приближавшемся извержении. К счастью, им удалось вовремя покинуть кратер.

Другой член той же экспедиции впервые покорил куполовидный вулкан гавайского типа Сабинио высотой 3674 метра, его купол оказался образован весьма вязкой лавой, которая растекалась «подобно тугому тесту».

Подняться на вулкан Микено, форма которого напоминала сахарную голову, не удалось: туман, снегопады и заряды града почти у самой вершины помешали восхождению, не говоря уже о том, что босоногим носильщикам пришлось идти по крепко смерзшемуся насту и снежным полям.

А 26 февраля 1908 года еще худшая погода стала причиной настоящей трагедии: когда отряд шел через кратер Бранка уже после покорения горделивой снежной вершины Карисимби, самого высокого из вулканов Вирунга, неожиданно резко похолодало и разразился невиданный буран. Некоторых людей, оставшихся в трясине кратера, все же удалось довести до спасительного костра, разожженного у края кратера, но ввиду полного изнеможения и наступившей темноты пришлось оставить попытки спасти остальных. Утром взорам живых открылась ужасная картина: «Лишь немногие из этих несчастных, в том числе предводитель моих носильщиков Салим, выказывали еще признаки жизни; их и удалось спасти. Остальные — всего двадцать человек, то есть примерно половина моего каравана,— лежали в снегу, замерев навеки. Замерзнуть под солнцем тропиков! Черты их лиц искажены от предсмертных мук. Страшное зрелище для всех нас, тех, кто опоздал придти к ним на помощь»,— писал Кирхштейн.

Уже более пятидесяти лет этот фантастический мир вулканов на стыке трех стран — Заира, Уганды и Руанды — имеет статус национального парка (сюда входит также территория вокруг озера Эдуард и массива Рувензори), благодаря чему гарантируется сохранность

флоры и фауны этих мест. В 1925 году здесь был создан первый национальный парк Конго (Республика Заир) — это Национальный парк Альберт (ныне — Национальный парк Вирунга) протяженностью почти 300 километров и площадью 809 тысяч гектаров; к нему со стороны Руанды примыкает Национальный парк вулканов. Большая заслуга в создании этих парков принадлежит американскому естествоиспытателю Карлу Эйкли, который подробно исследовал повадки обитающих здесь на склонах вулканов горных горилл.

В лесах по склонам вулканов и на островах озера Киву, в национальном парке, среди великолепных, красивейших пейзажей, обитают и пигмеи батва. Они не только имеют кожу более темного оттенка, чем пигмеи бамбути, живущие в лесах Итури, но и выше тех — их рост 140—160 сантиметров.

Австриец Пауль Шебеста и немецкий священник Шумахер из католической миссии в Ньюндо (близ Кисеньи на озере Киву) впоследствии обстоятельно изучали пигмеев, живущих в Руанде и на озере Киву. Пигмеи батва — опытные охотники, они используют копья и своеобразные длинные луки с тетивой из бамбука. Как и для пигмеев бамбути, их дом — лес; но лес этот отступил до высоты более 2000 метров под натиском крестьян хуту, занимающихся мотыжным земледелием,— и пигмеи также ушли в горы. Шебеста сообщал, что некоторые батва, перешедшие к оседлому образу жизни, не стали обрабатывать землю мотыгой, а нашли источник существования, став так называемыми батва-горшечниками, и смешались с окружающими их хуту.

Однако абсолютным властелином всей страны был мвами, правитель династии хима. При дворе соблюдались строгие правила. Правителя всегда окружала свита чиновников, поваров, музыкантов, палачей и многих других. Мать правителя, так же как в Уганде, исполняла роль советницы. Хуту были обязаны платить твердо установленный оброк. У тутси, как и теперь, главное богатство составляли стада длиннорогих коров. У некоторых вождей, как сообщалось, стада насчитывали до 200 000 голов скота. Самым тяжелым преступлением в Руанде считалась кража скота — за это вора сажали на кол.

Во главе провинций стояли вожди, однако, как вассалы правителя страны, они были обязаны платить ему дань и нести службу при дворе.

Первым из европейцев в эту страну попал граф Гётцен со своим отрядом; по его мнению, «страна эта представляется прекрасно приспособленной для заселения ее европейцами» (тем более, что муха цеце распространена здесь в немногих, расположенных не слишком высоко районах и заниматься здесь можно не только интенсивным земледелием, но и скотоводством). Затем Руанду присоединили к германскому протекторату, хотя в решении внутренних вопросов страна сохранила автономию. Германия потому лишь предоставила Руанде подобную «автономию», что любое серьезное вмешательство в абсолютно автократическое правление правителя-мвами со стороны европейца, поселившегося в Руанде, не могло бы никому сойти с рук без кровопролития и человеческих жертв. Герцог Мекленбургский пишет об этом без обиняков, высказываясь следующим образом: «Главная задача любого европейского представителя верховной власти всегда остается неизменной: укрепить позиции султана и влиятельных лиц, создать для них источники обогащения, дабы вызвать у них настолько сильную материальную заинтересованность в существовании власти Германии (а для этого достаточно хотя бы признать за ними право пользоваться проистекающими из их чина и положения доходами и привилегиями), что мысль о бунте не могла бы даже возникнуть — ведь это сразу же ухудшило бы их положение, так как прекратились бы поступления в их пользу».

В данном случае мвами, которого требовалось поддержать и обогатить, был рослый (2 метра 10 сантиметров!) правитель султан Мзинга. Первые европейцы, попавшие в Руанду, еще застали его двор в полном великолепии, хотя самого правителя, тогда еще малолетнего, им не показали. Всякий раз в качестве «мвами» представляли одного из верховных жрецов, наряженного в царские регалии. Лишь Кандт впервые встретился с настоящим мвами — Мзингой, когда во второй раз посетил двор правителя два года спустя. Двор располагался тогда в Ньянзе (в 40 километрах к северу от Бутаре, бывшего до 1959 года царской резиденцией). Пришельцы оказались свидетелями необычных спортивных состязаний (негры прыгали в высоту выше двух метров!) и будоражащих ритуальных и боевых танцев. В 1929 году, однако, Шебеста узнал, что Мзинга ощущал себя «пленником в собственной резиденции»: «Это

более не был гордый правитель трех с лишним миллионов ваньяруанда, самый богатый правитель Африки... Беседуя с ним, я уловил в его словах тревогу за будущее».

И было от чего. После того как Руанда в 1920 году стала подмандатной территорией Бельгии, полномочия мвами все сильнее ограничивались. 14 ноября 1931 года, через два года после упомянутой беседы с Шебестой, бельгийцы низложили великого Мзингу, который правил страной 36 лет. Тем самым навсегда исчезло последнее из традиционно существовавших крупных африканских государств. Царствовавшие после него правители, воспитанные в католической вере и получившие образование в Бельгии, были лишь бледным отражением былого величия; они послушно выполняли все, что ни требовали бельгийцы на этой «подмандатной» территории. После 1 июля 1962 года Руанда и Бурунди стали независимыми государствами с республиканским строем.

Очарованные Рувензори

24 мая 1888 года Стэнли во время своей самой долгой и полной невероятных приключений «экспедиции по освобождению Эмин-паши» впервые увидел снежные вершины Рувензори. На западном берегу озера Альберт, между Нсабе и Бадсуа, один мальчишка «обратил мое внимание на нечто вроде великолепного облака совершенного серебряного цвета, очертаниями и размерами похожего на покрытую снегом огромную гору. Очертания ее я проследил донизу, и меня поразил глубокий фиолетово-черный цвет ее подножия, про себя я даже подумал, не предвещает ли это облако ураган; однако когда я понял, что облако это видно в просвете между восточным и западным плоскогорьем, мне пришло в голову, что это вовсе не подобие горы, а настоящая огромная гора, вершина которой увенчана снегами...»

Вспомним: за 24 года до этого Бейкер уже объехал озеро Альберт, после него до южной оконечности озера добирались и Джесси, и Мейсон, и Эмин-паша — но ни один из них не видел этот мощный горный массив. (Лишь Джесси в некоторых частных письмах писал, что он обратил внимание на странное явление в небе, походившее на покрытую снегом гору.) Хотя Стэнли и

удивился всему виденному, он сам объясняет, что дело, «должно быть, в особом состоянии атмосферы, благодаря чему и возможно увидеть гору на расстоянии примерно 110 километров... ведь при такой влажности, какая здесь существует, в ясные дни от прогретой солнцем почвы поднимается вверх такое количество испарений, что уже на расстоянии 50 километров они превращаются в густой туман, и ни один человеческий глаз не в силах проникнуть сквозь него».

Дальше Стэнли замечал: «Иного рода чувства, но тоже сильные, поднимаются в душе при мысли о том, что в одном из наиболее глухих углов земного шара вечно окутанный туманами, опоясанный грозовыми тучами, в таинственном полумраке скрывался доныне один из величайших горных гигантов, снежные главы которого вот уже пятьдесят веков составляют главный источник жизни и благосостояния египетских народов <...> ... я переношусь в воображении к извивающейся линии серебристой реки, вниз по ее течению, за 6500 километров отсюда, туда, где уже очевидно ее жизненное значение, к подножью пирамид. <...> Большая часть ее вытекает из глубоких и обширных снеговых залежей хребта Рувензори...— „Царя облаков"» [3].

Стэнли выяснял у различных лесных народов, живших вблизи горы, как они называют этот горный кряж. Называли его и Бугомбова, и Авирика, и Аврука, но чаще все же Рувензу-ру-ру, Рувенджура, Рунссоро, Рувензори («Творец дождя», «Властелин дождя», «Повелитель облаков»). Через год экспедиция Стэнли вместе с Эмин-пашой и его людьми отправилась от Кавалли на озеро Альберт через безвестные территории к югу, чтобы затем через Анкори (провинция Анколе в Уганде), Карагве и озеро Виктория добраться до побережья в районе Занзибара. Впервые колонна путешественников углубилась в жаркий, влажный девственный тропический лес у реки Семлики; лес этот по разнообразию видов и пышности растительности превосходит даже леса в долине реки Итури, поскольку здесь леса «защищены складками гор, вершины которых покрыты снегами». Во время перехода вдоль всего западного края Рувензори неоднократно открывался удивленным взорам путешественников вид на «невероятную,

---

[3] The Exploration Diaries of H. M. Stanley. L., 1961.

грандиозную цепь гор» — по большей части перед заходом солнца.

Желая получить более подробное описание облика и строения горного массива, Стэнли обратил внимание своих спутников на то, что «покорившего знаменитые Лунные горы ожидает слава в веках».

К этому времени самым физически крепким из членов экспедиции был лейтенант У. Дж. Стэйрс. 7 июня 1889 года он вместе с несколькими занзибарцами, участвовавшими в экспедиции, поднялся на высоту 3254 метра и окинул взглядом снежную вершину. По его оценке, высота ее равнялась примерно 5080 метрам, а поверхность снегов составляла около полутора гектаров. Вероятно, в данном случае речь шла о горе Эмин, высота которой 4802 метра. Стэйрс считал, что ему удалось установить вулканическое происхождение горы. Он сообщал о «явственно кратероподобной ее форме», а главным его доказательством было наличие «большого числа конусообразных пиков, которые сливались в один на западной стороне, в средней части горы». В его оправдание нужно сказать, что он находился еще довольно далеко от вершин, но считал, будто смотрит внутрь огромного кратера, тогда как в действительности здесь лишь сходились гребни хребта — это был своеобразный оптический обман.

Легендарные Лунные горы Птолемея теперь не только вышли из тьмы веков — на них впервые, на высоте 3000 метров, ступила нога европейца. Штульманн впоследствии смог установить, что местные жители иногда все же собирали высоко в горах кристаллы горного хрусталя и дымчатого топаза, а потом продавали их во всех государствах хума — кристаллы эти слыли «средством для вызывания дождя».

Уже через два года Эмин-паша вернулся на западные склоны массива Рувензори в качестве главы германской экспедиции (и по личному поручению германского имперского эмиссара). От лагеря Каревия (на высоте 1330 метров) Штульманн за пять дней добрался через долину Бутагу почти до границы снегов (на высоте 4037 метров). Он подробно описал смену растительных зон (банановые плантации встречались до высоты 1950 метров). Последнее селение местных жителей он обнаружил на высоте 2220 метров, но даже на высоте 3890 метров он видел следы леопарда.

Штульманн установил, что эта горная цепь не мо-

жет быть вулканического происхождения. В 1894—1895 годах английский естествоиспытатель Дж. Ф. Скотт-Эллиот попытался подняться вверх через различные долины: так, он впервые прошел по долине Мобуку, где и по сей день чаще всего пролегают пути большинства альпинистов, начинающих свой подъем на Рувензори (здесь же путь в долину Буюку). Скотт-Эллиот нашел за свои пять восхождений в высшей степени интересные следы былого воздействия ледников на эти места. Однако его интересовали в первую очередь исследования флоры. В последующие пять лет о Рувензори забыли, поскольку британским властям пришлось заниматься более важными делами: британский протекторат над государством Буганда, объявленный в 1894 году, был встречен, по понятным причинам, яростным сопротивлением местной правящей верхушки.

После 1900 года исследовательские экспедиции в горную страну Рувензори не прекращаются. Правда, невзирая на то, служили ли эти экспедиции географическим исследованиям местности (Джонстон в сентябре 1900 года, Уайльд и Уорд в августе 1901 года), носили ли они научный характер (Мур в марте 1900 года, До в 1904 году, экспедиция Британского музея при участии Уолластона, Уосмэна, Дента в 1906 году), шла ли речь о завоевании альпинистских лавров (Фрешфилд и Мамм вместе со швейцарским проводником Морицом Индербинненом в ноябре 1905 года),— ни одна из них не производила систематических исследований, точных замеров высоты или даже просто картирования массива в целом.

В 1906 году, однако, нашелся «страстный любитель Альп, избравший своей целью Рувензори и проведение здесь максимально разносторонних исследований: он обошел всю эту горную цепь — от самой высокой вершины до самой глубокой низины, по всем ее узким долинам и глубоким ущельям»,— писал Стэнли.

Луиджи Савойский, герцог Абруццский, обратил на себя внимание еще раньше своими смелыми экспедициями. Он первым покорил гору св. Ильи (высотой 5489 метров) на Аляске, когда ему было 24 года, а в 1900 году, во время полной приключений экспедиции на санях по льдам Северного Ледовитого океана (подобно нансеновской экспедиции), достиг самой северной для того времени широты — 86°39′49″!

В его новой экспедиции участвовали проверенные

Килва Кисивани, форт Гереза

Килва-Кисивани,
большая мечеть

Микиндани. Помещение, где продавали невольников.
Слева на переднем плане — дом, где жил Давид Ливингстон

Гранитные образования на южном берегу озера Виктория и на его островах (на снимке — в заливе Эмин паша)

На узких улочках
Занзибара
часто можно встретить
торговца
черным кофе-мокко

Колбасное дерево
в Судане,
на юге его называют
«яичным плодом»,
«слоновым
лакомством»

Автор у подножия
Лунных гор,
в лесах Итури,
где живут
пигмеи-бамбути

Мальчик-масаи
в небольшой
деревни
в Восточноафри-
канском грабене

Плетение циновок
на острове
Занзибар

Пигмеи
из девственных
лесов Итури

Скалы на берегу озера Виктория близ Мванзы

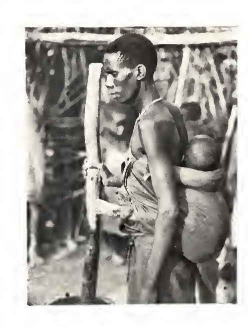

Рыбацкие лодки на побережье близ Линди

Жители города
Аруша
(Танзания)

На рынке
в Аруше

Ребенка по традиции носят за спиной, даже во время сельскохозяйственных работ

Дар-эс-Салам. Университет

Рабы в надетых на шею «шебу»
(раздвоенный сук с поперечиной)

Галеас «Иисус из Любека», купленный в 1544 году
королем Генрихом VIII и не раз участвовавший под командой
Дж. Хокинса в различных пиратских акциях

Одна из португальских каравелл, на которых были открыты далекие земли

Пленники, попадавшие на рынки рабов в результате междоусобных войн

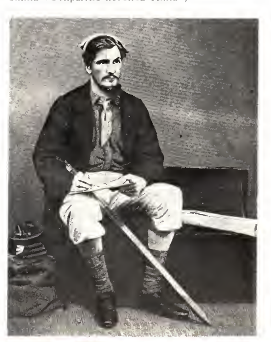
↓ Одно из первых изображений африканских слонов, которое увидели европейцы (из книги Иова Лудольфа «История Эфиопии»)

Джон Хеннинг Спик (гравюра из книги Спика «Открытие истоков Нила»)

Джеймс Огастес Грант (гравюра из книги Спика «Открытие истоков Нила»)

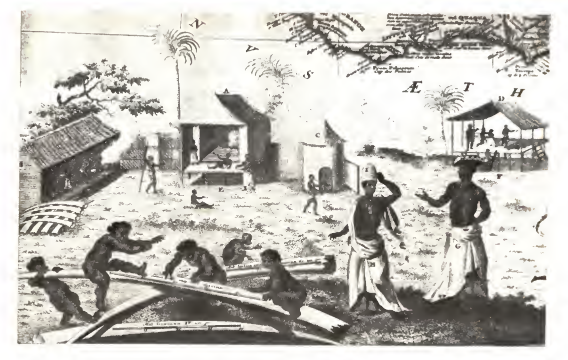

Спик и Грант на утреннем приеме у царя Мтесы I

Мунза, правитель народа мангбету, в своем парадном наряде

Шиллук на тростниковом плотике с которого охотится за рыбой при помощи гарпуна

Слоновые бивни — предмет экспорта из Центральной Африки

Меновой рынок. Алкоголь, дешевые ткани и бусы обменивались у местных жителей на драгоценные камни и предметы из золота

люди, бывавшие с ним в его прежних путешествиях. В ее состав также были включены опытные проводники-альпинисты; кроме того, в ней принял участие и знаменитый альпинист и фотограф Витторио Селла.

Меньше чем за месяц в 1906 году члены итальянской экспедиции сумели покорить все значительные вершины (всего 16), был также собран богатый научный материал о строении, внешнем виде массива, о размерах ледников, изготовлена также топографическая и геологическая карта Рувензори.

Как это принято и по сей день, в последних селениях вокруг Ибанда путешественники наняли носильщиков из племени ваконьо. С невероятным трудом босоногие, плохо одетые жители гор тащили снаряжение и продовольствие экспедиции по сырым, заросшим дикой растительностью долинам — все выше и выше, «хотя у них почти всегда были распухшие от холода ноги, пораненные и сбитые на камнях», хотя они даже отмораживали себе пальцы на ногах.

Из большого числа совершенных восхождений на вершины Рувензори здесь стоит отметить первое покорение самой высокой из вершин горы Стэнли, а также всего массива Рувензори в целом — пика Маргариты; передадим впечатление от него словами герцога Абруццского: «Седловина заключена меж двух огромных трещин, идущих от одной вершины до другой... Пришлось идти почти что напрямик к ледяной стене, которая из-за тумана едва видна. В скором времени стоим все пятеро почти вертикально друг над другом и вот затем медленно поднимаемся по ступеням, которые Петига вырубает сильными, размашистыми ударами ледоруба в отвесной стене, без конца осыпая нас градом льдин и фирна... Так мы добрались до фирнового карниза между огромными ледяными сосульками, похожими на сталактиты и сталагмиты, которые, как оказалось при ближайшем рассмотрении, образуют колоннаду, частую, как деревья в лесу; ... славный Оллье, стоя на одной из широких ступенек, служил Петиге в качестве подставки. Вот тот ступил ему своими тяжелыми, горными, с шипами ботинками на плечи, потом — на голову и вонзил ледоруб глубоко в фирн выше края карниза, чтобы подтянуться к гребню. Пройти за ним следом было для остальных уже детской забавой. Гребень покорен! Еще несколько минут ходьбы — и вот я ступил на самую высокую вершину Рувензори!»

Сегодня тайны легендарных Лунных гор разгаданы — но все же своеобразный мир ледников у самого экватора с его фантастическими, чудесными растениями остается мечтой всякого альпиниста и ботаника. Альпинистский клуб Уганды располагает несколькими живописными хижинами и приютами в горах для устройства бивака: в них можно попасть через долины Мобуку и Буюку, и это облегчает восхождение на вершины Рувензори (например, хижина Ньямилею находится на высоте 3250 метров; хижина Буюку — 3920 метров; хижина Китандра — 4000 метров). Несмотря на это, однако, на «аудиенцию у повелителя облаков» требуется не менее двух недель, и путешествие это попрежнему серьезное, которое необходимо как следует подготовить.

Последняя экспедиция Стэнли дала кроме сенсационного открытия Рувензори также доказательство существования еще одного крупного озера. Стэнли назвал это озеро Альберт-Эдуард — 16 июня 1889 года он увидел его предпоследним в цепи крупных центральноафриканских озер. Но ведь Стэнли видел это озеро еще 14 лет назад: когда он отправился с отрядом из 2100 воинов-ганда вдоль реки Катонга в сторону озера Альберт. Открывшуюся его взору водную поверхность глубокого синего цвета он назвал тогда заливом Беатрис, поскольку считал, что перед ним — залив озера Альберт, которое, по данным Бейкера, было гораздо больше своих действительных размеров. Позже царь Кабрега (Кабарега), властелин граничащего с этим озером царства Буньоро, заявил, что так называемый залив Беатрис относится к другому озеру. Из всех предположений, сделанных в последующие годы географами, правильным оказалось заключение Кирхгофа: большое количество воды, выходящей из озера Альберт, доказывает его связь с новым озером (конджо называли его Лверу или Дверу). Поход Стэнли в 1889 году вверх по реке Семлики к берегам озера Эдуард подтвердил это. Правда, зеркало озера с тех пор еще больше опустилось, и теперь залив этого озера, Беатрис, стал самостоятельным озером Джордж (площадью 295 квадратных километров), которое соединялось с озером Эдуард через протоку Казинга.

В бухте на северной стороне озера Эдуард, рядом с двумя солеными озерами, находился городок Катве, населенный народом расура, вождь которого, Рукара,

бежал при вести о приближении чужеземцев. Жители Катве (их было около 2000 человек) добывали себе средства к существованию тем, что добывали в озере и продавали окрестным народам соль — они переправлялись в самые дальние уголки озера на легких, «сделанных из коры и сшитых лыком лодках» (как уже говорилось, даже пигмеи ака этой солью платили дань своим покорителям — мангбету). Стэнли писал: «Из Макары, Уконжу, Уньямпака, Анкори и Руанды приходят целые флотилии челноков с зерном для обмена на соль. Сухопутные караваны появляются из восточной Уконжу, северной Усонгора, из Торо и Ухайяны и меняют на соль свое просо, рогожи, лубяные ткани, бобы, горох, туллабун (элевзина), кунжут, сезам, железные изделия, оружие и проч. и проч. Обитатели островов, рассеянных по озеру Альберт-Эдуард, нагружают свои мелкие суда солью и сушеной рыбой и находят выгодным сбывать этот товар у западных берегов на местные продукты»[4].

«Я ... сошел ... на песчаный темный берег соляного озера Катуэ и очутился в таком месте, где грудами навалены соляные глыбы. [...] Вкусом вода напоминает самый крепкий рассол. Там, где в песке вырыты ямы и в них пропущена озерная вода, испаряющаяся из них под действием солнца, в ямах осаждаются толстые слои соли, твердой, как камень, и с виду похожей на грубый кварц»[5].

Лучший сорт соли — кристаллы розоватого цвета. Впрочем ее выламывали и прямо из покрывавшей почву соляной корки.

Обладать такими месторождениями соли означало не только сильно выигрывать в коммерческом отношении, но и оказывать политическое влияние на окрестные племена, нуждавшиеся в соли. Так было и в случае с Катуэ. В те времена это месторождение принадлежало Кабреге. Ему же принадлежало и второе, еще более богатое месторождение соли в уже упоминавшемся Кибиро, на восточном берегу озера Альберт.

Однако вскоре после того как англичане заключили договор с царем Мвангой, правителем Буганды, они прогнали подданных Кабреги из Катве и поставили здесь сторожевой пост — так называемый Форт-Джордж, представлявший собой лишь несколько бедных хижин

[4] *Стэнли Г. М.* В дебрях Африки. М., 1958, с. 368.
[5] Там же, с. 367.

и частокол вокруг соляной ямы. Впоследствии при определении границ вновь возникли трения из-за того, кто будет обладать Катве — теперь уже между европейскими «защитниками» негров. Вначале границей считалась 30-я долгота, а значит, Катве принадлежало государству Конго[6], поэтому британское колониальное управление указало на «серьезные ошибки в измерениях на местности» и ловко передвинуло вышеозначенный градус долготы к западу от Катве, которое благодаря этой операции опять стало принадлежать Англии. Однако у бельгийцев возникли вполне оправданные сомнения в справедливости этого утверждения, и вот в 1907—1908 годах вновь были проведены измерения на местности. Монополия на торговлю солью принадлежала тогда султану Торо Касакаме, однако вопрос стоял о том, чтобы «передать Катве, после окончательного определения его национальной принадлежности, в более умелые руки» — а именно, в руки английских колонизаторов.

Сейчас городок Катве расположен на территории Национального парка Рувензори, который раскинулся на площади 1985 квадратных километров,— севернее озера Джордж он доходит до Касесе; на его территории расположено множество потухших вулканов и соленых кратерных озер (всего их 87!). Неподалеку от Катве, там, где в озеро впадает речка Казинга длиной 40 километров, расположена гостиница «Мвея-Сафари-Лодж»: отсюда туристы отправляются в поездку на моторных лодках по Казинге, где они могут наблюдать в непосредственной близости бегемотов, слонов, буйволов и многих других животных. В этом парке можно увидеть большие стада слонов, пасущихся антилоп-топи, можно увидеть льва, лениво разлегшегося на ветвях акации. «У озерных рукавов и проток, очень похожих на русла рек и также то расширенных, то суженных, водится несметное множество всякой водяной птицы: утки, гуси, ибисы, цапли, аисты, бакланы, кулики, рыболовы, нырки и проч.»,— писал Стэнли.

«Пеликаны резвятся тысячами... невозможно описать толчею, которую устраивают погоныши и лысухи, а белые и серые чайки, оглашая криками воздух, носят-

[6] «Независимым государством Конго» именовались бельгийские колониальные владения в бассейне этой реки с августа 1885 по ноябрь 1908 г. Сувереном Независимого государства Конго был бельгийский король Леопольд II.— *Примеч. ред.*

ся бесчисленными стаями. В зарослях тростника копошатся, беспрестанно щебечут бесчисленные птахи, у края тростниковых зарослей ненасытные розовые фламинго, нередко в компании с марабу, степенно выуживают себе пропитание из стоячей воды»,— писал герцог Мекленбургский.

Богатые рыбой озера (здесь водятся щуки, тигровые рыбы, амии, или ильные рыбы) представляют для местных жителей один из основных источников питания, поскольку в Национальном парке, разумеется, запрещена любая охота. Рыболовство все сильнее развивается на озере Джордж, и теперь уже построены рыбоперерабатывающие фабрики, которым в скором времени надлежит здесь играть ведущую роль.

У западного и северного подножия легендарных Лунных гор, в густых, непроходимых лесах вдоль Семлики и Итури все путешественники, названные выше, встречали загадочных «карликов», которых упоминали еще древние историки.

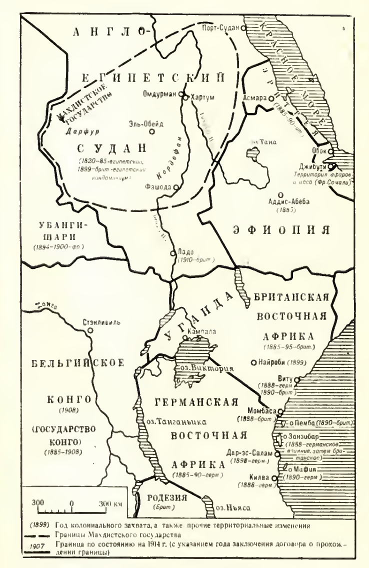
В описанном в этой главе регионе и сейчас живут группы пигмеев — тва, ака и эфе, хижины которых, сделанные из листвы, напоминают ульи. Частично пигмеи ассимилированы своими соседями-банту; последние нередко предоставляют им, как дешевой рабочей силе, работу на своих пальмовых плантациях. Были предприняты попытки переселить их в сельскохозяйственные районы и приобщить к земледелию. Ответственность за их судьбу целиком лежит на африканских государствах, на территории которых живут группы пигмеев; они обязаны предоставить им все возможности для развития их будущего, чтобы пигмеи могли стать равноправными гражданами государства.

Описание этого чудесного региона вокруг древних Лунных гор, этой «истинной страны чудес и тайн» (как писал о ней Стэнли), невозможно завершить, не упомянув об одном крайне странном животном, о котором до начала этого века знали лишь жители лесов. Речь идет об окапи (*Ocapia johnstonii*). Оно принадлежит к семейству жирафов, но размером с лошадь, и причудливо сочетает в себе черты и антилопы и жирафа. Хотя по дремучим лесам вдоль реки Семлики прошло немало экспедиций, а позже здесь довольно долго жили бельгийские чиновники из колониальной администрации, лишь в 1900 году скандинаву Эриксону, находившемуся на службе у бельгийцев, удалось узнать о су-

ществовании этого животного; пигмеи бамбути называли его «окапи». Он же смог получить от пигмеев шкуру этого животного, которая затем попала в Лондон через тогдашнего губернатора Уганды Гарри Джонстона и вызвала в ученом мире невероятную сенсацию. В 1904 году швейцарец Ж. Ж. Давид привез из своего путешествия (он поднимался на Рувензори) новые данные и о пигмеях, и об окапи. Дело в том, что только пигмеям удавалось тогда поймать это исключительно осторожное животное — и то после долгого, упорного, порой длившегося несколько дней преследования, когда удавалось пронзить его копьем с отравленным наконечником. Например, в 1905 году для поимки окапи была специально организована охотничья экспедиция под руководством Пауэлла Коттона, но по прошествии шести месяцев (!) она окончилась безрезультатно.

Сейчас известна единственная в мире станция по отлову окапи на берегу реки Эпулу близ Момбасы (Республика Заир); здесь редких животных сначала долго наблюдают и приручают, а затем отлавливают и отправляют в зоопарки всего мира.

СОПЕРНИЧЕСТВО ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

История колониального захвата Восточной Африки

Заблуждается тот, кто считает, будто государство создает колонии с целью нести их народам достижения культуры и цивилизации.

Готлоб Адольф Краузе

Схватка за Африку

К 1876 году владения европейских держав еще занимали в основном территории вокруг опорных пунктов, большей частью на морском побережье континента. Ленин называл это «пиратским захватом территорий», жертвой которого в то время стало около 10% территории Африки. Но дальше началась «борьба за территориальный раздел мира», охота за колониальными владениями, которые одни только и давали, как писал Ленин, «полную гарантию успеха монополии против всех случайностей борьбы с соперником»[1].

В последующие двадцать лет империалистические державы захватили еще 80% территории континента. Финансовый капитал все жестче диктовал условия проведения колониальной политики правительствам своих стран, каждое из которых желало опередить других конкурентов (и одновременно сообщников) в этом «соперничестве вокруг Африки». «Черный континент» — обескровленный, расчлененный, производивший товары еще докапиталистическими способами и только для удовлетворения собственных потребностей — не мог ничего противопоставить такому натиску мощных индустриальных держав с их военным потенциалом.

Но чтобы предотвратить серьезные столкновения держав и закрепить дипломатическим путем границы (в действительности уже возникшие благодаря политическим или военным ухищрениям), были проведены международные конференции и совещания. Одной из таких вех на пути, пройденном многострадальной Африкой, стала Берлинская колониальная конференция (или конференция по вопросу Конго), проходившая с 15 ноября 1884 по 2 февраля 1885 года.

К тому времени Стэнли, который незадолго до того

[1] *Ленин В. И.* Империализм, как высшая стадия капитализма.— Полное собрание сочинений. Т. 27, с. 380.

обследовал русло реки Конго, сумел по поручению бельгийского короля Леопольда II заполучить во «владение» огромные территории. Сам же бельгийский монарх еще на проходившей до этого в Брюсселе конференции 1876 года торжественно оповестил мир о своих намерениях — как, пожалуй, лучше него не смог бы сделать никто из его единомышленников: «Открыть для цивилизации единственную часть света на нашей планете, куда цивилизация еще не дошла, рассеять тьму, окружающую целые народы,— вот, по нашим представлениям, цель нового крестового похода, достойного этого века прогресса».

А дальше он торжественно заверял: «Надо ли мне говорить о том, что, пригласив вас в Брюссель, я не руководствовался эгоистическими соображениями. Нет, господа, отнюдь не руководствовался».

Разумеется! Каждый из присутствовавших наверняка и так хорошо понимал его истинные побуждения, поскольку у себя в кабинетах участники конференции сами сумели придумать аналогичные филантропические формулировки — или уже занимались тем, что «рассеивали тьму» где-либо в Африке; как именно, об этом только что говорилось. (Лишь благородный «крестовый поход» короля Леопольда привел к истреблению всего за 35 лет примерно половины населения Конго!)

В 1884 году Соединенные Штаты Америки признали аннексированную Стэнли территорию в качестве «Свободного государства Конго», хотя Португалия и Великобритания заявили официальный протест, а Франция восприняла это как появление конкурента на уже захваченной ею части Конго.

Германия, которую до тех пор обходили в этой схватке за колонии, успела до того времени, как состоялась колониальная конференция в Берлине, занять Того и Камерун. Кроме договора относительно Конго Берлинская конференция приняла решение о взаимных обязательствах договаривающихся сторон и об основах дипломатических отношений в Африке — причем это лишь ускорило окончательный раздел Африки между европейскими державами. Но пока за столом переговоров в Европе по империалистическим меркам кроили для Африки новую смирительную рубашку, пока на побережье континента подготавливалась территориальная аннексия внутренних областей (а значит, и захват земель вокруг питающих Нил рек Центральной Афри-

ки), целая страна в нижнем течении великой реки уже стала жертвой европейской колониальной политики.

Как уже говорилось, распри между Англией и Францией из-за стратегически важного Египта привели к принятию военных, экономических и политических мер. Положение вновь обострилось, когда в 1856 году французскому предпринимателю Ф. Лессепсу удалось получить от египетского наместника Саид-паши концессию на строительство Суэцкого канала. Лорд Пальмерстон заявил по этому поводу: «Явная политическая цель всего этого предприятия — способствовать отделению Египта от Турции, а за этим скрываются и те соображения, как легче добраться до наших владений в Индии; соображения, которые мне нет надобности излагать подробнее».

Великобритания решила, что «ключ к Индии» попал в руки французам. Правда, при английском премьер-министре Дизраэли удалось задним числом скупить половину акций Суэцкого канала и тем самым пресечь единоличное господство Франции. Вслед за тем в Каире была учреждена международная Комиссия египетского долга [2], а в кабинет Нубар-паши в 1878 году были введены европейцы — то есть фактически в Египте стали хозяйничать обе европейские державы.

На совести египетских властей было 20 тысяч погибших египтян и 94 миллиона фунтов стерлингов государственного долга; при хедиве Тевфике правительство полностью попало под влияние Великобритании. Восстание под руководством Ораби-паши и связанное с этим формирование нового правительства, а также новый курс на национальную автономию, исполненный пробуждающимся самосознанием египтян, заставили британский флот прибегнуть к вооруженной интервенции. 11 июля 1882 года в 7 часов утра первые снаряды обрушились на густонаселенную Александрию, а 13 сентября того же года армия Ораби-паши потерпела поражение при Тель-аль-Кебире (вблизи Каира) в столкновении с высадившимся в Египте экспедиционным корпусом англичан. Франция по договору 1904 года при-

[2] После объявленного Османской империей в 1875 году финансового банкротства в Египет была направлена английская финансовая миссия, которая составила доклад о тяжелом финансовом положении Египта и предложила установить над ним иностранный контроль; в результате Комиссия египетского долга из представителей Англии, Франции, Италии и Австро-Венгрии получила право ведать доходами и расходами Египта.— *Примеч. пер.*

знала создавшееся положение в Египте справедливым, за что ей была гарантирована поддержка английской стороны в Марокко.

Попытки Египта проводить самостоятельную политику тем самым развеялись окончательно и бесповоротно — вместе с пороховым дымом сражения при Тель-аль-Кебире. Британские генеральные консулы опутали Египет сетью политических и экономических интересов своей страны, а в 1914 году, оказавшись в состоянии войны с Турцией, Египет окончательно стал британским протекторатом.

«Юнион Джек» или «Триколор»?

Победой над Ораби-пашой было закреплено господство Великобритании над «самой важной страной на великом пути в Индию» (как называл ее Бейкер) или же, как говорил лорд Пальмерстон, над самой значительной из «гостиниц» (какими были также и Капская колония, Маврикий, Аден); но вот над прокаленными солнцем равнинами Судана взвились знамена пророка Магомета — в руках восставших махдистов.

Мухаммед Ахмед, сын корабельного плотника Абдуллы из города Донгола, в прошлом странствующий проповедник одной из исламских сект, а теперь всеми уважаемый шейх на нильском острове Абба, провозгласил себя давно ожидавшимся Махди — посланником аллаха, предводителем мусульман в борьбе с неверными.

Проведя многие годы в странствиях, Махди хорошо знал народ, видел его бедность, которую усугубляли гнет налогов и иностранная оккупация; он умел найти нужные слова, когда обращался к народу. Помимо религиозной войны (которая означала «очищение» магометан, борьбу за чистоту ислама) его программа действий, по сути, была программой национально-освободительной революции: он призывал освободить Судан от господства англичан и египтян, отменить тяжелый гнет налогов и т. п. Свидетельствами размаха и мощи восстания стали первые успехи в сражениях и вспыхнувшие повсеместно бунты. После уничтожения шеститысячной армии под командованием Юсуфа-паши, после трехмесячной осады и успешного штурма города Эль-Обейд 18 января 1883 года в руки махдистов перешла

вся провинция Кордофан. Очень важная область Гезиры досталась им еще раньше. Великобритания осознала грозившую ей в Судане опасность, и туда немедленно был послан экспедиционный корпус численностью 10 тысяч человек под командованием британского генерала Хикса (Хикс-паша). Но незнание условий Судана, раздоры и противоречия между офицерами египтянами и неегиптянами, а также тактика махдистов во время ведения боев стали причинами сокрушительного поражения этого корпуса 4 ноября 1883 года под Эль-Обейдом. Психологическое и политическое значение этой победы махдистов значительно превосходило количество взятых трофеев: 1700 ружей, 1 миллион патронов, более 40 пушек и 20 тысяч ядер [3]... В ряды махдистов влились новые массы верующих мусульман. Правительство потеряло контроль также над провинциями Дарфур и Бахр-эль-Газаль, причем в восстании против правительственных войск принимало участие и нилотское население этих провинций. Ладо, центр Экватории (Экваториальной провинции), в 1884 году был взят в кольцо восставшими бари, а впоследствии Эмину-паше, губернатору этой южной провинции Судана, пришлось отступать под натиском отрядов динка и бари до самого озера Альберт. Тем временем был взят Бербер, и это решило судьбу Хартума; путь вниз по течению Нила, в Египет, а также на побережье Красного моря, в Суакин, был под контролем махдистов.

Чарлз Гордон, английский генерал, прежде бывший наместником в Судане, а теперь вновь посланный в Хартум в чине генерал-губернатора, запросил подкреплений сразу же после своего прибытия туда: «Ответьте, наконец, соответствует ли вашим планам уход из Судана?! Если нет, нужно срочно действовать — с помощью индийских войск, через Вади-Хальфа, и прислать эти войска нужно немедленно. Дело в том, что внутреннее возмущение здесь гораздо опаснее, чем любой внешний враг».

Провалилась и попытка создать в отдельных провинциях новую структуру управления во главе с членами прежних правящих семей, чтобы получить опору перед лицом наступающих махдистов. Генералы вой-

[3] В «Истории Судана» С. Р. Смирнова (М., «Наука», 1968) приведены другие цифры: более 5 тыс. винтовок, пять пушек, склады с товарами, продовольствием, боеприпасами и пр.— *Примеч. пер.*

ска Махди единодушно отклонили всевозможные посулы Гордона. Но в Каире предпочитали не принимать к сведению официальные заявления Гордона, или же Англия по дипломатическим соображениям оттягивала ответы на них.

26 января 1885 года махдисты с боем взяли Хартум. Через два дня здесь появился английский корпус, которому потребовалось четыре месяца, чтобы добраться сюда вверх по Нилу,— но он отступил под натиском махдистов. Судан был теперь полностью в руках махдистов.

В последующие 13 лет положение в Судане определяла политика халифа Абдаллаха, последователя и ближайшего соратника Махди, который скончался всего через несколько месяцев после взятия Хартума. Поначалу махдисты еще не раз одерживали военные победы, однако ситуация после завоевания независимости быстро изменилась. Государство махдистов ослабляли такие факторы, как коррупция, эпидемии и начавшийся голод; способствовали этому и нескончаемые войны как внутри страны, так и с внешними врагами, например с Эфиопией, где правил опиравшийся на Англию Иоанн IV. Внутренние разногласия в феодальной верхушке, разрешавшиеся за счет народных масс, и серьезные экономические трудности стали предвестниками окончательной катастрофы, произошедшей после поражения, которое 2 сентября 1898 года нанесла махдистам англо-египетская армия под командованием англичанина Герберта Китченера.

Что же заставило английское правительство через 11 лет после поражения, которое потерпели их войска от махдистов, вновь начать активные действия в Судане: ведь изменение политики в этом вопросе потребовало специального парламентского решения? И до тех пор предпринимались все возможные меры, чтобы оставить за собой право пользоваться «нильским коридором». В Эфиопии начали обретать все большее влияние итальянцы (по договору в Уччиале они уже провозгласили завоеванные на побережье области «колонией Эритрея»), поэтому два договора, заключенные в марте и апреле 1891 года, были призваны защитить интересы англичан на востоке; на западе Судана была предпринята попытка подобного же урегулирования отношений с Францией. В мае 1894 года Великобритания «сдала в аренду» провинцию Бахр-эль-Газаль государ-

ству Конго Леопольда II — дабы умерить устремления Франции.

Но вдруг с таким трудом сооруженная стена оказалась разрушена на восточном конце «нильского коридора»: 1 марта 1896 года итальянские войска под командованием генерала Баратьери потерпели сенсационное поражение в сражении при Адуа от войска Менелика II. Это говорило об усилении влияния соперницы англичан — Франции, которая преследовала в Эфиопии собственные цели; французы уже получили концессию на строительство в Эфиопии железной дороги до порта Джибути. А значит, главный колониальный соперник англичан оказывался гораздо ближе к стратегически важным землям на берегах Нила, чем сама Великобритания.

Так началось соперничество за среднее течение Нила и схватка за не принадлежавшую тогда никому из европейских держав Экваториальную провинцию (Эмин-паша в 1899 году последовал за Стэнли на восточное побережье Африки): конкурентами здесь были Великобритания, Франция, Германия, а в решающий момент и Бельгия. Английскому майору Каннингему не удалось «заполнить вакуум», пробравшись в те края из Уганды: его продвижению воспротивился правитель Буньоро Кабарега.

Франция, воспользовавшись удобным моментом, отправила на средний Нил несколько экспедиций: три колонны с эфиопских нагорий (миссия Боншана), которым, правда, не удалось достичь цели, еще одну экспедицию из Стэнливиля (барон Дани) и, наконец, отряд Маршана с верховий Убанги. Требовалось установить связь с Французским Сомали, которому придавалось серьезное политическое значение в качестве противовеса английскому опорному пункту Аден. Одновременно предполагалось, что удастся нарушить существовавшую английскую ось «север—юг» вдоль Нила и тем самым придать бóльший вес французскому влиянию в Чаде.

Более двух лет пробивался отряд полковника Жана Батиста Маршана через непроходимые леса бассейна Конго: из Лоанго на восток был пройден путь в 4800 километров, отмеченный множеством приключений. При этом полковнику приходилось не только бороться с неимоверно сложными условиями, преодолевать трудные дороги и отбиваться от махдистов, но и помнить

о крайне «взрывоопасном» характере своей миссии. Но главным противником было время. Только 10 июля 1898 года Маршан со 180 членами отряда — четвертью начального количества — достиг, наконец, желанных берегов Нила около города Фашода и торжественно поднял над ним французский флаг. «Триколор» французов развевался на 10° с. ш. у той самой реки, вокруг которой кипели политические и военные страсти, а тем временем английский «Юнион Джек» наступал на оплот махдистов у 18° с. ш.— вооруженные до зубов отряды англичан шли на Бербер. Но все же Франция достигла Нила!

После того как у Омдурмана махдисты проиграли сражение, потеряв множество жизней, а также самостоятельность своего государства под губительным огнем недавно изобретенных пулеметов и под разрывами снарядов британских канонерок, Китченер тут же отправился вверх по течению Нила. Отряд из двух тысяч человек и экипажи канонерок, сопровождавших его по реке, не могли не знать о цели этого похода: Китченер вполне осознавал серьезность дерзкого маневра французов, так же как Маршан — невыгодность складывающейся ситуации с военной точки зрения, хотя в географическом отношении она и была выгодной. И вот всего в 500 метрах к югу (!) от развевавшегося трехцветного французского флага на мачтах военных судов взвились флаги Великобритании и Египта. Канонерка и батальон солдат под командованием англичанина майора Джексона взяли на себя «охрану» французов. Фашода, некогда бывшая столицей шиллуков, тогда представляла собой незначительное скопление жалких хижин; но в тот острый момент здесь скрестились колониальные интересы соперничающих держав; и Фашода превратилась в «горячую точку», центр внимания общественности всего мира. Название «Фашода» будоражило лучшие дипломатические умы того времени, а в бумажных джунглях буржуазной прессы вызвало целый ураган эмоций — ведь почти три месяца народы жили под нависшей угрозой войны. Наконец кабинет министров в Париже отступил перед силой. 11 декабря 1898 года Маршану пришлось покинуть этот географический пункт, который мог бы стать новой точкой отсчета в равновесии сил между Англией и Францией; но отныне колониальные владения Франции ограничивались территорией Западной и Северо-Западной Африки.

В наши дни Кодок (так в 1905 году переименовали по указке Лондона Фашоду) — незначительный торговый пункт на берегу Нила. В водах реки отражаются беленые стены полицейского участка. На табличке, укрепленной на его стене, непритязательная надпись: «Маршан 1898».

Оба флага, которые лорд Китченер некогда водрузил рядом с трехцветным французским флагом, в течение 54 лет действительно имели чисто символическое значение. Ведь заключенный 19 января 1899 года договор между Великобританией и Египтом о кондоминиуме — эта, по выражению лорда Кромера, «гибридная форма правления» — с тех пор следующим образом регулировал совместное управление Суданом: параграфы 3 и 4 этого договора гарантировали генерал-губернатору права, которые египетское правительство не смело оспаривать. Кроме того, назначение генерал-губернатора осуществлялось по рекомендации британского правительства. Согласно параграфу 10 назначение консулов допускалось также лишь по решению лондонского кабинета. Э. Д. Шёнфельд сформулировал такое положение вещей следующим образом: «Когда лев и мышь объединяют свои усилия в общем деле, например, станут вместе у руля корабля, то курс его будет определять давление львиной лапы, а не мышиной лапки. Мышь может быть недовольна этим; но ей не остается ничего другого, как состроить хорошую мину при плохой игре — если она хочет продлить свои дни».

Судан фактически стал колонией Великобритании.

Новый соперник

О докажите же отечеству: ни честь
Не запятнать вам, ни оружие свое!
Где ни вонзите в землю вы копье,
Там блага нации источник есть...

Эти строфы, принадлежавшие некоему рифмоплету, осененному благосклонностью «безвестной шовинистической музы», написаны по случаю отправки экспедиции Карла Петерса в Восточную Африку в 1887 году. А далее в заметке, напечатанной в органе «Германского Восточноафриканского общества» «Колониально-политическая почта», с триумфом сообщалось: «Имеет смысл сравнить эту вторую экспедицию Карла Петер-

са с его же первой экспедицией, предпринятой осенью 1884 года! Тогда четверо человек тайно отправились к берегам Африки под вымышленными именами, располагая лишь незначительными средствами... сейчас же германские владения в Восточной Африке, основанные той экспедицией, защищены императорской охранной грамотой и международными соглашениями, подписанными Германией».

Тогда действительно пришлось тайком отправляться в Восточную Африку, на манер конкистадоров, после того как лживые сообщения прессы обманули и общественность и само правительство, поскольку «колониально-политические намерения князя Бисмарка осенью 1884 года были еще весьма, весьма неопределенными», как трактовал ситуацию Петерс. На так называемое предписание Гатцфельдта[4] Петерс тогда ответил в таком примерно духе: «Я не могу даже вообразить, чтобы мне пришло в голову обращаться на побережье Занзибара с просьбой об юридической защите; но в будущем прошу не спешить с отказом мне в чем-либо, пока я не обращусь с просьбой».

Но в официальном обращении в министерство иностранных дел этот задиристый ответ, правда, выглядел существенно иначе; там, например, говорилось: «Во всяком случае высокое Имперское правительство может пребывать в убеждении, что мы наверняка не стали бы пытаться ввязывать высокое Имперское правительство в какие-либо осложнения, возникшие по нашей собственной вине, и тем самым создавать для него какие-либо неприятности.

Совершенно преданный Вашему превосходительству
Карл Петерс».

Запугиваниями, посулами и попытками подкупа ему удалось тогда заключить с вождями областей Усагары, Усегуа, Нгуру и Уками в Танганьике «договоры о вечной дружбе», согласно которым «исключительное и полное право совершенного и неограниченного частного использования» соответствующего района передавалось «господину Карлу Петерсу как представителю „Общест-

---

[4] Предписание германского министерства иностранных дел императорскому консульству на Занзибаре — не брать на себя какую-либо ответственность за действия Петерса; по поручению рейхсканцлера подпись под этим предписанием поставил граф Гатцфельдт, министр иностранных дел.— *Примеч. пер.*

ва германской колонизации"». При этом смысл и цель подобных договоров на владение территорией были совершенно не ясны вождям. Они осознавали лишь сиюминутные личные выгоды от этого, но так и не поняли, что являются лишь пешками на шахматной доске политической игры. Петерс, «трагедия» которого состояла в том, что он, по мнению Генриха Лота, «был на шаг впереди общественного мнения в отношении империалистических устремлений Германии», вынашивал даже планы «в худшем случае связаться с королем Леопольдом и Генри Стэнли и попытаться присоединить приобретенные нами области к образующемуся государству Конго в виде своеобразного „немецкого фланга"».

Таким образом, в 1884 году была осуществлена «первая попытка» создания германской колонии в Восточной Африке, которая задним числом была санкционирована «охранной грамотой Его величества императора Вильгельма I». Последовавший протест занзибарского султана Саида Баргаша германский рейх сумел дезавуировать ультиматумом, угрозой по адресу Англии и маневрами флота в августе 1885 года.

С помощью таких же способов не удалось бы заполучить новые владения в 1885—1886 годах, «если бы мы не бросались повсюду, как волки». Это второе путешествие Петерса, теперь уже при покровительстве монополий и крупных помещиков, финансировавшееся из фондов самого императора, имело целью приобретение всего побережья, поскольку «переговоры о величине таможенной компенсации в Дар-эс-Саламе и Пангани были для меня всего лишь предлогом»,— писал Петерс.

«Благодаря этому договору,— считал Петерс,— занзибарский султан в финансовом отношении окажется в полной экономической зависимости от Германского Восточноафриканского общества». И разумеется, будет не слишком сложно, поскольку жизнь султана была на исходе, «разжечь после его смерти страсти вокруг наследования престола, что послужит хорошим поводом для пересмотра этого договора».

В апреле 1888 года Саид Халифа, преемник Саида Баргаша, был вынужден подписать договор о побережье — тем самым фактически началось германское колониальное господство в Восточной Африке. Последовавшее восстание местного населения против проводимой «Германским Восточноафриканским обществом» по-

литики дало Германии предлог для вооруженного вмешательства, которое увенчалось 1 января 1891 года превращением всей этой территории в колонию Германской империи.

В 1889 году Петерс в третий раз появился в Восточной Африке, чтобы, как он сам сформулировал, в «броске к Верхнему Нилу» еще раз осуществить грандиозные планы колониального захвата. Как уже говорилось, восстание махдистов тогда изолировало Экваториальную провинцию Судана от остального мира, и Эмин-паша, бывший губернатором хедива, выжидал исхода событий сначала в Ладо, потом в Ваделаи, а напоследок — у озера Альберт. Европейская пресса узнала об этом из сообщений Юнкера и Казати. Английские и германские колониалисты понимали, что спасение важной политической фигуры будет способствовать их колонизаторским притязаниям, а также установлению контроля над подвластной ей провинцией. Великобритания говорила о долге и о «непосредственной заинтересованности в судьбе последнего из губернаторов Гордона» (так сформулировал это Стэнли), а Германия, как обычно, эксплуатировала слова о возложенном на нее «почетном долге по отношению к смелому немецкому пионеру» (так выражался Петерс).

В Великобритании немедленно образовался «Комитет спасения», верхушка которого позже была полностью представлена в «Британской Восточноафриканской компании». Этот комитет создал крупный денежный фонд, который позволил Стэнли снабдить свою «спасательную экспедицию» новейшим оружием (винтовками «Ремингтон» и пулеметами «Максим»; Швейнфурт и Юнкер, которые повстречали экспедицию Стэнли в Каире, решили, как сообщал сам Стэнли, что имеют дело с «наступательным отрядом»). В Германии также организовался «Комитет по спасению Эмин-паши», правда, уже после того как Стэнли отправился в путь в январе 1887 года — это произошло в начале 1888 года, когда считалось, что Стэнли пропал в лесах Конго. Ядро германского комитета состояло из показавших себя в деле колонистов, членов «Германского Восточноафриканского общества» во главе с Петерсом, из заправил карателей, политиков и крупных промышленников. Пресса кричала о «патриотизме» и обрушивалась на «эгоистичную торговую конкуренцию». Петерс же писал просто и ясно: «Речь шла... о расширении его

(Эмин-паши.— *К.-Х. Б.*) сферы господства до берегов озера Виктория и о расширении германской управляемой территории, а также о заключении соответствующего договора. Тем самым Германская империя стала бы нильской державой... и несмотря на все упущения предшествовавших лет, Германская империя наконец обрела бы в Восточной Африке господствующее положение».

Тем временем экспедиция Стэнли, в которой приняли участие девять европейцев и более 700 африканцев, нашла Эмин-пашу у озера Альберт после полного приключений похода, преодолев более чем за год 4600 километров. Стэнли предложил Эмин-паше три варианта, которые все служили британским интересам на экваторе и должны были предотвратить переход этой столь важной провинции в сферу влияния конкурирующей колониальной державы. Из-за бунта среди его собственных офицеров Эмин-паше пришлось последовать за Стэнли на побережье.

Однако там Эмин-паша отказался от своих прежних намерений и перешел на службу Германии. Вновь отправившись под германским флагом во внутренние области Восточной Африки, руководствуясь германскими планами колониальной экспансии (и поносимый Великобританией — как-никак его «благосклонный повелитель», египетский хедив, потратил на операцию по его спасению 14 тысяч, а его «британские друзья» — 16 тысяч фунтов стерлингов), Эмин-паша встретил своего немецкого «спасителя» Петерса.

Хотя собственное германское правительство весьма мешало успеху предприятия (Бисмарк в своей колониальной политике старался не допустить напряженности в отношениях с Англией), отряд под предводительством Петерса успел углубиться в страну масаев до Усоги. («У них страх перед немцами дошел до мозга костей — и надолго останется там!»). Поскольку Петерсу стало здесь известно, что Эмин-паша уже год назад отбыл из своей провинции вместе с экспедицией Стэнли, Петерс обратил взор в сторону Буганды и 27 февраля 1890 года заключил с кабакой Мвангой договор — прежде, чем там появились англичане под командованием Джексона. («Во всяком случае была устранена опасность одностороннего захвата этой территории со стороны Великобритании»,— говорил Петерс.)

Джексон, который прибыл в Африку по поручению

«Британской Восточноафриканской компании», в ноябре 1889 года дошел до границы Буганды, однако не решился войти на территорию страны, сотрясаемой гражданской войной. Вернувшись на побережье, Петерс узнал о том, что тем временем был заключен так называемый Гельголандский договор о Занзибаре, «который словно одним ударом кулака уничтожил все усилия последних лет» и который, горько жаловался Петерс, «в колониально-политическом отношении был равнозначен преданию анафеме самой идеи Германской Восточной Африки». Настал конец эпохе колониальных эскапад некоего Петерса или Эмин-паши, из-за которых и Бисмарк, и германское правительство не раз оказывались в неловком положении перед Великобританией; германский рейхсканцлер был вынужден характеризовать их усилия как «деятельность частных лиц, никем не санкционированную»...

Более осторожная колониальная политика Бисмарка, проводимая им с начала 1887 года, завершилась подписанием Гельголандского договора о Занзибаре, которым два крупных соперника надеялись сгладить свои колониальные противоречия. Это, однако, не удалось — договор стал лишь очередным этапом на пути противоборства между империалистическими державами и лишь знаменовал собой новую эпоху колониальной борьбы.

ГЛОССАРИЙ

А б у н а — титул верховного иерарха в Эфиопии, который короновал императора при восшествии на престол.

А м б а ч (*Aedemone mirabilis*) — кустарниковое растение, встречающееся в заболоченных местах и на водных пространствах рек и озер Восточной и Западной Африки.

А р д е б — древняя мера объема, употреблявшаяся в Египте и Судане. А р д е б, использовавшийся на правительственных складах в правление Мухаммеда Али, равнялся 197,747 литра. В разных местностях величина а р д е б а колебалась от 130 до 200 литров.

А р н а у т — тюркское название албанцев.

Б а з и н г е р — чернокожий раб, мобилизованный для службы в зерибе или в египетских военных форпостах на Верхнем Ниле.

Б а м и я (*араб.*) (*Hibiscus diversifolius, Hibiscus exculentis*) — недозревшие коробочки этого растения местные жители высушивают и используют в качестве приправы. Встречается по всему течению Нила и в других тропических регионах Африки. Приготовленная особым образом, бамия вкусна и питательна.

Б е л у д ж — солдат-наемник султана Занзибара, завербованный в Индии специально для отрядов, защищавших форты на побережье. Первоначально это были преимущественно выходцы из Белуджистана, западной провинции нынешнего Пакистана.

Б е р б е р (также донголанец, нубиец) — уроженец долины Нила в Нубии между Донголой и Хартумом (из народов барабра, донгола и т. д.). Берберы покидали свою родину из-за непосильных налогов, которые взимали египтяне. Главным образом они подряжались в зерибы на Верхнем Ниле или же занимались охотой на слонов; однако у берберов была дурная слава бандитов, похитителей скота и охотников за рабами.

Б и л ь г а р ц и о з — длительное, порой кончавшееся смертью заболевание, вызванное мелкими глистами (трематодами); во всем мире от него страдает около 300 миллионов человек. Следы этой болезни, возбудителя которой открыл в 1851 году немецкий врач Теодор Бильгарц, обнаружены уже в мумиях из древнегреческих захоронений.

Б у н и т (мн. число: б у н ё к) — колдун, заклинатель дождя, шаман, знахарь; участник всех церемоний. Иногда его сан передавался по наследству, но обычно б у н и т выбирался соплеменниками.

В е к и л ь (*араб.*) — заместитель (*мудира*, торговца и т. п.). В зерибе векилем называли управляющего, комендanta.

Г а з в а (или г а с у а) (*араб.*) — разбойничий набег с целью захвата рабов.

Г е з и р а — от арабского слова, означающего «остров»; заливные

земли в Судане в междуречье Белого и Голубого Нила. Простирается от Хартума до железнодорожной линии Сеннар — Кости.

Гог — на языке народа динка означает «лес», прилегающая к реке зона лесов. Часть того же леса, но находящаяся на возвышенном месте и потому обезвоженная, называется гогдит, то есть «большой гог».

Данагла (*араб.*) — множественное число от донголанец — торговец из города Донгола; они торговали тканями, порохом и нередко рабами. Употребляется также в качестве синонима для обозначения всех истинных нубийцев (см. Бербер).

Дар Фертит — так в давние времена называли все «языческие» народы на юге Дарфура.

Дахайбийе, дахабие — нильская барка с несколькими каютами и двумя мачтами с парусами, на передней — треугольный, так называемый латинский, парус.

Джеляб (*араб.*) — также «галлаба», «джеляба», от слова «джальб» — «ввоз», «импорт»; торговец, путешествовавший в дальние страны; в верхнем течении Нила нередко занимался и работорговлей.

Дира (зира) — «локоть», древняя мера длины, основа египетской системы мер и весов, введенной в IV веке н. э. при императорах Феодосии, Валентиниане и Аркадии; соответствует удвоенному римскому футу (=0,582 м), который европейцы называли также «пик».

Долейбовая пальма (*Borassus flabellifer*) — в Восточной Африке называется «мвумо», а на Верхнем Ниле — «долеб». У пальмы красивый, прямой ствол, с утолщением (в форме бутылки) в верхней ее части; высота — до 30 метров, диаметр больших веерообразных листьев — около 3 метров.

Драгоман — здесь: бывший узник работорговцев, научившийся говорить по-арабски. Обычно драгоманы несли своего рода полицейскую службу среди местного населения, отвечали за общественный порядок в деревне и за своевременную уплату налогов, при необходимости в их обязанности входил наем работников и носильщиков.

Дурра (*араб.*), (*Sorghum durra*) — негритянский ячмень, початковое просо, кафрская пшеница; основной продукт земледелия в Африке, возделывается также в Индии и Китае. Существует множество разновидностей.

Духн (*араб.*), (*Penicillaria spicata, Penisetum*) — зерновая культура; травянистое растение с ложным колосом до трех метров в высоту.

Заидж (или Зиндж) — так арабские географы в средние века называли страны на побережье Индийского океана южнее Африканского Рога — от Берберы (Сомали) до Софалы (в 40 километрах к юго-западу от Бейры в Мозамбике). Отсюда и наименование проживавших на побережье народов (зинджские народы).

Зериба (*араб.*, «забор, ограждение») — название окруженных забором, нередко живой изгородью, поселений, независимо от того, скрывается ли за ними целая деревня или же один-единственный крестьянский двор. Главным образом употребляется для обозначения поселений торговцев рабами и слоновой костью на Верхнем Ниле. Кроме того, так называются большие, перегороженные пространства, окруженные частоколом, имеющие

внутри несколько дворов, соломенных хижин, складов зериба. Даже столь крупные опорные пункты, как Гондокоро и Ладо нередко обозначались как «зериба».

Иоанн (правитель, «пресвитер») — с именем «царя-первосвященника Иоанна» в христианском мире было связано представление о существовании к югу от мусульманской сферы влияния христианского государства, властителя которого хотели привлечь на свою сторону в борьбе с «неверными». Долгое время оставалось неясным, где искать это государство: в азиатской или же в африканской «Индии». В XIV веке, в связи с дошедшими до Европы сведениями, считалось, что это государство — Эфиопия, где сохранилось христианство коптов. Лишь в 1488 году легенда об Иоанне была окончательно развенчана, когда абиссинский монах Лукас Маркос привез в Португалию известие, что его государь, хотя и христианин, сам нуждается в помощи в борьбе против ислама.

Каба — лесостепь, а также заболоченный лес, где растут акации, тамаринды, высокий тростник и степные травы.

Кальдера (от исп. «большой котел») — кратер с крутыми склонами и ровным дном, образовавшийся вследствие провала вершины вулкана, а иногда и прилегающей к нему местности.

Кантар — традиционная мера веса для хлопка в Египте и Судане. 1 кантар = 44,9 кг.

Каравелла — типы судов XV и XVI веков. Парусные суда, по большей части длиной 20—25 метров. На них мореплаватели Португалии, а также и других стран совершали смелые исследовательские экспедиции.

Кирангози — понятие, употребляемое в Восточной Африке для обозначения начальника каравана, предводителя носильщиков. Ему причитались лучшие подарки, он получал более высокую плату, однако на его долю приходилось и ведение переговоров с вождями о размере «хонго», платы за проход через их территорию.

Копты — последователи христианства в Египте; они считались прямыми потомками древних египтян, поскольку браки совершались лишь внутри этой группы населения.

Лапилли — округлые или угловатые вулканические выбросы размером от 2 до 50 миллиметров. Состоят из застывшей в полете свежей лавы, старой лавы и чуждых вулкану пород.

Ливия — поначалу так называли все земли западнее русла Нила, но впоследствии — всю Северную Африку. После Эратосфена древние греки называли «Ливией» всю Африку. В Древнем Риме название «Африка» относилось лишь к Карфагену и к окружающей его римской провинции.

Мбугу — древнее национальное одеяние в Буганде, из ткани из коры одного из видов фикуса; у мужчин это свободно спадающее с правого плеча покрывало, а у женщин — кусок ткани, укрепленный под мышками. Использовалось и в государстве Буньоро, однако там ткань была хуже качеством.

Мединский червь (*Filaria medinensis*) — гвинейский глист; арабское название — «фарентей», от слова «фараон» (фараонов глист).— Один из видов нематод (круглых червей), попадающих в организм человека с питьевой водой.

Мек (*араб.*) — сокращенное слово «мелик» — царь, князь. Так называли мелких африканских правителей, оставшихся верными

традиционным верованиям предков или же только сделавших вид, что приняли ислам.

Мело́ — род лопаты (в виде заступа или совка), ширина 3—5 дюймов; употребляется для обработки полей, причем у нилотских народов Верхнего Нила одновременно используется как эквивалент денег, имеет хождение и в меновой торговле.

Мерисса — одурманивающий напиток из дурры и других видов проса; изготавливается в Судане.

Мешра (*араб.*) — первоначально это слово обозначало место водопоя, где брали и питьевую воду, впоследствии — причал, якорную стоянку.

Миля — до введения метрической системы — единица длины. 1 германская географическая миля = 7420 м;
1 английская миля (сухопутная, или уставная миля) = 1609 м;
1 морская миля = 1852,9 м.

Миомбо — характерный для тропических районов Восточной и Южной Африки сухой лес с очень редкой растительностью бобовых, имеющих зеленый покров в дождливый сезон (особенно это касается. *Berlinia eminii* высотой до 20 м и светло-зеленой перистой листвой) и сбрасывающих в сухой сезон всю листву.

Моджжо — мера объема, распространенная в Северной Африке. Название ее восходит к греческому «модию», ее величина менялась в зависимости от времени и места. Так, в Марокко около 1500 года она составляла около 3,62 л, хотя в городе Фесе — 4,32 л.

Монофиситы — разновидность христианского вероучения у коптов, уже в V веке она отошла от ортодоксального христианского вероучения, поскольку признавалась лишь божественная природа Иисуса Христа (а не двойственная — и божественная и человеческая). Это вероучение, сформулированное египетским патриархом Кириллом, было подкреплено решением синода в Эфесе в 449 году. В процессе многократных догматических столкновений, направленных против господства Византии и нередко приводивших к кровопролитию, монофиситы Египта и Сирии отделились от государственной церкви и отстояли свою независимость (см. Копты).

Мокрен — мыс в Хартуме, в месте слияния Белого и Голубого Нила.

Мание — понятие, употребительное у нилотов (народ бари): владелец, хозяин, вождь небольшого клана (соответствует арабскому понятию «шейх» или «шех»). Богатых мание, имеющих много скота, называют матат — «князь», а самых богатых — матат дума. Но и последние обладают меньшей властью и влиянием, чем бунит (см.).

Мудир — глава провинции, губернатор; прежде все области, находившиеся под властью Египта, делились на мудириаты (или провинции — ед. ч. «мудирие»).

Мурах — загон для скота динка.

Не́кер — крупная грузовая барка из нильской акации, с 18-метровой мачтой и небольшими палубами на корме и на носу.

Оки (*араб.*, множ. число от «ока») — традиционная египетская мера веса; 1 ока = 400 дирхем = 1,236 кг.

Птолемеи — царская династия в эллинистическом Египте в 305—30 гг. до н. э. Основана Птолемеем I (сыном Лага) в 323 г. до н. э., а завершается Птолемеем XII, Александром II

(законным правителем, 81 г. до н. э.) и Клеопатрой (не признанной правительницей, 30 г. до н. э.). При Птолемее II Филадельфе была основана знаменитая Александрийская библиотека.

Р е т х — верховный правитель, царь шиллуков; в прежнее время обладал весьма значительной властью.

С а к е л л я р и д ы — длинноволокнистый сорт хлопка, длина волокна составляет более 28,6 мм.

С а к и й е — ворот для поднятия воды из колодца, обычно приводимый в действие двумя или тремя парами быков. 22 глиняных сосуда ворота (сейчас вместо них часто используются жестяные канистры) способны поднимать в час около 6 тысяч литров воды на высоту 6—7 метров.

С а х е л ь (*араб.*) — «берег», область вдоль пустыни Сахара, со скудной растительностью, позволяющей, однако, вести выпас скота. Недостаток дождей в последние годы вызвал сильную засуху, имевшую катастрофические последствия как для людей, так и для животных.

С т р а т о в у л к а н (слоистый вулкан) — вулкан, конус которого сложен из чередующихся потоков затвердевшей лавы и ее обломков, сцементированных и превратившихся в туф. Обычно образуют купола очень красивой формы (например, вулканы Вирунга, Килиманджаро).

Т е л е б у н (*араб.*) — трава с толстыми колосьями, подобно дурре, возделывается как зерновой продукт; во многих местностях — основной продукт питания, несмотря на горький привкус, как и дурра, используется для приготовления крепкого, но очень горького напитка.

Т е м б е — распространенный в Восточной Африке тип хижин: четырехугольные, низкие, с плоской крышей или же обнесенные со всех сторон забором (внутренние дворы); сооружаются из глиняных кирпичей, высушенных на солнце, или же из плетеных циновок, обмазанных глиной.

Т у к у л ь (*араб.*) — древнее жилище у нилотских и нубийских народностей, распространено и в Эфиопии. Круглая хижина, крытая соломой, с конусообразной крышей.

«Т у р о к» — в захваченных Египтом областях Судана наименование египтян и их приспешников, обычно воспринималось как презрительная кличка.

Ф е д д а н — традиционная мера площади в сельском хозяйстве в Египте и Судане. 1 феддан = 4201 м^2 = 0,42 га.

Ф е л л а х (*араб.*) — араб, занимающийся земледелием.

Ф и р м а н (*перс.*, «приказ») — указ или постановление Высокой Порты, освященное именем султана, поэтому во всех районах, подвластных Османской империи, требовалось его неукоснительное выполнение.

Ф о р т — военный форт; здесь: основанные Бейкером и Гордоном в 1869—1878 годах египетские опорные пункты от Гондокоро до Буньоро. Обычно были окружены земляным валом и частоколом; вооружены полевыми пушками.

Х а м с и н (*араб.*) — горячий сухой ветер, пылевая буря; наносит огромный ущерб урожаям.

Х а р и ф (*араб.*) — осень; здесь: сезон дождей.

Х е д и в (*перс.*, «князь») — начиная с 1867 года этот титул был пожалован Высокой Портой вице-королю Египта Исмаил-паше (прежде его титул был — вали, или «наместник»).

Хор (*араб.*) — овраги и ущелья от эпизодически возникающих дождевых потоков. В верхнем течении Нила употребляется также для обозначения ручьев и небольших речушек.

Шадуф — древний водоподъемник, приводимый в движение рукой человека, похож на колодец с «журавлем», но более примитивный. Применялся для орошения полей еще в Древнем Египте. За один час с помощью шадуфа можно поднять на высоту три метра около 3 тысяч литров воды.

Шамба (на языке суахили) — «насаждение», поле, обработанное с помощью мотыги.

Шеба — двойное ярмо, надевавшееся на рабов во время их транспортировки. Представляло собой толстые, скрепленные друг с другом вилообразные ветки, куда пленные просовывали головы. Сзади «вилы» закреплялись деревянной поперечиной.

Шейх (*араб.*) — «старейшина», «глава». На Востоке имеет различные значения: деревенский староста, вождь, ученый муж, а также человек, почитаемый святым, чья могила является местом поклонения.

Экваториальная провинция — самая южная провинция Судана в годы зависимости от Египта; в нее входили три района: Бахр-эль-Газаль, Роль, или Румбек, и собственно Экваториальная провинция. Приблизительно соответствует территории современных провинций Бахр-эль-Газаль и Экватория в Демократической Республике Судан.

ЛИТЕРАТУРА

Baker S. W. Der Albert—Nyanza, das grosse Becken des Nil und die Erforschung der Nilquellen. 2 Bde. Jena, 1867.

Baker S. W. Die Nilzuflüsse in Abyssinien. Braunschweig, 1868.

Baker S. W. Ismailia. 2 Bde. L., 1874.

Baumann O. Durch Massai—Land zur Nilquelle. B., 1894.

Beke Ch. T. The sources of the Nile with a history of Nilotic discovery. L., 1860.

Beke Ch. T. Lecture on the sources of the Nile. L., 1864.

Brehm A. E. Aus Brehms Tagebüchern (Hrsg. Kleinschmidt). Lpz., 1952.

Brehm A. E. Brehms Weltreisen. Mannheim, 1956.

Bruce J. Reisen zur Entdeckung der Quellen des Nils in den Jahren 1768, 1769, 1770, 1771, 1772 und 1773. 5 Bde. Lpz., 1790.

Cooley W. D. Inner Africa laid open. L., 1852.

Dapper O. Umbstaendliche und Eigentliche Beschreibung von Africa. Amsterdam, 1671.

Emin Pascha M. Sammlung von Reisebriefen und Berichten. Lpz., 1888.

Grant J. A. A walk across Africa or domestic scenes from my Nile journal. L., 1864.

Heuglin Th. von. Reise in das Gebiet des Weissen Nil und seiner westlichen Zuflüsse. Lpz., 1869.

Heuglin Th. von. Reise in Nord—Ost—Africa. Gotha, 1857.

Heuglin Th. von. Reise nach Abessinien, den Gallaländern, Ostsudan und Khartum. Gera, 1874.

Hoskins G. A. Travels in Ethiopia. L., 1835.

Junker W. Reisen in Afrika. 1875—1886. 3 Bde. Wien, 1891.

Kandt R. Caput Nili. Eine empfindsame Reise zu den Quellen des Nils. 2 Bde. B., 1914.

Krapf J. L. Reisen in Ostafrika ausgeführt in den Jahren 1837—1855. 2 Bde. Stuttgart, 1858.

Leo J. (*Leo Africanus*). Beschreibung von Afrika. Herborn, 1805.

Livingstone D. Narrative of an expedition to the Zambesi and its tributaries. L., 1865.

Lobo H. Reise nach Habessinien und zu den Quellen des Nils. Zürich, 1793/94.

Ludolf H. Historia aethiopica. Frankfurt (Main), 1681.

Lugard E. The Rise of our East African Empire. Edinburgh, 1893.

Mecklenburg A. F. Herzog zu. Ins innerste Afrika. Lpz., 1909.

Miani G. Il viaggio di G. M. a Monbuttu. Roma, 1875.

Miani G. Spedizione verso le origini del Nilo. Cairo, 1860.

Munzinger W. Ostafrikanische Studien. Schaffhausen, 1864.

Pallme I. Beschreibung von Kordofan und einigen angränzenden Ländern. Stuttgart, 1843.
Russegger J. von. Reisen in Europa, Asien und Afrika, unternommen in den Jahren 1835 bis 1841. 4 Bde. Stuttgart, 1844.
Schebesta P. Bambuti, die Zwerge vom Kongo. Lpz., 1932.
Schebesta P. Vollblutneger und Halbzwerge. Salzburg/Lpz., 1934.
Schweinfurth G. Im Herzen von Afrika. Lpz., 1918.
Sell M. Die schwarze Völkerwanderung. Wien, 1940.
Speke J. H. Die Entdeckung der Nilquellen. Lpz., 1864.
Stanley H. M. Durch den dunkeln Welttheil. 2 Bde. Lpz., 1881.
Stanley H. M. Im dunkelsten Afrika. 2 Bde. Lpz., 1890.
Stanley H. M. Wie ich Livingstone fand. 2 Bde. Lpz., 1879.
Stuhlmann F. Mit Emin Pascha ins Herz von Afrika. B., 1894.
Suret-Canale J. Schwarzafrika, 2. Bde. B., 1966.
Wilson C. T., Felkin R. W. Uganda und der aegyptische Sudan. 2 Bde. Stuttgart, 1883.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Наши представления об облике земного шара складывались в течение многих столетий, и последние «белые пятна» на карте мира исчезли практически уже на памяти нынешнего поколения. Вся история географических открытий была полна драматизма, отмечена примерами огромного человеческого мужества, упорства и самоотверженности. На эти темы написано множество книг, но тем не менее литераторы и журналисты в разных странах снова и снова обращаются к ним. Ведь каждое следующее поколение читателей ищет в прошлом что-то свое, именно ему интересное — и прошлое географического исследования нашей планеты не составляет в этом отношении исключения.

Все сказанное в полной мере относится и к истории географического изучения Африканского континента. Надо сказать, что если уж мы говорим о драматизме, то исследование Африки, бесспорно, было одной из самых драматичных страниц в географическом изучении земли. Тут в изобилии были представлены как драмы идей, так и драмы политические, с высоким мужеством порой соседствовала какая-то непонятная на первый взгляд мелочность, те, кто, рискуя жизнью, прокладывал маршруты своих путешествий по африканской земле, очень часто сталкивались не просто с непониманием современников, но непониманием агрессивным. Процесс познания никогда не бывает простым, но в данном случае его осложняли многие привходящие факторы политического и социально-экономического свойства.

Здесь следует сделать довольно существенную оговорку. Мы говорим об открытии Африки и ее исследовании. Но при этом надо помнить, что речь идет об открытии и исследовании континента европейцами, людьми другой культуры, сформированными другими обществами, нежели те, с которыми они сталкивались в Африке. Сами африканцы, конечно, прекрасно знали ту землю, на которой жили. Не случайно практически все европейские экспедиции двигались по путям, которые задолго до их появления на африканской земле проложили местные жители. Связи между разными районами континента были давними и достаточно интенсивными. А это озна-

чает, что «открытие» в данном случае во многом было как бы вторичным. И тем не менее это было именно открытие. Ни одно из обществ Тропической Африки по своему уровню социально-экономического развития не могло ставить перед собой задачу познания Африки в целом. Знакомство в данном случае оставалось локальным, ограничивалось своей страной и областями, с нею непосредственно соседствующими. Знания за этими пределами оказывались туманными и нередко недостоверными. Задаться целью нарисовать действительную карту Африки в ее целостности смогла только современная наука, начавшая складываться в Европе с нового времени, т. е. с XVII в.

Журналист из ГДР Карл-Хайнц Бохов посвятил свою книгу истории открытия истоков Нила. Именно эта часть Африканского континента была, пожалуй, той областью, к которой проявляли наибольший интерес европейцы начиная со времен античности. В этом нет ничего удивительного: в нильской долине сложилась и развивалась одна из древнейших цивилизаций человеческой истории; этой цивилизации очень многим были обязаны и античная Греция, и эллинистический мир, и Римская держава. И поэтому не случайно, что впервые проблема истоков великой африканской реки возникает в сочинении Геродота в V в. до н. э. Впрочем, сам Геродот определенно располагал какими-то сведениями, которые ему сообщили в Египте: для египтян режим Нила и его истоки были не просто академическим вопросом — от паводков реки зависела жизнь страны, ее благополучие.

В трудах ученых первых веков нашей эры, особенно в труде великого египетского астронома и географа Клавдия Птолемея, уже представлен тот набор сведений об истоках Нила, которым будет пользоваться мировая наука едва ли не до XIX в. И Птолемей, и воспринявшие в основном его схему арабские географы средневековья, по существу, отражали, хотя и в причудливо искаженном виде, реальную картину. В их трудах фигурировали и озера, через которые проходит река, и горные массивы восточноафриканского Межозерья, получившие название «Лунных гор». Правда, долгие годы с Нилом связывали и крупнейшую реку Западной Африки — Нигер, и впадающие в Индийский океан реки Веби-Шебели и Джуба. А позднее, после того как европейцы достигли устья Конго, величайшей реки Африки, возникла и проблема соотношения Конго и Нила.

Весь этот круг проблем оставался неразрешенным на протяжении всего средневековья и первых столетий нового времени. И только XIX в. внес окончательную ясность в вопросы, мучившие не одно поколение ученых. В том, что это случилось именно в прошлом веке, тоже не было ничего удивительного. Окончательно победивший в ряде стран Европы капитализм лихорадочно искал по всему свету

рынки сырья и сбыта своих товаров. Поэтому исследование Африки, в том числе и области верховий Нила, стало как бы международным предприятием. В нем в разное время и в разной степени участвовали британцы, французы, итальянцы, немцы, швейцарцы, голландцы. Свой вклад внесли и наши соотечественники. Автор книги довольно подробно говорит об экспедициях В. В. Юнкера в 70—80-х годах. Однако еще в 1847—1848 годах русский горный инженер Е. П. Ковалевский, приглашенный в Египет пашой Мухаммедом Али для поисков и разработки месторождений золота, подробно исследовал течение одного из главных притоков Белого Нила — реку Собат. Можно добавить к этому, что полвека спустя другой русский путешественник, А. К. Булатович, вышел к истоку Собата, реке Баро, с другой стороны — из Эфиопии.

Однако ведущая роль в поисках истоков Нила в XIX в. принадлежала все же британским путешественникам. Это тоже понятно: Великобритания XIX в. была страной, более всего продвинувшейся в капиталистическом развитии, и названия типа «владычица морей» или «мастерская мира» в то время отнюдь не были просто риторическими. Именно британцы с особенной настойчивостью продвигались в глубь Африки, именно их экспедиции обычно пользовались наибольшей поддержкой государства и общественности и бывали лучше всего оснащены (хотя, конечно, тут не обходилось без исключений). В принципе существовала достаточно тесная связь между географическими открытиями и последующим колониальным захватом и «освоением» вновь открываемых земель. Автор книги эту связь показывает вполне обоснованно, так же как и последовавший за географическими исследованиями раздел бассейна Нила между империалистическими державами, при котором львиная доля досталась опять-таки Великобритании. И в то же время Бохов не скрывает того, что люди, подготовившие этот раздел, были очень разными. Избранная им форма изложения, когда наши современные представления даны как бы на фоне высказываний путешественников прошлого, не только делает текст живым, а подчас и просто захватывающим, но и демонстрирует, какими разными были люди, подготовившие этот раздел.

Конечно, всех их объединяли незаурядное мужество и жажда знаний. Общим для всех был и некий спортивный дух — желание прийти первым, первым решить многовековую загадку. Но в том, как реализовывалась эта чисто британская страсть к спортивному успеху, прежде всего и проявлялись различия. К сожалению, как раз здесь нередко и проявлялась та мелочность, о которой у нас была речь. Да и в индивидуальном плане довольно сильно отличались друг от друга такие люди, как Грант, которого интересовал как раз спортивный успех; Бёртон — один из основоположников расистской идеологии колониализма; Бэйкер — практик колониализма, ставший

губернатором провинции на египетской службе и подготавливавший захват британцами Юга современного Судана. Причем, конечно, характерно, что по мере закрепления в верховьях Нила британского влияния именно прагматически-колониалистский подход к географическому исследованию все более выдвигался на первый план. И происходило это во всех главных частях бассейна Нила, которые вполне справедливо выделены Боховым в его повествовании,— на Голубом и Белом Ниле, на Эль-Газаль и в Межозерье. Справедливо потому, что формирование карты Нильского бассейна даже в годы бурного расцвета исследований шло неравномерно, и самые труднодоступные его районы, вроде Эль-Газаль, обследовались позднее остальных.

Книга К.-Х. Бохова увидела свет в 1977 году. Десять лет по нашим временам — большой срок, особенно в современной Африке, которую отличает исключительный динамизм политических процессов. Поэтому, вероятно, стоит в заключение коротко остановиться на тех переменах, что произошли в странах, где расположены истоки и верхнее течение Нила, с момента публикации книги.

Наибольшие изменения произошли в Уганде и Эфиопии. Когда немецкий автор заканчивал свою книгу, в первой из этих стран свирепствовала террористическая диктатура Иди Амина. Но весной 1979 г. эта диктатура была свергнута отрядами повстанцев, которым оказала поддержку танзанийская армия. В декабре 1980 г. президентом Уганды стал Милтон Оботе, занимавший этот пост до военного переворота, организованного Амином в 1966 г. Однако и режим Оботе просуществовал недолго: в 1985 г. к власти снова пришли военные. Но и на этом борьба за власть в стране не завершилась, и после ряда военных столкновений руководство в Уганде перешло в руки главы одного из повстанческих движений, выступивших против Оботе, Йовери Мусевени. Новое правительство вынуждено сейчас решать сложнейшие, но жизненно необходимые задачи национального примирения и экономического восстановления страны, экономика которой, по существу, разрушена злоупотреблениями предшествовавших режимов и многолетними военными действиями.

В Эфиопии за истекшие десять лет окончательно определилась социалистическая ориентация страны. Важнейшим событием ее жизни стало создание сначала Комитета по организации Партии трудящихся Эфиопии (КОПТЭ), а затем — на базе выполненной Комитетом работы — Социалистической партии Эфиопии в 1984 г.— партии, теоретической основой деятельности которой стало марксистско-ленинское учение. Одним из главных внешних проявлений происходящих в стране перемен служит принятие нового официального названия ее — Социалистическая Эфиопия. В течение истекших лет Эфиопии пришлось отражать агрессию со стороны Сомали и подав-

лять вооруженные выступления сепаратистов на северо-западе страны. В 1984—1985 гг. на Эфиопию обрушилась небывалая засуха, из-за которой пришлось организовывать массовое переселение жителей из подвергшихся засухе областей на новые плодородные земли в центральных и южных районах страны. Несмотря на эти трудности, Социалистическая Эфиопия приступила к строительству основ нового общества.

Весной 1985 г. в Судане был свергнут прозападный режим Нимейри. Взявший власть комитет, возглавляемый военными, образовал Временное правительство, которое затем, в 1986 г., провело всеобщие выборы. В результате выборов было создано конституционное гражданское правительство. Среди задач, решаемых новым правительством, на одном из первых мест стоит ставшая, увы, уже традиционной для Судана задача достижения мира в трех южных провинциях страны, населенных народами негроидной расы, исповедующими традиционные религии или христианство. Начавшиеся в новой обстановке переговоры с лидерами южан позволяют надеяться на достижение в конечном счете приемлемого для обеих сторон урегулирования положения. К сложнейшим проблемам Судана относится также восстановление народного хозяйства, заведенного в тупик экономической политикой Нимейри, проводившейся на основе рекомендаций Международного валютного фонда и принесшей стране огромный рост государственного долга при отсутствии сколько-нибудь заметного роста производства.

В Танзании важнейшим событием стало создание 21 января 1977 г. на основе самораспустившихся партий ТАНУ и ПАШ единой Революционной партии (ЧЧМ). Председателем партии был избран Дж. Ньерере, сохранивший этот пост и после отставки с поста президента Республики. Стране в ходе реализации планов социального и экономического развития пришлось преодолеть ожесточенное сопротивление противников социалистической ориентации, пытавшихся также добиться отделения Занзибара от Объединенной Республики Танзании. С ноября 1985 г. пост Президента ОРТ занимает А. Х. Мвиньи.

Л. Е. Куббель

СОДЕРЖАНИЕ

Бохов К.-Х.

Б86 К истокам Нила. По следам путешественников прошлого. Пер. с нем. В. И. Болотникова. Послесл. Л. Е. Куббеля. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1987.

243 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

В книге журналиста-международника из ГДР Карла-Хайнца Бохова не только рассказывается о многовековых поисках истоков Нила, но описываются также прилегающие к нему страны (Руанда, Бурунди, Танзания, Уганда, Судан, Эфиопия), их природа и население. Много места и внимания уделено политической обстановке в этом регионе, экономической эксплуатации его капиталистическими державами, работорговле, борьбе капиталистических стран за политическое влияние в Северо-Восточной Африке.

Б $\frac{1905020000-182}{013(02)-87}$ 68-88 ББКл8

Карл-Хайнц Бохов

К ИСТОКАМ НИЛА
По следам
путешественников прошлого

*Утверждено к печати
редколлегией серии
«Рассказы о странах Востока»*

Редактор *Л. З. Шварц*
Младший редактор *М. С. Грикуроаа*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *З. С. Теплякова*
Корректор *Л. М. Кольцина*

ИБ № 14350

Сдано в набор 06.03.87. Подписано к печати 28.09.87. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Иллюстрации отпечатаны на мелованной бумаге. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 13,02+0,84 вкл. Усл. кр.-отт. 14,49. Уч.-изд. л. 14,61. Тираж 30 000 экз. Изд. № 6217. Зак. № 225. Цена 95 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Книги Главной редакции восточной литературы издательства «Наука» можно предварительно заказать в магазинах Центральной конторы «Академкнига», в местных магазинах книготоргов или потребительской кооперации

Для получения книг почтой заказы просим направлять по адресу:

117192 Москва, Мичуринский пр., 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»;
197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкниги» или в ближайший магазин «Академкниги», имеющий отдел «Книга — почтой»;
480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 Баку, ул. Джапаридзе, 13 («Книга — почтой»);
232600 Вильнюс, ул. Университето, 4;
690088 Владивосток, Океанский пр., 140;
320093 Днепропетровск, пр. Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, пр. Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
420043 Казань, ул. Достоевского, 53;
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252142 Киев, пр. Вернадского, 79;
252030 Киев, ул. Пирогова, 2;
252030 Киев, ул. Пирогова, 4 («Книга — почтой»);
277012 Кишинев, пр. Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 Краматорск Донецкой обл., ул. Марата, 1 («Книга — почтой»);

660049 Красноярск, пр. Мира, 84;
443002 Куйбышев, пр. Ленина, 2 («Книга — почтой»);
191104 Ленинград, Литейный пр., 57
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2
199044 Ленинград, 9 линия, 16;
220012 Минск, Ленинградский пр., 72 («Книга — почтой»);
103009 Москва, ул. Горького, 19а;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный пр., 51;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской пр., 22 («Книга — почтой»);
142284 Протвино Московской обл., «Академкнига»;
142292 Пущино Московской обл., МР «В», 1;
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700029 Ташкент, ул. Ленина, 73;
701000 Ташкент, ул. Шота Руставели, 43;
700187 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6 («Книга — почтой»);
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
720001 Фрунзе, бульв. Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 78 («Книга — почтой»).

95 к.

Журиалист из ГДР Карл-Хайнц Бохов посвятил свою книгу истории открытия истоков Нила. Именно эта часть Африканского континента была, пожалуй, той областью, к которой проявляли наибольший интерес европейцы начиная со времен античности. В этом нет ничего удивительного: в нильской долине сложилась и развивалась одна из древнейших цивилизаций человеческой истории.